СОВРЕМЕННИКЪ.

ТОМЪ ТРИДЦАТЬ ПЕРВЫЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ПРИВИЛЕГИРОВАННОЙ ТИПОГРАФІИ Е. ФИШЕРА.

1843.

СОВРЕМЕННИКЪ.

XXXI.

СОВРЕМЕННИКЪ.

ТОМЪ ТРИДЦАТЬ ПЕРВЫЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ПРИВИЛЕГИРОВАННОЙ ТИПОГРАФІИ Е. ФИШЕРА.

1843.

Unveränderter fotomechanischer Nachdruck der Originalausgabe

ZENTRALANTIQUARIAT
DER DEUTSCHEN DEMOKRATISCHEN REPUBLIK
Leipzig 1970

Druck: (52) Nationales Druckhaus VOB National, 1055 Berlin
Ag 509/271/69 – 2153

УТЕВЫЯ ПИСЬМА ЛЕНРОТА ИЗЪ СѢВЕРНЫХЪ ГУБЕРНІЙ РОССІИ *.

Прошедшею осенью я обѣщалъ доставлять тебѣ по-временамъ извѣстія о путешествіи моемъ по Олонецкой и Архангельской губерніямъ; но до сихъ поръ я не могъ, да и теперь только отчасти могу исполнить мое обѣщаніе.

Я намѣревался изъ кирхшпиля Нурмисъ въ верхней Кареліи перейти въ кирхшпиль Репола Олонецкой губерніи и оттуда подняться въ Вуоккиніеми и другіе кирхшпили Архангельской губерніи, если время и другія обстоятельства позволятъ. Отъ Нурмисской церкви по крайней мѣрѣ 6 миль до деревни Іонгери, лежащей въ крайнемъ углу Нурмисскаго кирхшпиля между Реполаскимъ кирхшпилемъ съ одной и Кухмоскимъ капеланствомъ **

* Совр. Т. XXIX, стран. 160.

** По управленію духовному Финляндія раздѣлена на *кирхшпили* или *приходы*. *Капеланствомъ* называютъ часть прихода, отдѣленную отъ него либо по отдаленности своей, либо по чрезвычайному приращенію обывателей. Смотря по пространству, къ одному главному приходу могутъ принадлежать два, даже три капеланства.

съ другой стороны. Плохія тропинки пролегаютъ чрезъ болота и небольшіе земляные хребты, образующіе вмѣстѣ обширную, дикую пустыню. До половины дороги однако жъ встрѣчаются кое-гдѣ гейматы * въ лѣсу; но далѣе не было ни однаго человѣческаго жилища, кромѣ бѣднаго торпа **.

* *Гейматъ* — мыза, хуторъ, дворъ съ пашнями, лугами и лѣсомъ. Въ Швеціи, Норвегіи и Финляндіи, вся земля, за исключеніемъ лишь нѣкоторыхъ казенныхъ и дворянскихъ имѣній, раздѣлена на гейматы. Гейматы вообще бываютъ двоякаго рода: *казенные*, владѣтели коихъ, при наслѣдственномъ правѣ, платятъ казнѣ оброкъ, довольно значительный, и *шкатевые*, издавна скупленные у казны частными лицами, или всегда состоявшіе въ полномъ владѣніи обывателей, платящихъ казнѣ умѣренную подать. Владѣлецъ *казеннаго* геймата, если оказывается нерадивымъ въ обработываніи полей и другихъ угодьевъ и въ надзорѣ за мызными строеніями, или если онъ не въ состояніи вносить въ казну оброкъ, лишается своего геймата, который тогда съ публичнаго торгу переходитъ къ другому, а съ перваго владѣльца взыскиваются всѣ недоимки по геймату, да еще опредѣляемый по освидѣтельствованію штрафъ за небрежное управленіе гейматомъ.

** *Торпъ.* Если гейматный крестьянинъ не въ состояніи самъ и съ помощію своихъ работниковъ воздѣлывать свои угодья, что почти всегда случается, то онъ изъ своихъ земель отдѣляетъ нѣсколько небольшихъ пашенъ, луговъ и участокъ лѣсу; строитъ тутъ избу со службами, и отдаетъ все это въ аренду работнику, подъ разными въ различныхъ частяхъ края условіями. Обыкновенно торпарь обязывается, три, много четыре дня въ недѣлю, собственными орудіями производить на гейматныхъ угодьяхъ обыкновенныя земледѣльческія работы, какъ то: пахать, боронить, сѣять, косить, молотить, и проч. Это главная обязанность: за нею слѣдуетъ еще множество мелкихъ разнаго рода и свойства повинностей. Если торпарь не исполняетъ своихъ обязанностей, то его безъ чиновъ прогоняютъ, отдаютъ торпъ другому.

Первый проводникъ нашъ, Петръ Вiйляйненъ, былъ настоящiй генiй. Съ самаго младенчества онъ занятъ былъ великими замыслами и обширными проектами, которыми голова его еще и теперь была до того наполнена, что такъ называемый здравый смыслъ по крайней мѣрѣ въ половину былъ вытѣсненъ ими. Сверхъ разныхъ Финляндскихъ городовъ, онъ нѣсколько разъ посѣщалъ Петербургъ и Стокгольмъ. Однако же онъ безпрестанно занимался маленькими проектами на пользу общую. Въ примѣръ могу привести, что онъ черезъ лѣсъ, находящiйся между деревнями Иликюля и Сарамо въ Нурмисскомъ кирхшпилѣ, на свой счетъ и собственноручно прорубилъ новую дорогу, потому-что прежняя, по которой ему часто приходилось итти, вела извилинами, и слѣдовательно была не довольно удобна для такаго спекулятивнаго человѣка. Въ этомъ предпрiятiи онъ встрѣтилъ однако жъ непрiятности, которыхъ за доброе и безкорыстное свое намѣренiе не заслуживалъ. Прежняя тропинка, по которой отецъ и дѣдъ его съ давнихъ временъ хаживали, была довольно тверда и ровна, новая же была хотя и пряма, но покрыта травою, мхомъ и камнемъ, почему Сарамоскiе обыватели всѣ продолжали ходить по старой, всѣ, за исключенiемъ самаго Вiйляйнена, который, разумѣется, ходилъ по своей дорогѣ. Между-тѣмъ онъ оскорблялся, что другiе такъ мало умѣли цѣнить работу, на которую онъ употребилъ почти цѣлое лѣто. Побуждаемый этимъ справедливымъ не-

годованіемъ, онъ разъ перетаскалъ всѣ деревья, какія только могъ достать въ окрестности , на старую тропинку, чтобы загородить самый входъ ея. Это должно было поправить дѣло, но что случилось? Въ одну субботу, когда Сарамоскіе жители отправились въ церковь, они увидѣли, что обыкновенная ихъ дорога была загромождена лѣсомъ. Если бъ они хоть сколько-нибудь умѣли мыслить, то поняли бы, что ихъ такимъ образомъ хотѣли пріучить къ новой дорогѣ. Такъ вѣдь нѣтъ! они убрали деревья, и, что было еще непріятнѣе, побросали ихъ всѣ на тропинку Війліяйнена. Поставь же ты себя на его мѣсто, то конечно поймешь, какое негодованіе эта умышленная обида (иначе онъ не могъ смотрѣть на такой поступокъ) должна была возбудить въ немъ. Но такъ вообще вознаграждаются заслуги. Теперь онъ, казалось, уже такъ привыкъ къ подобнымъ уничиженіямъ, что, не обнаруживая никакой досады , согласился вести насъ по старой тропинкѣ, которую мы довольно безжалостно предпочли прорубленной имъ новой дорогѣ. Тутъ онъ расказалъ мнѣ то, что я сейчасъ имѣлъ честь расказать; но онъ никакъ не хотѣлъ вѣрить, чтобы Сарамоскіе жители случайно побросали деревья, которыми онъ загородилъ ихъ дорогу, на его собственную, и настаивалъ, что это сдѣлали они съ умысломъ посмѣяться надъ нимъ и его дорогой. Теперь Війліяйненъ занимался двумя большими проектами , отъ которыхъ остатки его разсудка были въ безпрестан-

номъ круговращеніи. Одинъ изъ этихъ проектовъ касался какихъ-то рудниковъ, изъ которыхъ онъ всегда носилъ въ карманѣ и всѣмъ показывалъ разные образчики. Въ доказательство великаго его безкорыстія, могу упомянуть, что хотя онъ за открытіе богатыхъ рудниковъ могъ ожидать вѣрной и значительной награды, однако жъ готовъ былъ за 50 р. асс. уступить мнѣ право владѣнія на всѣ эти угодья, не исключая и образчиковъ, которые носилъ съ собою. Случайный недостатокъ въ деньгахъ не дозволилъ мнѣ воспользоваться безкорыстнымъ его предложеніемъ, чѣмъ я, обдумавъ дѣло хорошенько, былъ очень доволенъ, потому-что послѣ совѣсть могла меня урекать, если бъ я разбогатѣлъ заслугами другаго.

Второй проектъ Війліяйнена былъ не менѣе общеполезнаго свойства. Предметомъ его было доставленіе Улеаборгу правъ вольнаго города. Давно уже, по его словамъ, окрестные обыватели жаловались, что они въ Улеаборгѣ должны продавать произведенія свои, особливо смолу, за самую низкую цѣну. Они приписываютъ это стачкѣ между тамошними купцами, будто бы заранѣе опредѣляющими цѣну на сельскіе товары, которой никому нельзя возвышать. Для прекращенія такаго злоупотребленія Війліяйненъ теперь собиралъ подписи поселянъ разныхъ приходовъ, которые всѣ желали перемѣны въ этомъ дѣлѣ. Въ одномъ изъ этихъ приходовъ приходскій писарь

однако жъ написалъ на прошеніи: «Мысли прихо-«жанъ по предлежащему предмету столь же неясны, «какъ и самаго составителя проекта, почему отъ «нихъ невозможно ожидать какаго-либо оконча-«тельнаго результата.» Съ этими подписями Вийліяйненъ теперь хотѣлъ отправиться въ Петербургъ; но напередъ онъ считалъ нужнымъ пріобрѣсти еще «подпись руки» королей Шведскаго и Англійскаго, которыхъ еще не успѣлъ достать. Я старался убѣдить его, что это не нужно; но это разъ пришло ему въ голову, и онъ никакъ не хотѣлъ отступить отъ своей мысли. Впрочемъ его предположенія на счетъ правъ вольнаго города были слѣдующія: Разъ въ годъ, осенью, открывать въ Улеаборгѣ свободную ярмарку срокомъ на 3—4 недѣли съ тѣмъ, чтобы въ продолженіе этаго времени поселяне имѣли право изъ рукъ въ руки продавать иностранцамъ свои товары. Такимъ образомъ онъ надѣялся пособить горю, и бо́льшихъ выгодъ не хотѣлъ испрашивать. Правосудіе и содѣйствіе общему благу, какъ я уже замѣтилъ, еще въ молодости очень заботили Вийлійяйнена. Не довольно того, что онъ самому себѣ не позволялъ ни малѣйшей несправедливости противъ другихъ: онъ этаго требовалъ и отъ другихъ, даже когда дѣло нисколько не касалось до него. Вотъ что побудило его подать въ судъ жалобу на какаго-то фельтъ-коммиссара или поставщика, который, какъ онъ слышалъ, показывалъ въ своихъ отчетахъ казнѣ содержаніе нѣсколькихъ сотъ солдатъ, суще-

ствовавшихъ только въ его записныхъ книгахъ и счетахъ. Не мудрено, что нашъ честный Вiйлiяйненъ чрезвычайно былъ встревоженъ молвою объ этомъ—и, для успокоенiя своей чувствительной совѣсти, при первомъ случаѣ просилъ подвергнуть дѣло законному изслѣдованiю. Этимъ онъ однако жъ навлекъ на себя совершенно неожиданную и весьма непрiятную коммиссiю: его обязали доказать сдѣланное имъ обвиненiе. Онъ доказывалъ и доказывалъ нѣсколько лѣтъ сряду, пока геймать его, прежде довольно хорошо обезпеченный, растроился въ конецъ, и онъ долженъ былъ уступить его другому. Напослѣдокъ Вiйлiяйнена присудили ко взносу значительной пени и вознагражденiю судебныхъ издержекъ въ пользу обвиненнаго, что совершенно разстроило его состоянiе. Онъ и рѣшился-было на это и, нанявъ нѣсколькихъ работниковъ, съ помощью ихъ вырубилъ обширный лѣсъ подъ пожогу. Въ слѣдующемъ году онъ на остальныя деньги купилъ ржи и посѣялъ ее. До сихъ поръ все шло хорошо, и онъ думалъ поселиться у пожоги; но вдругъ небольшое обстоятельство все перемѣнило, и самымъ жестокимъ образомъ обмануло его во всѣхъ расчетахъ. Случилось, что онъ по ошибкѣ устроилъ свою пожогу на чужихъ угодьяхъ, что незадолго до жатвы и открылось къ великому его удивленiю. Владѣлецъ взятыхъ подъ пожогу угодьевъ пожалъ весь значительный посѣвъ—и, къ довершенiю несчастiя Вiйлiяйнена, еще присудили его къ денежному

штрафу. Въ вѣчную славу этой пожоги онъ назвалъ мѣсто, гдѣ она была, Rükinaho (Государственная земля).

Находясь нынѣ въ стѣсненныхъ обстоятельствахъ, Вiйлiяйненъ однако жъ еще не покинулъ всѣхъ надеждъ. Сверхъ большихъ своихъ проектовъ, онъ имѣлъ множество маленькихъ.

Если бъ онъ сохранилъ свой разсудокъ неповрежденнымъ, то несомнѣнно произвелъ бы великiя дѣла на свѣтѣ. Остаткомъ своихъ способностей онъ мыслилъ и разсуждалъ часто гораздо лучше многихъ, которые въ полномъ умѣ. Вотъ примѣръ тому. Тогда простолюдины вездѣ боялись, что если путешествiе Меркурiя чрезъ солнце (которое должно было совершиться въ Азiи 5 числа Мая, 1833 г., но по какой-то важной причинѣ было отложено) со-временемъ будетъ приведено въ исполненiе; то послѣдуетъ, буде не совершенное разрушенiе солнца, по крайней мѣрѣ много великихъ перемѣнъ. Большая часть крестьянъ дѣйствительно вѣрила, что солнце можетъ быть въ-дребезги разбито Меркурiемъ, и что отъ паденiя его земной шаръ загорится. Я спрашивалъ Вiйлiяйнена, что́ онъ думаетъ объ этомъ, и онъ тотчасъ отвѣчалъ, что такъ-какъ солнце въ назначенный день не изволило показаться, то Меркурiй не могъ отыскать его, и не имѣя лишняго времени, пошелъ своею дорогой. Онъ

считалъ всякое опасеніе на счетъ этаго уже неумѣстнымъ. Впрочемъ онъ полагалъ, что ему нѣтъ никакаго дѣла ни до солнца, ни до Меркурія, лишь бы только они не мѣшали его предпріятіямъ, чего до сихъ поръ никогда еще и не бывало.

Тебѣ, можетъ быть, покажется, что я слишкомъ долго занимаюсь нашимъ добрымъ Війліяйненомъ; но теперь ужъ и довольно: мы сейчасъ придемъ въ деревню Іöнгери, до которой намъ было 6 миль дороги черезъ пустыню. Изъ Іöнгери, за нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ, дѣти на лыжахъ приходили въ Нурмисскую церковь принимать крещеніе. Мы переночевали въ одномъ гейматѣ, а на слѣдующій день отправились вверхъ къ Саунасерви, гдѣ я разстался съ своими товарищами, которые не намѣрены были переходить черезъ Русскую границу. Пробывъ часъ въ дорогѣ, сперва водой, а потомъ сухимъ путемъ, я прибылъ въ Нисковоора, и отъ проливнаго дождя промокъ до послѣдней нитки, какъ будто бы цѣлый день пролежалъ въ водѣ. Отсюда я хотѣлъ итти въ дер. Уконвоора, до которой, говорили, 3 версты. За отсутствіемъ всѣхъ взрослыхъ крестьянъ, мальчикъ лѣтъ 5 или 6 повелъ меня было по тропинкѣ; но вскорѣ оставилъ, сказавъ только, что должно сворачивать то вправо, то влѣво. Я строго слѣдовалъ его наставленію, что̀ касалось до сворачиванія вправо и влѣво; но когда надобно было выбрать то или другое, этаго я

вовсе не зналъ. Наконецъ, послѣ долгаго странствованія, я пришелъ въ геймать Лосола или Лосонвоора. Оставалось еще 2 версты до Уконвоора и отсюда 6 верстъ до Кусьярви, куда я пришелъ поздо вечеромъ. Въ слѣдующее утро пустился я далѣе, нанявъ проводника до Колвосьярви, первой Русской деревни, до которой было добрыхъ 2 мили. Мы шли большею частью по сухимъ, сосною поросшимъ земляным хребтамъ, которые обыкновенно были чрезвычайно узки и тянулись паралельно, раздѣленные другъ отъ друга болотами. Всего лучше можно представить себѣ видъ этихъ мѣстъ, если вообразить, что они нѣкогда были покрыты подвижною массой, которая сперва ходила огромными волнами, а потомъ вдругъ затвердѣла и остановилась въ своемъ волнообразномъ видѣ. Изъ вершинъ волнъ образовались тогда хребты; промежутки стали болотами. Но нужна была ужасная буря для поднятія такихъ волнъ, противъ которыхъ ничего не значатъ волны въ обыкновенныхъ расказахъ о кораблекрушеніяхъ, въ какія бы увеличительныя стекла ни смотрѣть на нихъ. Длинныя и узкія болота кое-гдѣ пересѣкались лѣсными озерами, что̀ образовало довольно пріятные виды. Если бы мы шли поперегъ, а не вдоль, то должны бы были безпрестанно всходить на хребетъ и спускаться съ другой стороны его, а потомъ переправляться чрезъ болото и т. д.

После 13 верстъ ходьбы мы достигли озера Осмо. Надежда наша найти здѣсь лодку, на которой бы можно было отправиться далѣе, не сбылась. Пустившись поэтому вдоль по берегу (озеро оставалось у насъ на лѣвой сторонѣ) и пройдя 4 версты, очутились мы у пролива, соединяющаго озера Осмо и Колвосъ. Здѣсь мы изо всѣхъ силъ стали кричать, чтобъ намъ дали лодку; но лодка не являлась. Крикъ нашъ конечно и не могъ быть услышанъ въ деревнѣ Колвосьярви, лежащей верстахъ въ 3 оттуда на другой сторонѣ пролива. Однако жъ мы должны были переправиться, потому-что не могли бы обойти кругомъ такаго огромнаго озера, а если бъ и попробовали, то въ концѣ его встрѣтили бы широкій ручей, черезъ который было бы также трудно переправиться. Слѣдовательно намъ только и оставалось изготовить особенное судно для переправы. Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ берега было нѣсколько сосенъ, съ которыхъ обыватели Колвосьярви въ прошлое лѣто содрали кору, чтобъ изъ нея, какъ выразился мой проводникъ, напечь себѣ пироговъ. У Финновъ православнаго вѣроисповѣданія пироги очень употребительны и въ праздники и въ будни, а теперь, при скудости хлѣба, кора должна была служить главнымъ составомъ ихъ. Изъ этихъ сосенъ, высохшихъ въ продолженіе лѣта, проводникъ мой вырубилъ небольшія бревна длиною въ сажень, которыя потомъ привезли къ берегу и соединили въ плотъ. Шести такихъ бревенъ было достаточно для нашей

цѣли. На двухъ изъ нихъ сдѣлали съ обоихъ концевъ по вырубу, потомъ соединили ихъ поперечными бревнами на такомъ разстояніи другъ отъ друга, что остальныя 4 бревна могли помѣститься между ними. Эти четыре бревна мы теперь просто положили подъ поперечныя бревна, къ которымъ они придерживались небольшимъ только вырубомъ. Но если бы хоть слегка наступить на нихъ, они бы тотчасъ погрузились въ воду и раздѣлились бы. Тяжесть наша слѣдовательно должна была дѣйствовать на одни крайнія бревна, которыя посредствомъ упомянутыхъ бревенъ поддерживались четырьмя промежуточными. По-этому мы положили нѣсколько деревьевъ поперегъ съ однаго крайняго бревна на другое, и такимъ образомъ было на чемъ стоять. Вотъ каково было судно, построенное въ часъ времени, и мы на немъ переправились счастливо, хотя медленно, черезъ проливъ шириною полверсты. Проводникъ мой расказалъ, что онъ уже нѣсколько разъ плавалъ черезъ этотъ проливъ такимъ же способомъ, съ тою только разницею, что довольствовался прежде однимъ поперечнымъ бревномъ, а теперь для меня употребилъ ихъ два.

Въ деревнѣ Колвосьярви я зашелъ въ гейматъ Хуотори. Старый хозяинъ повелъ меня въ особую комнату и сталъ распрашивать на счетъ цѣли моего путешествія. Удовлетворивъ его любопытству, я наконецъ и самъ спросилъ, могу ли теперь безопасн

путешествовать по ихъ краю.» Въ десять разъ безопаснѣе, нежели у васъ, гдѣ убиваютъ людей,» отвѣчалъ онъ. Надобно знать, что не задолго предъ тѣмъ сынъ богатаго крестьянина изъ этаго прихода, нанявшій въ Финляндіи человѣка за себя въ рекруты, былъ убитъ имъ. Когда я напомнилъ ему, какъ ихъ крестьяне всю зиму производятъ у насъ торгъ по селамъ, не встрѣчая никакихъ непріятностей, то онъ сознался, что и въ нашей землѣ вообще можно быть очень безопаснымъ. «Но» — продолжалъ онъ — «безопаснѣе вы все-таки можете путешествовать у насъ, и я головой ручаюсь, что на васъ ни волоска не тронутъ, куда бы вы ни отправились.» При этихъ словахъ вошелъ вдругъ его сынъ и прервалъ его, сказавъ: «батюшка, не ручайтесь въ томъ, что можетъ случиться!» Потомъ онъ расказалъ, что и въ лѣсахъ и въ деревняхъ мѣстами скрывается множество бѣглыхъ людей, которымъ могло бы вздуматься пошарить въ карманахъ путника, а иногда и отправить его на тотъ свѣтъ, чтобы спрятать концы въ воду.

Отсюда я отправился къ Реполаской церкви, куда мнѣ было 15 верстъ. Послѣдній разговоръ въ Хуотори былъ мнѣ памятенъ, такъ-что я иногда нѣсколько сворачивалъ съ дороги, чтобы тотъ, кому бы захотѣлось преслѣдовать меня, могъ спокойно пробраться далѣе. Однако жъ моя осторожность, кажется, была излишня: ни теперь, ни послѣ я не

встрѣчалъ непріятностей такаго рода. Въ Реполаскомъ погостѣ живетъ богатый крестьянинъ, Тёрхёйненъ, котораго я посѣтилъ. Онъ потребовалъ моего паспорта, который я и предъявилъ ему. Прочитавъ довольно бѣгло Русскій переводъ паспорта, онъ спросилъ, давно ли я выѣхалъ изъ г. Куопіо. Паспортъ мой былъ выданъ отъ тамошняго губернатора.—Немного болѣе 3 недѣль тому назадъ, отвѣчалъ я. — «А паспортъ вашъ выданъ тому нѣтъ еще и двухъ недѣль; какъ это возможно?» Взглянувъ самъ на бумагу, я увидѣлъ, что на ней было выставлено 2-го Августа по новому стилю и что это же число находилось и въ Русскомъ переводѣ, хотя тамъ слѣдовало бы быть 21 Іюля, что по старому стилю соотвѣтствуетъ 2-му Августа новаго. Тёрхёйненъ понялъ ошибку, когда я на нее обратилъ его вниманіе. Потомъ онъ откровенно расказалъ мнѣ, что сперва онъ принялъ-было меня за человѣка, подосланнаго для отравленія ихъ колодцевъ, почему и потребовалъ такъ строго моего паспорта; далѣе просилъ онъ меня не оскорбляться, если и впредь многіе будутъ обо мнѣ такаго мнѣнія, «потому-что», сказалъ онъ, «въ Сальмисѣ случилось» и т. д. Онъ расказалъ вкратцѣ все, что произошло въ Сальмисѣ во время холеры. Не уже ли, спросилъ я, вы вѣрите всѣмъ этимъ нелѣпымъ слухамъ на счетъ отравленія колодцевъ, которое будто было единственной причиной страшной холеры? «Если бы я, отвѣчалъ онъ, и не вѣрилъ этому, то

другіе вѣрятъ, и вы не старайтесь перемѣнить ихъ убѣжденія.» Потомъ я выпилъ у него нѣсколько чашекъ чаю и поѣлъ, послѣ чаю отправился водою вмѣстѣ съ мужиками въ деревню Виста, гдѣ остался ночевать. Въ слѣдующее утро — но тебѣ вѣроятно скучно такимъ образомъ итти со мною шагъ за шагомъ и иногда дожидаться, пока я разговариваю съ мужиками, завтракаю, и т. п., а потому я пропущу все это. Но объ одномъ долженъ я упомянуть. Изъ Коскиніеми до Руоккулы я не взялъ съ собою проводника, хотя разстояніе было около 20 верстъ, и по дорогѣ не было никакихъ торповъ, ни геймистовъ. Наконецъ я заблудился на побочной тропинкѣ, ведущей къ берегу озера, за которымъ показалось нѣсколько полевыхъ изгородъ. Хотя при нихъ и не видно было никакихъ жилыхъ строеній, однако жъ я заключилъ, что они должны быть неподалеку отъ пашней. По этому я рѣшился обойти озеро вокругъ — предпріятіе не совсѣмъ легкое, потому-что надобно было пробираться чрезъ топкія болота, въ которыхъ я вязнулъ до колѣнъ. Сверхъ того, не видя конца озера, я вовсе не зналъ, съ которой стороны легче обойти его. Я выбралъ ту, которая была у меня на лѣвой рукѣ, предоставляя такимъ образомъ озеру честь быть по правую руку, за каковое оказанное ему почтеніе оно могло бы споспѣшествовать моему предпріятію. Наконецъ я достигъ конца озера, и вмѣстѣ съ тѣмъ увидѣлъ предъ собою широ-

кую рѣчку. Я прошелъ довольно далеко вверхъ по берегу ея, но все-таки не находилъ никакаго моста, по которому могъ бы перебраться чрезъ рѣчку. Тутъ я бы очень радъ былъ тому плоту, на которомъ мы переправились чрезъ проливъ между деревнями Осмо и Колвосъ; но онъ былъ уже въ 60 верстахъ позади меня. Не было со мною и топора, которымъ я бы могъ изготовить новый плотъ. Наконецъ я придумалъ раздѣлить свои вещи на множество маленькихъ узелковъ и перебросать ихъ на противоположный берегъ. Сперва пустилъ я свои сапоги, каждый отдѣльно, и чтобы они лучше летѣли, положилъ въ нихъ каменьевъ. Сапоги перебросилъ и очень удачно и даже гораздо далѣе, нежели нужно было. Съ прочими вещами дѣло шло такъ же хорошо, кромѣ сертука, который, выпутавшись дорогою изъ развязавшагося узла, упалъ въ рѣчку, какъ подстрѣленная утка. Тогда я уже готовъ былъ самъ пуститься вплавь, бросился—и такимъ образомъ спасъ сертукъ, который еще не успѣлъ потонуть. И такъ я теперь былъ на другомъ берегу со всѣми моими вещами, разбросанными по землѣ. Междутѣмъ, какъ я собиралъ ихъ, двѣ женщины, которыя издали видѣли мою переправу, подошли къ берегу и сказали мнѣ: «тутъ есть мостъ не много повыше. Мы хотѣли-было крикнуть вамъ, но когда увидѣли васъ, вы уже были въ водѣ.» «Все равно,» думалъ я про себя, и спросилъ, далеко ли до деревни.

«Полторы версты», отвѣчали онѣ. Это была именно та деревня, куда я хотѣлъ попасть.

Теперь было бы кстати поговорить о тѣхъ Финнахъ вообще, которые съ незапамятныхъ временъ подвластны Россіи, и вѣроятно чуть не со времень Владиміра-великаго исповѣдуютъ Православную вѣру. Самихъ себя опи называютъ «Венелейсетъ». Нѣкогда это имя вѣроятно имъ однимъ принадлежало; нынѣ же оно въ Финляндіи означаетъ весь Русскій народъ. Они называютъ живущихъ по ту сторону границы Финновъ «Руотсалайсетъ» (Шведами), а весь край нашъ «Руотси» или Руотсинъ-моа (Швеція). Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ обычаи у нихъ понравились мнѣ болѣе, нежели у нашихъ поселянъ. Что касается до опрятности, то она у нихъ соблюдается лучше, нежели во многихъ мѣстахъ нашего края. У нихъ врядъ ли есть такое бѣдное жилье, гдѣ бы никогда не мыли пола избы; напротивъ, во многихъ мѣстахъ, онъ былъ такъ же чистъ и бѣлъ, какъ у насъ въ любомъ господскомъ домѣ. Избы ихъ впрочемъ совершенно такія же, какъ въ Саволаксѣ, съ дымовымъ окномъ на крышѣ, съ тѣмъ только различіемъ, что у нихъ нѣсколько болѣе, обыкновенно отъ 8 до 10 окошекъ, которыя отчасти со стеклами, отчасти безъ стеколъ; въ Саволакскихъ избахъ бываетъ только отъ 4 до 6 окошекъ, но они за то гораздо бòльшаго размѣра. У ихъ избъ сверхъ того фундаментъ

выше, такъ-что почти всегда въ подвалѣ есть особая комнатка для ручной мельницы и домашняго скарба. Избы всегда въ связи со скотнымъ дворомъ, составляющимъ второстепенное строеніе геймата, которое отдѣляется отъ избы сѣнями, откуда лѣстница ведетъ прямо въ хлѣвъ. Все это конечно не принадлежитъ къ главѣ объ опрятности, которую я только-что хвалилъ въ жилыхъ ихъ избахъ, и которая именно отъ этаго сближенія людей и скота вѣроятно становится еще необходимѣе, тогда-какъ наши крестья не безъ вреда могутъ немножко и пренебрегать ею потому-что ихъ собственное жилье всегда стоит отдѣльно отъ скотнаго двора.

Другой похвальный обычай у нихъ состоитъ в томъ, что при каждой деревнѣ есть особое кладби ще.

Хлѣбосольство между здѣшними Финнами счи тается добродѣтелью, можетъ быть, и долгомъ ре лигіи; но исполненію его много препятствуетъ пред разсудокъ не ѣсть изъ той посуды, которая хоть раз служила иновѣрцу. Лучше всего имѣть съ собое свою чашку, которую потомъ можно бросить. Въ нѣко торыхъ мѣстахъ однако жъ держатъ для иновѣрцев особыя чашки и посуду, и въ такихъ мѣстахъ все гда легко получать пищу. Я не запасся собственно чашкой, а пробавлялся, какъ умѣлъ. У Тёрхёйнен я наѣлся досыта, что послѣ много тревожило одн

старую хозяйку, которая охотно накормила бы меня, но не могла за неимѣніемъ чашки для прохожихъ (mieronkuppi). «Были ли вы у Тёрхёйнена»? спросила она. «Былъ». «Что, далъ онъ вамъ чего-нибудь поѣсть»? «Да зачѣмъ бы ему не дать?» «И онъ позволилъ вамъ вѣроятно ѣсть изъ своей посуды»? «Да», отвѣчалъ я, хотя и не былъ вполнѣ увѣренъ въ томъ. «Да, да,»! застонала старушка; онъ такой же, какъ и всѣ прочіе! Что-то наконецъ станется съ людьми, когда они вовсе ни о чемъ не думаютъ.» Старуха вѣроятно принадлежала къ сектѣ раскольниковъ, которые не всегда позволяютъ иновѣрцу ѣсть у себя, не терпя даже людей Православной вѣры, если они не староверы. Суевѣріе въ этомъ отношеніи доходитъ до того, что когда наши крестьяне ѣдутъ въ Кемь, то здѣшніе Финны имъ не позволяють поить лошадей изъ той проруби, гдѣ поятъ своихъ. Провинись кто-нибудь въ этомъ, тотчасъ окружитъ его множество бабъ, которыя во все горло кричатъ: «прорубь поганитъ!» (pakaniotseeri auvantomme). Мнѣ помнится, какъ одинъ изъ нашихъ мужиковъ въ подобномъ случаѣ весьма хорошо отговорился. Когда бабы не переставали кричать свое «поганитъ, поганитъ», стараясь прогнать его, онъ сказалъ: «Дай лошади напиться: наши кòни такіе же, какъ и ваши.» — Почти такъ же, сказываютъ, отвѣчалъ когда-то крестьянинъ изъ Куусамо одному изъ нашихъ пасторовъ, по имени Форбусу, который при всякомъ случаѣ съ ожесточеніемъ проповѣдывалъ про-

тивъ куренія табаку, пока самъ не сдѣлался однимъ изъ отчаяннѣйшихъ курителей во всемъ околоткѣ. Случилось однажды, въ тотъ періодъ его жизни, когда онъ еще не курилъ, что какой-то крестьянинъ принесъ ему въ подарокъ глухаря. Но Форбусъ, замѣтивъ, что мужикъ употребляетъ табакъ, разгнѣвался и съ упреками швырнулъ ему глухаря въ лицо. А мужикъ преспокойно поднялъ глухаря съ полу и опять началъ предлагать его Форбусу, приговаривая: «Возьми ты глухаря, вѣдь онъ не табачникъ».

Очень рѣдко кто-нибудь изъ православныхъ Финновъ куритъ табакъ. Они такъ предубѣждены противъ него, что даже другому не даютъ курить въ своей избѣ. Я просилъ позволенія на это: въ иныхъ мѣстахъ совсѣмъ отказывали; въ другихъ хозяинъ соглашался на мою просьбу, но только-что я успѣвалъ набить трубку и закурить, женщины удалялись изъ комнаты.

Хлѣбное вино и другіе крѣпкіе напитки не такъ противны имъ, какъ табакъ. Однако жъ «этихъ снадобій» рѣдко увидишь столько, чтобы можно было напиться до-пьяна. Ежедневно употреблять ихъ вовсе не заведено. Я полагаю, что здѣшніе Финны были бы еще менѣе знакомы съ этимъ источникомъ разврата, если бъ не представлялось столько удобныхъ случаевъ къ тайному ввозу его изъ сосѣднихъ Финляндскихъ кирхшпилей. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ

меня спрашивали, нѣтъ ли у меня въ сумкѣ водки. Я отвѣчалъ, что вѣдь ее подъ строжайшею отвѣтственностію запрещено провозить черезъ границу. Они полагали, что въ этомъ нѣтъ большой опасности, и вѣроятно были правы. Здѣсь нѣтъ во всякомъ углу сыщиковъ, которые бы могли если не пресѣкать контробанду, то по крайней мѣрѣ облагать ее пошлиной. Въ каждомъ кирхшпилѣ есть свой староста, который самъ изъ мужиковъ, и избирается на годъ. Онъ однако жъ не слишкомъ значительная особа и не всегда можетъ раздѣлываться съ крестьянами, какъ бы хотѣлъ. При наборѣ рекрутъ староста однако жъ довольно важное лицо, и при составленіи рекрутскихъ списковъ можетъ получать значительные побочные доходы. Принимается въ соображеніе, сколько на геймата есть сыновей. Двоихъ по большой части оставляютъ, и только въ крайности берутъ одного изъ нихъ. Но какъ въ обыкновенныхъ случаяхъ даже трое сыновей могутъ быть оставляемы на одномъ гейматѣ, въ другихъ же одного изъ этаго числа должно брать, то выборъ разумѣется много зависитъ отъ благосклонности старосты.

Кромѣ старосты въ каждомъ приходѣ обыкновенно бываетъ по одному священнику. Однако жъ приходъ и нѣсколько лѣтъ сряду можетъ быть безъ священника, какъ теперь въ Вуоккиніеми, куда Поаярвскій священникъ пріѣзжаетъ нѣсколько разъ въ

годъ. Читать умѣютъ лишь весьма немногіе изъ прихожанъ, даже не всегда одинъ изо ста. И трудно имъ подвинуться въ этомъ, когда у нихъ нѣтъ никакихъ книгъ. Охоты учиться, безспорно, было бы у нихъ довольно. Если бъ когда-нибудь признано было нужнымъ выучить ихъ грамотѣ, то легчайшимъ къ тому способомъ было бы выписать для нихъ учителей изъ православно-Финскихъ приходовъ въ Кареліи, Иломанцъ и Либелицъ. Въ обоихъ сихъ приходахъ крестьяне хорошо читаютъ наши Финскія книги, и безъ значительныхъ затрудненій могли бы передать свои познанія одновѣрцамъ своимъ по сю сторону границы. Исключая катихизисъ и другія основныя книги, я думаю, что наши Финскія книги, какъ аскетическаго, такъ и другаго содержанія, весьма удобно могли бы быть допускаемы и въ другихъ православныхъ приходахъ, кромѣ Иломанца и Либелица. Но я совсѣмъ забываю предметъ свой, грамотность православныхъ Финновъ. Если бъ можно было тѣмъ или другимъ образомъ выучить ихъ читать, то это оказало бы по крайней мѣрѣ ту пользу, что они впредь не имѣли бы надобности, какъ до сихъ поръ было, ѣздить за нѣсколько миль къ крестьянамъ по ту сторону границы, чтобы узнавать, какая по календарю будетъ погода. Трудно было бы повѣрить этому; но вотъ случай, который я точно помню. Когда продолжительные дожди, прошедшаго лѣта, заставляли ихъ опасаться за будущую жатву, одинъ мужикъ не въ-шутку сказалъ: мы еще не

ѣздили на Финскую сторону справиться по календарю, какую осень Богъ дастъ намъ. До ближайшей Финляндской деревни было оттуда цѣлыхъ 30 верстъ, что составляло конечно довольно порядочное разстояніе для поѣздки такаго рода. Я очень жалѣлъ, что со мною не было календаря, который во многихъ мѣстахъ могъ бы мнѣ служить прекрасною рекомендаціею, такъ-какъ совѣтливость не позволяла мнѣ наобумъ сочинять ложь о Божіей погодѣ и вѣтрѣ.

Третій и значительнѣйшій чиновникъ у этихъ Финновъ есть исправникъ, который то же, что нашъ земскій судья и коронный фохтъ вмѣстѣ. Отъ пограничныхъ приходовъ, каковы Вуоккиніеми и Реполa, живетъ онъ на разстояніи 300 верстъ. И онъ раза два въ годъ объѣзжаетъ ввѣренный ему округъ, рѣша тяжбы крестьянъ и, если не ошибаюсь, собирая подати. Лучшимъ ихъ исправникомъ, по ихъ мнѣнію, былъ попавшійся въ плѣнъ къ Русскимъ Финляндскій офицеръ, который, послѣ разныхъ превратностей судьбы, назначенъ былъ исправникомъ въ Кеми. О его времени расказываютъ въ здѣшнихъ мѣстахъ почти какъ о вѣкѣ Сатурновомъ въ древнемъ Лаціумѣ. Вѣроятно онъ былъ и въ самомъ дѣлѣ достопамятный человѣкъ.

Впрочемъ всѣ чиновники во время своихъ объѣздовъ живутъ на счетъ крестьянъ. Не получая ни гроша за прогоны, крестьянинъ долженъ возить

его и сопровождающихъ его чиновниковъ, сколько бы ихъ ни было. Если бъ мнѣ въ другой разъ удалось странствовать по этимъ же мѣстамъ, я бы прежде всего непремѣнно отыскалъ исправника и навязался бы ему, что бъ онъ взялъ меня съ собой, когда будетъ объѣзжать свой округъ. Это доставило бы мнѣ неисчислимыя выгоды. Впрочемъ крестьяне немного досадовали на такое, не знаю, законное, или незаконное обыкновеніе чиновниковъ, завидуя и въ этомъ отношеніи нашимъ крестьянамъ, не обязаннымъ кормить и возить господъ безъ платы. Они очень хвалили нашихъ господъ, которые при послѣднемъ межеваніи границъ жили у нихъ вмѣстѣ съ ихъ собственными.

Народъ здѣшній чрезвычайно набоженъ. Четыре раза въ годъ у нихъ бываютъ общія празднества, продолжающіяся недѣлю или двѣ сряду. Угощеніе распредѣляется на извѣстное число гейматовъ, на которыхъ поочереди принимаютъ гостей изъ другихъ извѣстныхъ деревень; и на эти праздники являются всѣ, кто только можетъ, къ тому, за кѣмъ очередь, а онъ долженъ ихъ угощать, пока продолжается торжество.

Землепашествомъ, кажется, они пренебрегаютъ еще болѣе, нежели наши Финны. Пашни вообще малы и недостаточны; луга также незначительны. Почему при всѣхъ почти гейматахъ скотный дворъ

очень не великъ; коровъ двѣ или три да лошадь; молоко также не столь важный предметъ въ хозяйствѣ ихъ, какъ у нашихъ Финновъ; потому-что здѣсь не употребляютъ молочной пищи 3 дня въ недѣлю: въ понедѣльникъ, среду и пятницу, въ которые у нихъ соблюдается родъ поста. Какъ строги они въ этомъ отношеніи, доказываетъ слѣдующій примѣръ. Когда я возвращался изъ своего путешествія, провожалъ меня до первой Финской деревни мужикъ Православнаго исповѣданія изъ Ахонлахти. Мы пришли въ Лехтовоора, и хозяйка подала намъ съѣстнаго. Была пятница, и проводникъ мой объявилъ, что ему не слѣдуетъ ѣсть ни масла коровьяго, ни молока, составлявшихъ, кромѣ хлѣба, весь обѣдъ. Я увѣрялъ его, что здѣсь, на нашей сторонѣ, не грѣшно поѣсть этаго; но онъ отвѣчалъ очень умно: «для васъ это не «грѣхъ, а мы согрѣшимъ, гдѣ бы ни позволили се-«бѣ отступить отъ правилъ нашей религіи.» Въ искусствѣ пахтать хорошее масло эти Финны далеко отстаютъ отъ нашихъ крестьянъ. Нигдѣ не видалъ я у нихъ даже изряднаго масла. За то въ здѣшней сторонѣ множество значительныхъ озеръ, въ коихъ успѣшно производится рыбная ловля. Рыба же у нихъ такое яство, которое очень употребительно въ постные дни. Вообще благосостояніе сихъ Финновъ на высшей степени, нежели въ ближайшихъ къ нимъ Финскихъ приходахъ. По моему мнѣнію причина этому заключается въ томъ, что здѣсь почти вовсе нѣтъ бобылей и дармоѣдовъ, которые въ на-

шемъ краѣ во многихъ мѣстахъ составляютъ настоящую язву народную. Другою причиной благосостоянія ихъ, кажется, служитъ и то обстоятельство, что они рожь свою употребляютъ въ видѣ хлѣба, для желудка, наши же крестьяне пускаютъ ее, въ видѣ винныхъ паровъ, въ голову, отъ чего желудокъ остается пустъ и тѣло изнуряется. Большая живость и заботливость также, кажется, способствуетъ къ тому. Эти свойства тотчасъ бросаются въ глаза, когда пріѣдешь сюда отъ нашихъ Финновъ. Бывало придешь, напр. къ Финскому геймату, съ обычнымъ привѣтствіемъ: добрый день (hyvää päivää)! мужикъ, конечно ужъ не ломая себѣ головы, отвѣчаетъ своимъ: «дай Богъ здравствовать» (Jumala antakoon)»! потому-что этотъ привѣтъ отъ привычки почти невольно срывается съ его языка, безъ участвія въ немъ мысли и души; за то и заставляетъ онъ дорогимъ терпѣніемъ выкупать каждое слово послѣ того. По крестьянскому обычаю, за этими первоначальными привѣтствіями, хозяинъ или другой значущій членъ дома спрашиваетъ: «что новаго»? Но этотъ вопросъ, какъ онъ ни кажется простъ и однообразенъ, иногда стòитъ мужику невѣроятныхъ усилій. Я видалъ, какъ для этаго иной трижды долженъ былъ почесать за ухомъ, мѣсто, гдѣ крестьянину привычно искать вдохновенія. Если мнѣ потомъ понадобится что-нибудь, напр. лодка, и я принесу свою просьбу, то мужикъ (хотя конечно онъ въ этомъ рѣдко и не безъ важныхъ причинъ откажетъ) всегда исполнитъ

напередъ двѣ предлинныя церемоніи. Къ первой относится продолжительное совѣщаніе, которымъ рѣшится, кто именно возмется быть гребцомъ — и это совѣщаніе такъ неизбѣжно, что его не забываютъ даже и въ такомъ случаѣ, когда дома одинъ только человѣкъ и въ выборѣ уже не можетъ быть никакаго сомнѣнія. Другая церемонія состоитъ въ медленной ѣдѣ, послѣ чего, и по соблюденіи еще другихъ менѣе важныхъ обстоятельствъ, проводникъ наконецъ готовъ. Совсѣмъ не таковы православные Финны. Какъ только войдешь въ избу, хозяинъ тебя закидаетъ вопросами и заговоритъ расказами, при которыхъ такъ мало обдумываетъ каждое слово порознь, что выпускаетъ ихъ разомъ гораздо болѣе, нежели сколько бы нужно было. Впрочемъ само собою разумѣется, что это не безъ исключеній, и что иногда и у православнаго Финна замѣтна бываетъ настоящая Финская флегма, а у нашего напротивъ болѣе живости и поворотливости; я говорю только объ общемъ свойствѣ того и другаго

Врожденную склонность къ торговлѣ эти Финны раздѣляютъ со всѣмъ Русскимъ народомъ. Я прежде считалъ ихъ потомками древнихъ Біармійцевъ, съ которыми они всегда состояли въ тѣсныхъ сношеніяхъ, но недавно читалъ въ Выборгской газетѣ, что это предположеніе несправедливо. Можетъ быть, засимъ, надобно предоставить имъ честь происхожденія отъ того народа, черезъ землю котораго тяну-

лись караваны Біармійцевъ для торговли съ Норманнами. Дома, между собою, они конечно значительнаго торгу не производятъ, но тѣмъ болѣе торгуютъ въ Финляндіи, Ингерманландіи, Эстляндіи и пр., гдѣ за платки и другіе мелкіе товары собираютъ значительныя деньги. Начиная съ Октября мѣсяца, они производятъ этотъ разносный торгъ до наступающей весны, когда возвращаются домой, либо для надзора за своимъ хлѣбопашествомъ, либо для поѣздокъ въ С. Петербургъ, Москву и другія мѣста, гдѣ закупаютъ большую часть припасовъ своихъ на зиму. Въ поэмѣ Рунеберга «Стрѣлки оленей», есть описаніе подобнаго Архангельскаго торговца въ нашемъ краю. Тѣ, которые у насъ странствуютъ съ своими котомками, бываютъ по большей части изъ Вуоккиніеми, иногда же изъ кирхшпилей: Репола, Паанаярви и Корписельке.

Одежда у этихъ Финновъ походитъ на одежду Русскихъ крестьянъ вообще, по крайней мѣрѣ сколько я имѣлъ случай замѣтить. Особенно любятъ они красный цвѣтъ, потомъ слѣдуетъ желтый и наконецъ синій.

Еще можно бы очень многое прибавить, но это я оставлю до другаго раза; теперь же я долженъ ѣхать въ деревню, и болѣе писать не-когда. Замѣчу только, что если бъ кто вздумалъ побывать у этихъ Финновъ для собиранія Финскихъ рунъ, то онъ

здѣсь могъ бы ожидать обильной жатвы. Говорятъ, что они въ особенности богаты свадебными пѣснями, въ числѣ которыхъ много прекрасныхъ. Однако жъ эти крестьяне охотно берутъ деньги за трудъ пѣть свои пѣсни, потому и пѣніе считается у нихъ предметомъ торговли; да оно и хорошо, что у нихъ хоть за деньги можно добиться того, чего отъ нашихъ крестьянъ часто ни за деньги, ни даромъ не дождешься. Если бы кто рѣшился предпринять подобную поѣздку, я бы совѣтовалъ ему избрать на то зиму. Въ это время года не только удобнѣе возить съ собою всѣ нужныя вещи, имѣя собственную лошадь и свои сани, но и крестьянъ легче заставать дома, и самое путешествіе безопаснѣе, нежели лѣтомъ, когда по дорогамъ часто шатаются упомянутые выше бродяги.

Если въ этихъ легкихъ очеркахъ найдутся какія-либо невѣрности, то это не мудрено, потому-что тѣ три источника, изъ коихъ все это почерпнуто, а именно: разсказы крестьянъ, собственная моя память и наблюдательность — очень обманчивы, какъ мнѣ извѣстно по опыту.

ОТЪѢЗДЪ.

(Продолженіе «Семейства».)

«Ты всегда та же косолапая Петрея!» вскричала Сара въ сильномъ гнѣвѣ; «ты, какъ оселъ въ баснѣ, была бы въ состояніи размозжить голову твоему другу, чтобы согнать у него со лба муху.»

Больно было слышать это Петреѣ, которая только-что хотѣла бѣжать назадъ, чтобы поправить свою ошибку.

Это еще больше взволновало ее уже взволнованную до того, хотя другими чувствами. Она заплакала. Кровь хлынула къ головѣ и пошла изъ носу.

Луиза, которая очень оскорбилась суровымъ обращеніемъ Сары съ Петреей, а можетъ быть, и немного обидѣлась тѣмъ, что та назвала ея эликсиръ «ядомъ», бросила на нее взглядъ, исполненный благородства и негодованія, и съ нѣжностію ухаживала за неутѣшной Петреей, у которой все продолжала итти кровь изъ носу. Не знаемъ, отъ гнѣва, или отъ Луизина эликсира (Луиза была убѣждена въ послѣд-

немъ), только головная боль Сары скоро прошла; она, какъ ни въ чемъ не бывало, встала и воротилась въ собраніе, не сказавъ ни однаго утѣшительнаго слова Петреѣ. Послѣдняя не могла явиться къ ужину, и Луиза никакъ не хотѣла оставить ее. Имъ приносили кушанье въ комнату. Тетя Эвелина, Лаура, Карина и сама хозяйка снабжали ихъ разными рѣдкостями, и Петрея успокоилась и развеселилась. У нея была пріятная перспектива танцовать послѣ ужина англезъ съ «le plus vaillant,» какъ она называла молодаго У**, который совершенно оковалъ Петреино—правда легко побѣждаемое—сердце.

Англезъ былъ уже начатъ, когда сестры вмѣстѣ вошли въ залу. Онѣ встрѣтили по дорогѣ Кандидата съ озабоченнымъ и безпокойнымъ видомъ. Онъ ангажировалъ Луизу на англезъ послѣ ужина и скоро стоялъ съ нею въ тѣсныхъ рядахъ его. Петрея ожидала, что, едва она войдетъ въ залу, «le plus vaillant» подбѣжитъ и возметъ ее за руку: и что же? онъ преспокойно стоялъ на своемъ мѣстѣ и танцовалъ съ Сарой—съ Сарой, которая была прекраснѣе, очаровательнѣе, нежели когда-либо. Роза, которую Петрея подарила своему невѣрному рыцарю, и миртовая вѣтка, на которую она имѣла тайные виды, были приколоты у Сары на груди. Глаза «le plus vaillant» были почти безпрестанно прикованы къ «la plus belle,» какъ единогласно провозгласили Сару. Звѣзда Афтонщерны, отъ сильнаго жара, меркла

все болѣе и болѣе, между-тѣмъ, какъ звѣзда Сары все ярче и ярче горѣла. Она была представлена графинѣ Соленстроле, которая привѣтствовала ее ловкимъ комплиментомъ и назвала ее «царицей бала», на что Афтоншерна сдѣлала кисло-сладкую мину.

«Ч... возьми! что за красавица», воскликнулъ старичекъ, который боролся съ Петреей о своей чайной чашкѣ, и который теперь, самъ того не замѣчая, давилъ ей ноги и тѣснился впередъ, чтобы лучше видѣть «царицу бала.»

Съ чувствомъ оскорбленнаго самолюбія и съ отдавленными ногами, Петрея уныло удалилась въ другую комнату. Она предалась размышленію о всемъ, случившемся въ этотъ вечеръ, и теперь оно представилось ей совсѣмъ въ иномъ видѣ, нежели до того. Зеркало, которое часа два тому назадъ, такъ обманчиво увѣряло ее, что она могла назваться «la plus belle», теперь показывало ей красную, вздутую массу, и эта масса была ея лицо. Петрея вспомнила о своемъ поведеніи съ молодымъ У**, и нашла себя самымъ смѣшнымъ и несчастнымъ существомъ. Она почувствовала въ эту минуту отвращеніе къ себѣ самой, и если бы не маленькой сюрпризъ, который она давно готовила Сарѣ и которымъ намѣревалась обрадовать ее черезъ нѣсколько дней, то... Эта мысль, какъ солнечный лучь, озарившій покрытое черными тучами небо, разсѣяла мракъ ея души.

чувство доставить удовольствіе той, которая такъ огорчила ее въ этотъ вечеръ, исполнило ея сердце тихимъ блаженствомъ.

Въ гостиной, примыкавшей къ большой залѣ, послѣ ужина отворили двери на балконъ, чтобы освѣжить комнаты, въ которыхъ отъ множества людей и свѣчъ было несносно жарко. Двѣ особы — кавалеръ и дама — вышли на балконъ. Послѣдняя была въ бѣлой шали, небрежно накинутой на плечи; вѣнецъ изъ звѣздъ украшалъ темные волосы, и — какъ звѣзды — горѣли ея черные глаза, которые пламенно смотрѣли въ даль.

Прекрасная майская ночь разливала на предметы свой чудный, таинственный, очаровательный полусвѣтъ и, задергивая ихъ прозрачною завѣсою, возвышала прелесть ихъ, какъ предчувствіе, какъ тайная дума. Высокое, дивное предчувствіе блаженства жизни навѣвали на душу зефиры, которые на легкихъ крыльяхъ носились въ воздухѣ, трепетали въ звѣздахъ, парили высоко надъ землею.

«Ахъ, жизнь, жизнь!» воскликнула *она*, и простерла руки въ даль, какъ бы желая обнять ее.

«Очаровательница!» сказалъ *онъ*, схвативъ ее за руку; «моя жизнь принадлежитъ тебѣ!»

Она не отняла своей руки, но, гордо смотря на него, сказала: «веди меня къ жизни, къ свободѣ — и рука моя принадлежитъ тебѣ! Но помни мое условіе: я хочу быть свободна, свободна какъ вѣтеръ, который то играетъ твоими волосами, то преклоняетъ вершину того дерева. Я рождена для свободы, власти, славы. Помоги мнѣ пріобрѣсть все это — и благодарность моя будетъ ручаться тебѣ за мою любовь; она соединитъ насъ узами, тѣснѣе тѣхъ пустыхъ формъ, которымъ я подвергаюсь изъ уваженія къ людямъ, не желая огорчать ихъ болѣе, нежели того требуетъ необходимость. Насъ эти формы будутъ связывать только до тѣхъ поръ, пока мы сами захотимъ того. *Свобода* будетъ залогомъ и лозунгомъ нашего союза.»

«О, несравненная женщина!» отвѣчалъ онъ; «ты выше притворства твоего пола, выше предразсудковъ! Я удивляюсь, я сдаюсь тебѣ. Ты, ты одна могла преклонить мою волю, и изъ моей ученицы превратилась въ мою повелительницу. Если слова пастора непремѣнно нужны для нашего соединенія, то пусть будетъ такъ! Я возведу тебя на блестящій тронъ, котораго достойна твоя красота, достойны твои таланты. Я только помогу тебѣ взойти на него, а потомъ буду лежать у ногъ твоихъ, какъ въ эту минуту; буду твоимъ слугою, твоимъ рабомъ.

Онъ упалъ передъ нею на колѣна. Она наклонилась къ нему — и губы ея слегка коснулись его лица. Онъ обхватилъ ея станъ и въ этомъ положеніи держалъ ее минуту въ своихъ объятіяхъ. На устахъ его блуждала надменная, коварная улыбка, но она ея не замѣтила.

«Пусти меня, Германъ! Кто-то идетъ сюда!» сказала она. Онъ не слушался, и когда она съ силой высвободила свою гордую голову изъ его объятій, глаза ея дико сверкали гнѣвомъ.

Они вошли. На балконѣ явилась новая пара.

Онъ. Подожди, дай мнѣ хорошенько окутать тебя моимъ плащемъ. Вѣтеръ довольно свѣжъ.

Она. Ахъ, какъ прекрасно твой плащъ насъ прикрываетъ обоихъ! Посмотри, какъ мы стоимъ здѣсь одни между небомъ и землею, отдаленные отъ всего міра.

Онъ. Мой міръ заключается въ моихъ объятіяхъ; другаго мнѣ не нужно. Не моя ли ты, Лаура? Лаура, скажи, счастлива ли ты?

Она. Ахъ, нѣтъ!

Онъ. Какъ? что ты говоришь?

Она. Я говорю, что я не счастлива, потому-что я слишкомъ счастлива. Мнѣ кажется, что я никогда не буду въ состояніи заслужить мое блаженство; я не могу понять, какъ оно досталось мнѣ въ удѣлъ. О, Арвидъ, какое счастіе принадлежать тебѣ навсегда, провесть жизнь мою съ тобой, съ моею матерью, съ сестрой, со всѣмъ, что мнѣ мило!

Онъ. Не навсегда, скажи принадлежать навѣки, моя Лаура! Союзъ нашъ принадлежитъ равно землѣ и небу; здѣсь, какъ тамъ, во вѣки вѣковъ я твой, а ты моя.

Тише, милый Арвидъ! я слышу голосъ моей матери. Она зоветъ меня. Пойдемъ къ ней.

Они входятъ въ комнату. Новая пара является на балконъ.

Онъ. Любите ли вы ночной воздухъ, сестрица Луиза? Если я не ошибаюсь, вы немного *romanesque*. А звѣзды? Вѣрно любите? Я также очень люблю звѣзды. Одинъ изъ нашихъ поэтовъ сказалъ:

«......безмолвно, какъ жрецы Египта,
идутъ......»

Посмотрите, сестрица Луиза, на этой сторонѣ къ западу лежитъ Оставикъ. Если вамъ угодно будетъ когда-нибудь прокатиться туда, то мое новое ландо

всегда къ вашимъ услугамъ. Я увѣренъ, что Останвикъ вамъ бы очень понравился. Персики и виноградъ уже въ полномъ цвѣту. Любо смотрѣть.

Слышится глубокій вздохъ.

Она. Кто тамъ вздыхаетъ?

Голосъ. Бѣднякъ, который въ первой разъ въ жизни завидуетъ богачу.

Онъ. Богачь не богачь, а славу Богу, у меня таки есть чѣмъ жить, и будетъ чѣмъ прокормить безъ нужды жену и дѣтей. Я сѣю каждый годъ по 200 бочекъ всякаго зерна — и какъ бы вы думали, сестрица Луиза... но гдѣ же она?

Голосъ. Ей вѣрно показалось, что со стороны Останвика вѣетъ холодомъ.

Оба кавалера возвращаются въ комнату, междутѣмъ какъ молодая дама выходитъ на балконъ.

Она одна. Неудачи, испытанныя ею въ этотъ вечеръ, тѣснятъ ея сердце, и чѣмъ онѣ мелочнѣе, тѣмъ болѣе кажутся ей унизительными. Жгучія слезы крупными каплями катятся украдкою по ея щекамъ. Ночной вѣтерокъ осушаетъ ихъ своимъ нѣжнымъ лобзаніемъ. Она подымаетъ глаза къ небу.

Никогда оно не казалось ей такъ высоко, такъ чудно! Душа ея возносится, паритъ въ высоты, недосягаемыя для глаза, къ всемогущему Цѣлителю человѣческихъ страданій, и *Онъ* вселяетъ въ нее предчувствіе, что она въ любви къ нему найдетъ забвеніе всѣхъ земныхъ скорбей, или примиреніе съ ними.

Весело проходило время въ разнообразныхъ удовольствіяхъ для гостей Аксельгольмскихъ. Петрея писала длинныя письма въ прозѣ и въ стихахъ оставшимся дома сестрамъ, и давала отчетъ во всемъ, что тамъ происходило. Свои собственныя неудачи—которыя повторялись очень часто—она описывала съ такимъ комизмомъ, что все, бывшее для нея сперва мученіемъ, превратилось послѣ въ источникъ непринужденной веселости и для нея самой и для ея семейства. Однажды она получила отъ отца записку слѣдующаго содержанія:

«Милый другъ!

«Твои письма доставляютъ какъ мнѣ, такъ и твоимъ сестрамъ величайшее наслажденіе; но мнѣ — не столько веселымъ своимъ содержаніемъ, сколько тѣмъ, *какъ* ты переносишь невеселое. Поступай всегда такъ, другъ мой, и — сердце мое бьется отъ радости при этой мысли — и путь твой приведетъ тебя къ мудрости и невозмутимому счастію. Ты съ радостію сознаешься въ благой истинѣ, которая каж-

дый день подтверждается самыми ничтожными случаями, какъ и самыми важными событіями — что нѣтъ худа, изъ котораго не *было бы возможности* извлечь какаго-нибудь добра. Такъ наши собственныя слабости могутъ послужить намъ путемъ къ исправленію. Усердный поклонъ твоимъ сестрамъ отъ твоего и ихъ нѣжно любящаго отца.»

Петрея поцѣловала эти строки съ радостными слезами и живѣйшею благодарностью. Она носила ихъ нѣсколько дней на своемъ сердцѣ, и хранила ихъ всю жизнь, какъ драгоцѣнный талисманъ, который помогалъ ей счастливо итти по хроматической гаммѣ жизни.

Луизу очень дразнили двоюроднымъ ея братомъ Туромъ, а Тура двоюродною его сестрою Луизою. Туру это очень нравилось. Онъ любилъ, когда говорили, что для Останвика нужна добрая хозяйка, а для него хорошенькая женка; что Луиза одна изъ самыхъ умныхъ и достойныхъ молодыхъ дѣвушекъ во всемъ околоткѣ и къ-тому же принадлежитъ къ почтенному семейству. Помѣщикъ началъ уже было принимать поздравленія съ помолквою. Что касается до выбранной имъ невѣсты, то трудно было угадать ея мнѣніе на этотъ счетъ. Луиза была всегда очень учтива къ своему «двоюродному братцу Туру», но въ этой учтивости было по-видимому болѣе холодности, нежели благорасположенія, и она съ удивительною—

по мнѣнію многихъ — твердостію отказывала въ его настоятельной просьбѣ прокатиться въ Останвикъ въ новомъ ландо на четвернѣ «моихъ гнѣдыхъ» въ рядъ. Многіе увѣряли, что миловидный, любезный Якоби былъ гораздо ближе къ сердцу Луизы, нежели богатый помѣщикъ. Но и съ Якоби Луизино обращеніе было такъ равно-спокойно и непринужденно, что нельзя было ничего замѣтить. Не всѣмъ было извѣстно, такъ-какъ намъ, что, по понятіямъ Луизы о женскомъ достоинствѣ, слѣдовало показывать совершенное равнодушіе къ вѣжливостямъ и «doux propos» мущинъ, до оффиціальнаго объясненія. Луиза до того презирала кокетство, что избѣгала всего, что хоть могло издалека походить на эту слабость. Подруги Луизы шутили на счетъ такихъ строгихъ понятій и предсказывали ей, что она останется старой дѣвой.

«Пусть такъ!» спокойно отвѣчала Луиза.

Однажды ей расказывали, что какой-то мущина сказалъ: «я не сдѣлаю ни шагу для молодой дѣвушки, въ которой нѣтъ хоть немножко кокетства.»

«Никто его и не проситъ о томъ!» отвѣчала Луиза съ достоинствомъ.

Луизины понятія о «женскомъ достоинствѣ», ея твердыя, строгія правила и способъ изложенія ихъ

очень забавляли ея молодыхъ подругъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ внушали имъ истинное къ ней уваженіе и давали поводъ къ безпрестаннымъ спорамъ и толкамъ, въ которыхъ Луиза всегда неустрашимо, хотя не безъ натяжекъ, защищала правое дѣло. Эти споры, начавшіеся для шутки, кончились однако не совсѣмъ хорошо.

Случилось, что одна молоденькая дама, обнаруживавшая склонность къ кокетству, слышала однажды строгія сужденія Луизы на счетъ кокетства женщинъ, въ особенности замужнихъ, оскорбилась и — желая отмстить ей — необдуманно сказала нѣсколько словъ, которыя поразили Луизу и возбудили ея негодованіе. Это дало поводъ къ объясненію, котораго слѣдствіемъ былъ рѣшительный разрывъ между Луизой и ея противницей, и перемѣна въ Луизѣ, которую она напрасно старалась скрывать. Въ началѣ своего пребыванія въ Аксельгольмѣ она была необыкновенно весела и жива, но вдругъ стала тиха, задумчива и разсѣянна; она какъ будто сдѣлалась спѣсивѣе съ Кандидатомъ и благосклоннѣе къ Помѣщику, что однако не мѣшало ей по-прежнему уклоняться отъ его предложенія «прокатиться въ Останвикъ.»

На другой день послѣ этаго объясненія, вечеромъ, Элиза стояла на балконѣ съ Якоби и очень живо съ нимъ разговаривала. «И если», сказалъ Якоби, «если

я буду стараться снискать ея любовь; скажите, могу ли я надѣяться, что ея родители, что вы одобрите мои намѣренія? Ахъ, говорите, говорите откровенно! Счастіе моей жизни зависитъ отъ этаго!»

«Что до меня касается, Якоби, то я вамъ даю свое согласіе и благословеніе», отвѣчала Элиза; «я повторяю вамъ то, что я сказала мужу — что я бы желала назвать васъ сыномъ моимъ!»

«О!» воскликнулъ Якоби, ставъ на колѣна и съ глубокимъ чувствомъ прижимая къ губамъ руку Элизы, «вся моя жизнь будетъ свидѣтельствовать о моей благодарности, о моей любви..!»

Въ эту самую минуту Луиза подошла къ балкону, чтобы сказать что-то матери; она видѣла волненіе Якоби, слышала его слова. Она поспѣшно отступила назадъ, какъ будто бы ужаленная змѣей.

Съ этой минуты внезапная перемѣна, происшедшая въ ней, становилась съ каждымъ днемъ замѣтнѣе. Молчаливая, задумчивая и блѣдная, она не принимала никакаго участія въ веселыхъ празднествахъ Аксельгольма, и съ радостію согласилась на предложеніе озабоченной матери — ускорить возвращеніемъ домой. Якоби, столько же удивленный,

сколько и огорченный внезапною холодностью Луизы, въ недоумѣніи, чему приписать ее, начиналъ подозрѣвать уже, не заколдованъ ли Аксельгольмъ — и нетерпѣливо желалъ оставить мѣсто, столь пагубное для него.

ВОЗВРАЩЕНІЕ ДОМОЙ.

О чемъ это у Якоби съ Генрихомъ шли такіе длинные переговоры при отъѣздѣ изъ Аксельгольма и даже ужъ нѣсколько дней до того? Петрея горѣла любопытствомъ узнать, что бы это такое было, но никакъ не могла добиться. Казалось, то былъ заговоръ противъ всего семейства.

Генрихъ и Якоби давно намѣревались устроить маленькій домашній праздникъ въ честь семейства, и теперь имъ представился случай возвысить это удовольствіе пріятною неожиданностію. Хорошая и щегольская гостинница, находившаяся по дорогѣ между Аксельгольмомъ и городомъ, должна была служить мѣстомъ праздника. По составленному заговорщиками плану, рѣшено было на возвратномъ пути остановиться здѣсь подъ предлогомъ маловажнаго поврежденія однаго изъ экипажей, требовавшаго непремѣнно починки; дамъ положено уговорить войти въ домъ, гдѣ уже все будетъ готово къ принятію гостей. Всѣ эти приготовленія очень занимали молодыхъ кавалеровъ, и Якоби, который непремѣнно хотѣлъ попотчевать Луизу мороженымъ — ея любимымъ лакомствомъ, не щадилъ для этаго ни хлопотъ, ни издержекъ, не

смотря на явное истощеніе его кошелька. На пути въ Аксельгольмъ семейство было раздѣлено въ двухъ экипажахъ. Луиза съ Петреей сидѣли въ маленькой бричкѣ, собственномъ экипажѣ Лагмана. На ней правилъ Якоби, который вмѣстѣ съ Генрихомъ сидѣлъ на козлахъ. Мать съ прочими дочерьми занимала наемную карету, которою правилъ самъ Лагманъ. На возвратномъ пути было положено соблюсти тотъ же порядокъ, съ тою разницею, что Якоби долженъ былъ править большою каретой, а Генрихъ экипажемъ сестеръ. Мать и сами молодые кавалеры не хотѣли поручить кучеру этой должности, которая, какъ они сами говорили съ надлежащею скромностію, требовала нѣкотораго искуства по причинѣ гористой и испорченной дождями дороги. Между-тѣмъ Якоби умѣлъ смастерить такъ, что ему, вопреки установленному порядку, пришлось править экипажемъ дѣвицъ, а Генриху каретой. Но не много выигралъ этимъ Кандидатъ, потому-что «предметъ» уже былъ совсѣмъ не то, что на пути въ Аксельгольмъ. Тогда Луиза была необыкновенно весела; она съ такимъ чистымъ наслажденіемъ упивалась весеннимъ воздухомъ, слушала пѣсни ласточекъ, смотрѣла на поля, на пасущихся коровъ, на крестьянскіе домики и на все, что представлялось ея глазамъ. Она сообщала всѣ свои впечатлѣнія Якоби, который все время сидѣлъ повернувъ лицо къ каретѣ. Генрихъ очень серьёзно изъявлялъ ему свои опасенія, что голова его навсегда приметъ это поло-

женіе—и они смотрѣли другъ другу въ глаза съ выраженіемъ любви чистой и прекрасной, какъ весна. Теперь все перемѣнилось.. «Предметъ» по-видимому не обращалъ никакаго вниманія на окружавшіе его предметы. Луиза сидѣла прислонившись къ спинкѣ брички, съ опущеннымъ вуалемъ, и не говорила ни слова. За то Петрея болтала безъ умолку, чтобы развязать языкъ сестры — но безуспѣшно. Якоби напрасно старался встрѣтиться взорами съ Луизой. Она избѣгала ихъ и тѣмъ приводила въ отчаяніе бѣднаго Якоби.

Наконецъ, послѣ сильной тряски по кочкамъ и ухабамъ, поѣздъ дотащился благополучно до гостинницы. «Виноваты—не совсѣмъ благополучно! У однаго изъ колесъ кареты что-то сломалось.» Это вовсе «ничего не значило», однако непремѣнно требовало починки. Генрихъ просилъ мать свою покамѣстъ войти — «съ сестрами»—въ гостинницу, въ дверяхъ которой стояли хозяинъ и хозяйка, съ низкими поклонами и книксами прося проѣзжихъ войти въ комнату. Хозяинъ подошелъ самъ къ каретѣ и отворилъ дверцы. Элиза вытаращила глаза и вскрикнула отъ удивленія: хозяинъ походилъ, какъ двѣ капли воды, на ея мужа! А хозяйка—прелестнѣйшая изъ всѣхъ хозяекъ въ мірѣ! — была ни дать ни взять ея дочь Фанни. Восклицанія радости и удивленія раздались со всѣхъ сторонъ. Всѣ прочія дамы узнали въ хозяинѣ и хозяйкѣ — отца и сестру. Но тѣ не подавали ни ма-

лѣйшаго вида смущенія — и ни мало не сбились съ толку отъ восклицаній и крика пріѣзжихъ. Они знали сами про себя, кто они такіе—и какъ нельзя лучше исполняли свои роли! Они, разсыпаясь въ вѣжливостяхъ и извиненіяхъ, повели гостей наверхъ, гдѣ пріѣзжимъ были отведены двѣ просторныя, красивыя комнаты. Тутъ хозяинъ ужасно захлопотался и началъ звать на помощь буфетчика и служанку. Наконецъ явился буфетчикъ въ синемъ передникѣ. Новая неожиданность! Это былъ живой Кандидатъ. Пришла служанка — и опять удивленіе! Нельзя вообразить себѣ ничего миловиднѣе, ничего похожѣе на Генриха. Но за то она была не слишкомъ ловка, и на всякомъ шагу спотыкалась и задѣвала. Хозяинъ сердито журилъ ее за неловкость и ворчалъ на буфетчика, при чемъ они оба, такъ по крайней мѣрѣ казалось, расплакались. Хозяинъ прогналъ ихъ, приказавъ въ ту же минуту принести, чѣмъ освѣжиться гостямъ. Тутъ онъ, при разныхъ остроумныхъ шуткахъ и любезностяхъ, собственными руками откупорилъ двѣ бутылки шампанскаго, разлилъ его въ рюмки и началъ чокаться съ дамами. Когда гости освѣжились разными лакомствами, приправленными веселымъ и живымъ разговоромъ, пришли доложить о какомъ-то человѣкѣ, подъ именемъ «Погонщика-штукаря», который просилъ позволенія показать честнымъ господамъ разныхъ удивительныхъ звѣрей и «другія рѣдкости», находившіяся въ его походномъ кабинетѣ. «Погонщикъ-штукарь» былъ приглашенъ

съ громкими восклицаніями , и въ дверяхъ показа-
лась фигура, которая, за исключеніемъ длиной сѣдой
бороды, имѣла удивительное сходство съ Іереміей
Мунтеромъ. Въ другой комнатѣ помѣщался его звѣри-
нецъ и кабинетъ рѣдкостей Всѣ поспѣшили туда и
увидѣли сперва разныхъ рѣдкихъ звѣрей , а потом
маленькія драматическія представленія, которыя «По-
гонщикъ-штукарь» сопровождалъ юмористическими и
остроумными рѣчами и объясненіями, подобными (не
смѣемъ сказать равными — это невозможно) фразам
фигляровъ, въ большіе праздники забавляющихъ на
площади народъ. Два другіе товарища его, не похо-
жіе ни на кого изъ Франковыхъ знакомыхъ, помо-
гали при представленіяхъ, которыя кончились тѣмъ,
что ученый «Погонщикъ-штукарь» далъ всякому из
зрителей что-нибудь на память изъ драгоцѣнностей
кабинета своего и показалъ притомъ удивительный
тактъ : каждый получилъ именно то, что ему всег
болѣе доставляло удовольствія. Сверхъ своего подар-
ка Луиза получила еще прелюбопытную проповѣдь
читанную будто бы первымъ пасторомъ въ близь-ле-
жащемъ приходѣ въ первое воскресенье его там-
служенія. Подъ заглавнымъ листомъ лежали какіе-
то стихи, которые очевидно были писаны горазд
позже. Луиза однако не прочитала ихъ теперь, а
поспѣшно спрятала и вся покраснѣла. Всѣ эти затѣи
вѣроятно доставили бы всѣмъ много удовольствія
если бы «предметъ»—одинъ изъ главныхъ предме-
товъ праздника — былъ въ состояніи принимать въ

немъ участіе. Сколько Луиза ни принуждала себя быть довольною и веселою, она не могла преодолѣть себя. Тоска ея становилась невыносима—и наконецъ, когда подали мороженое, и буфетчикъ, котораго глаза сверкали радостію, попросилъ ее взять ванилеваго, она только отвѣдала свою порцію, потомъ отставила блюдечко, выбѣжала изъ комнаты и залилась слезами. Луиза до того никогда не была подвержена спазмамъ, и потому этотъ припадокъ очень встревожилъ всѣхъ. Хозяинъ, хозяйка, служанка, буфетчикъ, «Погонщикъ-штукарь» — однимъ словомъ, всѣ вышли изъ своихъ ролей, и—прощай все обаяніе, вся искренняя веселость праздника! Напрасно Луиза, которая скоро успокоилась, просила извиненія въ причиненной тревогѣ и увѣряла, что это не что другое, какъ «спазмы въ груди»; напрасно Элиза, Фанни и особенно Петрея старались, изъ уваженія къ Якоби и Генриху, возстановить прежнюю веселость: это имъ не удавалось—и ничто болѣе не клеилось. Всѣ, особливо Якоби, казались очень разстроены и начали поговаривать, какъ-бы пуститься далѣе въ путь. Тутъ послышался стукъ лошадиныхъ копытъ и приближающагося экипажа — и передъ подъѣздомъ гостинницы остановилось великолѣпное ландо съ лихой четверней гнѣдыхъ. Ничего не зная о преждевременномъ отъѣздѣ Франкскаго семейства изъ Аксельгольма, Помѣщикъ возвращался туда послѣ краткаго отсутствія и остановился на-минуту въ гостинницѣ, чтобы дать отдохнуть лошадямъ и выпить стаканъ

славившагося здѣсь пива. Неожиданная встрѣча съ Франками перемѣнила его первоначальный планъ. Онъ рѣшился ѣхать съ ними въ городъ и убѣдительно просилъ «тетушку» и «сестрицъ» воспользоваться его ландо! Онъ увѣрялъ, что онѣ будутъ довольны имъ, что въ немъ совсѣмъ не трясетъ, что оно необыкновенно покойно, что въ немъ можно спать, какъ въ постелѣ, даже по самымъ дурнымъ дорогамъ и т. д. Элиза, у которой еще болѣли кости отъ немилосердой тряски наемной кареты, была не прочь отъ этаго предложенія — и такъ-какъ Лагманъ, при накрапывавшемъ дождѣ, предпочиталъ закрытый экипажъ каріолкѣ, въ которой онъ пріѣхалъ съ Фанни, то дѣло и было скоро слажено. Элиза съ двумя изъ дочерей должна была ѣхать въ ландо, которое между-тѣмъ превратилося въ карету; а Лагманъ съ прочими помѣстится въ другихъ экипажахъ. Когда надобно было отправиться въ путь, Якоби подвезъ свою бричку близехонько къ ландо Помѣщика, который, нахмуря брови, безпрестанно смотрѣлъ, чтобы его колесница не потерпѣла униженія и вреда отъ соприкосновенія съ маленькой ея сосѣдкой. Сильно билось сердце Якоби, когда Луиза сошла съ лѣстницы. Помѣщикъ стоялъ съ одной стороны, Якоби съ другой; оба протягивали ей руку, чтобы посадить ее въ свой экипажъ. На лицѣ Луизы изображалось страданіе—и она подвигалась медленными шагами. Прошла минута нерѣшимости, и она съ опущенными глазами подала руку Помѣщику, который съ торжественной

миной помогъ ей войти въ карету, гдѣ ждала ее мать, и вслѣдъ за нею самъ прыгнулъ туда же. Черезъ минуту лихая четверня тронулась, и ландо покатилося. Якоби положилъ руку на грудь; тягостное чувство сперло его дыханіе; на глазахъ его навернулись слезы при видѣ катившейся великолѣпной кареты. Голосъ Петреи прервалъ его горестныя размышленія; она шутя объявляла ему, что онъ будетъ имѣть «завидное счастіе» везти ее съ Ассесоромъ въ бричкѣ. Якоби молча занялъ свое прежнее мѣсто; душа его была сильно взволнована, и онъ нарочно отсталъ далеко, чтобы не имѣть въ виду и тѣни роковаго ландо. Только-что бричка пустилась опять прыгать по ухабамъ большой дороги, какъ отъ сильнаго толчка сломалось переднее колесо — и Кандидатъ съ Ассесоромъ и Петреею повалились одинъ за другимъ въ грязь. Но они мигомъ поднялись всѣ трое опять на ноги. Петрея смѣялась, Ассесоръ ворчалъ и сердился. Когда Якоби увѣрился, что все, что было живаго въ бричкѣ, осталось невредимо, онъ сталъ смотрѣть на дѣло хладнокровно, и только думалъ, какъ бы пособить бѣдѣ. Послѣ короткаго совѣщанія подъ проливнымъ дождемъ, рѣшили, что Якоби останется при экипажѣ ждать помощи, а Петрея съ Ассесоромъ отправятся пѣшкомъ въ городъ, и оттуда, какъ можно скорѣе, пришлютъ ему людей. Встрѣтившійся имъ работникъ обѣщалъ похлопотать объ этомъ, и Ассесоръ Мунтеръ съ кислымъ лицемъ пустился шагать по дождю и грязи. Петрея напротивъ

того была въ восхищеніи. Во-первыхъ это было приключеніе, во-вторыхъ она никогда еще не была въ такую погоду подъ открытымъ небомъ, въ-третьихъ она рѣдко чувствовала себя такъ легко и свободно, какъ теперь. Сказавъ себѣ, что сама судьба (власть, противъ которой не могутъ устоять никакія власти въ мірѣ) предала ея одежду на погубленіе, она начала безъ зазрѣнія совѣсти шагать по грязи и пачкаться въ лужахъ, и съ величайшимъ наслажденіемъ чувствовала, какъ она промокала до костей, и, смотря на цвѣтную воду, стекавшую съ шляпы и шейнаго платка, она вздернула носъ къ верху, чтобы лучше насладиться чудеснымъ дождемъ. Петрея въ этомъ случаѣ сходилась съ братомъ своимъ и — ей казалось — чуть ли и не съ Діогеномъ; и такъ-какъ Петрея любила крайности, то она желала быть Діогеномъ по невозможности — она въ томъ сознавалась — быть Александромъ. Она чувствовала въ эту минуту, что могла быть счастлива при весьма умѣренной долѣ внѣшнихъ удобствъ; она чувствовала себя на раздольѣ и на просторѣ; она привѣтствовала каждую дождевую каплю, каждый порывъ вѣтра, каждый кустъ, каждую травку, какъ старыхъ милыхъ друзей; съ ними ей нечего было опасаться тѣхъ непріятностей, тѣхъ оскорбленій, которымъ она часто подвергалась въ общественной жизни. Если сороки смѣялись надъ нею, то она отплачивала имъ тѣмъ же. «Да здравствуетъ свобода!» При всѣхъ этихъ впечатлѣніяхъ Петрея предавалась такимъ

сильнымъ порывамъ веселости, что ей наконецъ удалось развеселить и своего товарища въ несчастіи, или, по мнѣнію Петреи, въ счастіи. Но вдругъ поднялся ужасный вихрь и посыпалъ градъ, котораго крупныя зерна такъ нецеремонно поступали съ носомъ Петреи, что она какъ будто смутилась и даже немного разсердилась. Ассесоръ сталъ осматриваться, нѣтъ ли по близости пристанища, гдѣ бы можно укрыться, а Петрея, въ восхищеніи отъ всякаго порыва вѣтра, который грозилъ свалить ее съ ногъ, шла за Ассесоромъ по узенькой тропинкѣ. Навстрѣчу имъ понеслись изъ лѣсу густые клубы дыма, гонимые вѣтромъ, какъ будто съ вѣстью, что здѣсь есть гостепріимная хижина, гдѣ они найдутъ убѣжище отъ ненастной погоды. Между-тѣмъ, какъ они бродили по лѣсу, чтобы отыскать эту хижину, воображеніе Петреи разыгралось пуще бури, и ей представлялось, что она вмѣсто хижины найдетъ разбойничій вертепъ, пещеру пустынника, подземелье съ затаенными сокровищами и разныя другія чудеса въ этомъ родѣ. Но увы! все это было основано только на дымѣ, который, какъ теперь оказалось, выходилъ изъ черной угольни, а съ божествомъ, скрывавшимся въ глубинѣ ея (о его присутствіи свидѣтельствовалъ дымъ), Петрея не имѣла ни малѣйшаго желанія познакомиться ближе. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ угольни стояла маленькая лачужка въ видѣ сахарной головы, въ которой жилъ угольщикъ. Ассесоръ отворилъ незамкнутую дверь, но за нею не оказалось

ни пустынника, ни разбойниковъ, а только пуста
избушка, тѣсная, но чистая. Обрадованный Ассесор
тотчасъ же завладѣлъ ею и сѣлъ возлѣ Петреи н
единственной скамейкѣ, которая тутъ находилас
Петрея вздохнула. Какое жалкое превращеніе е
великолѣпныхъ воздушныхъ замковъ! Видъ, пред
ставлявшійся глазамъ изъ отворенной двери, не за
нималъ ея, но за то Ассесоръ по-видимому разсматри
валъ его съ большимъ вниманіемъ. Избушка стоял
въ самой глуши лѣса; природа кругомъ была дикая
но прекрасная. Передъ избушкой было открыто
мѣсто, обставленное прихотливыми группами сосен
и елей, которыя стояли непоколебимо посреди бури
завывавшей въ ихъ вершинахъ. Нѣсколько деревьев
лежало на землѣ; но видно было, что они попа
дали отъ старости; трава и цвѣты, росшіе вокруг
этихъ лѣсныхъ патріарховъ, были вырваны вмѣст
съ ихъ массивными корнями. Отдѣльно отъ других
и образуя особую группу, стояли двѣ высокія ел
Одна изъ нихъ высохла и едва держалась на корнѣ
но другая, молодая, зеленая и сильная, поддерживал
ее, обвивъ своими вѣтвями; дебелые сучья одно
переплелись съ высохшими сучьями другой, которая
покоясь въ объятіяхъ своей подруги, не падала, хо
тя и тряслась отъ вѣтра. Молодое дерево служил
подпорою старому и охраняло его. Долго покоилис
выразительные взоры Ассесора на обоихъ деревьяхъ
глаза его наполнились слезами; прекрасная, грустна
улыбка, придававшая особенную прелесть его физіо

номіи, показалась на устахъ, и сладостныя чувства по-видимому волновали его душу. Онъ расказалъ Петреѣ объ одномъ древнемъ народѣ, жившемъ въ пустыняхъ, говорилъ о непорочномъ обществѣ Ессеевъ (зарѣ Христіанства) — и вотъ его собственныя слова:

«Жажда святости побудила множество мущинъ и женщинъ удалиться отъ шума большихъ городовъ въ пустыни, чтобы невозмутимо посвятить себя мудрой и непорочной жизни. Они устроили себѣ хижины и общество, котораго закономъ были: молитва и трудъ. Всѣ земныя блага должны были служить средствами къ достиженію другой высшей жизни. Они старались сохранить цѣломудріе души и тѣла; спокойствіе и строгость правилъ отличало все ихъ существованіе. Съ восхожденіемъ солнца они собирались всѣ вмѣстѣ, возсылали молитвы и пѣсни къ престолу Всевышняго. Семнадцать часовъ въ сутки были посвящены частію работѣ, частію наукѣ и размышленію. У нихъ было мало потребностей, и потому они вели жизнь беззаботную. Разговоры ихъ отличались благородствомъ и относились къ благочестивому ученію ихъ секты. Они вѣровали въ вѣчнаго Бога, отъ котораго истекаетъ свѣтъ и истина; они старались приблизиться къ Нему чистотою сердца и дѣлъ, пожертвованіемъ мірскихъ удовольствій и смиреннымъ созерцаніемъ и постиженіемъ путей премудраго Создателя. Они вѣровали въ существованіе тихихъ обителей за предѣлами странническої жизни: тамъ теп-

лый вѣтерокъ играетъ въ струяхъ свѣтлой воды; тамъ царствуетъ вѣчная весна и вѣчный вихрь; тамъ надѣялись они найти надежную пристань по окончаніи пути своего.»

Солнце освѣщаетъ землю своими лучами. Они во всѣхъ направленіяхъ проникаютъ ея туманную атмосферу. Но человѣкъ не всегда бываетъ одинаково воспріимчивъ къ ихъ дѣйствію. Слова Ассесора произвели въ эту минуту сильное впечатлѣніе на Петрею. Описаніе такой жизни, такаго чистаго, святаго стремленія вызвало въ ея душѣ невыразимо-сладостное чувство, и глаза ея наполнились слезами. Она теперь понимала свое призваніе; она видѣла дорогу, по которой ей должно было итти въ жизни; она вѣрила, что эта дорога освободитъ ея душу отъ гнета житейскихъ мелочей, отъ суеты и смятенія—вѣрила, что она приведетъ ее къ миру и истинѣ. Въ ту самую минуту, когда эти мысли, или, лучше сказать, эти чувства волновали ея душу, она сквозь слезъ смотрѣла на Іеремію. Выразительное лицо его въ эту минуту казалось еще выразительнѣе, а прекрасный задумчивый взоръ его покоился на живописной картинѣ, разстилавшейся передъ нимъ. Вдругъ Петреѣ представился въ Ассесорѣ Мунтерѣ мудрый отшельникъ, проникнутый высокими божественными истинами. Она почувствовала сильное желаніе броситься къ его ногамъ и просить его благословенія; она хотѣла предложить ему поселиться съ нею навсегда въ этой

пустынѣ, въ этой хижинѣ: онъ бы училъ ее мудрости; она бы ухаживала за нимъ, какъ дочь, какъ прислужница; они вставали бы рано, встрѣчали восхожденіе солнца молитвой; однимъ словомъ, поступали бы во всемъ, какъ Ессеи. Такимъ образомъ они бы умерли для свѣта и жили только для неба. Увлеченная своими тревожными чувствами и какимъ-то непреодолимымъ желаніемъ, Петрея предалась минутному вдохновенію; задыхаясь отъ слезъ, она упала въ объятія Іереміи и прерывающимся голосомъ излила передъ нимъ свои смутныя желанія.

Если бъ камень упалъ Ассесору на шею, то не привелъ бы его въ такое остолбенѣніе, въ какомъ онъ находился теперь. Углубясь въ свои размышленія, онъ въ эту минуту совершенно забылъ о существованіи Петреи и, можетъ быть, еще не скоро бы вспомнилъ, если бъ она такимъ неожиданнымъ образомъ не напомнила ему о своемъ присутствіи. Онъ понялъ смыслъ ея словъ, понялъ увлеченіе юной души ея, и съ спокойною важностію во взорѣ и добродушною улыбкой на устахъ старался успокоить ея кипучія чувства. Потомъ онъ говорилъ, что, гдѣ бы человѣкъ ни находился — въ пустынѣ ли, или въ обществѣ — онъ вездѣ можетъ вести спокойную, богоугодную жизнь. Прекрасныя слова его навсегда запечатлѣлись въ памяти Петреи, и въ послѣдствіи, подобно солнечнымъ лучамъ, часто освѣщали хаосъ ея души.

Между-тѣмъ буря стихла, и Ассесоръ началъ помышлять о возвращеніи домой. Что касается до Петреи, то она нимало о томъ не думала, и желала, чтобы необходимость принудила ее провесть ночь въ мрачномъ лѣсу. Съ другой стороны ей улыбалась мысль расказать дома о своихъ похожденіяхъ, которыя еще умножились на обратномъ пути изъ лѣса: судьба наградила ее счастіемъ поднять на ноги бѣдную старуху, которая упала, собирая хворостъ, донести его до избушки ея и развести тамъ огонь. Кромѣ того ей удалось пустить на волю двухъ воробушковъ, которыхъ поймалъ какой-то мальчикъ, и наконецъ освободить самаго Ассесора отъ шиповника, который всѣми силами хотѣлъ удержать его въ своей власти къ крайней досадѣ Ассесора. Петрея при этомъ случаѣ перецарапала себѣ руки до крови, но отъ того стала еще веселѣе.

Когда они вышли изъ лѣсу, дождь совсѣмъ пересталъ итти. Вѣтеръ утихъ, и небо, освѣщенное послѣдними лучами заходящаго солнца, бросало на ландшафтъ какой-то особенный, дивный отблескъ. Тутъ прояснилось и лице Іереміи Мунтера; онъ сталъ прислушиваться къ пѣнію птицъ и сказалъ: «ахъ, какъ чудесно!» Онъ смотрѣлъ на капли росы, спрыснувшія весеннюю травку и отражавшія въ себѣ небо, улыбнулся и сказалъ: «вотъ чистѣйшій жемчугъ.» Петрея раздала повстрѣчавшимся на дорогѣ дѣтямъ всѣ гостинцы, которые она сберегла съ пировъ

Аксельгольма; она охотно отдала бы и нѣкоторыя изъ своихъ вещей, если бы не боялась упрековъ Луизы и матери. Петрея, при своей храбрости, жалѣла, что съ нею случилось такъ мало похожденій и что странствованіе ея было такъ коротко. Она была недовольна скорымъ своимъ возвращеніемъ домой, но тѣмъ довольнѣе былъ Ассесоръ и всѣ домашніе. Воротившись гораздо ранѣе, послѣдніе начинали серьёзно безпокоиться о ихъ долгомъ отсутствіи. Между-тѣмъ Ассесоръ и Петрея вынесли изъ своей прогулки взаимную дружбу. Петрею превозносили за ея храбрость, и Генрихъ, ей въ честь, продекламировалъ очень патетически:

Не всякъ, какъ Ксенофонъ, стяжаетъ два вѣнца:
И воина хвалу и славу мудреца,

и всѣ засмѣялись.

ДОМА.

«Вездѣ хорошо, а дома лучше!» сказала Элиз… со всею искренностію, когда она воротилась къ сво… имъ пенатамъ и своему мужу. Молодежъ была тог… же мнѣнія, и съ радостію принялась опять за все… дневныя занятія. Воспоминанія и расказы о всем… случившемся много способствовали къ ихъ оживленію… Надѣялись, что Луиза по-прежнему найдетъ спокой… ствіе и веселость въ тихомъ кругу домашнихъ заня… тій. Но Луизу узнать нельзя было. Казалось, чт… губительный червь снѣдалъ ея внутренность: она за… мѣтно худѣла; веселый нравъ ея исчезъ, и часто за… мѣчали, что ея глаза были красны. Напрасно роди… тели, братъ и сестры старались дознаться причины… этой перемѣны: она никому не хотѣла открыть ее… Что корень болѣзни былъ въ сердцѣ, въ этомъ она… не могла не сознаться; но она по-видимому рѣшилас… затаить его во глубинѣ души своей. И Якоби начи… налъ блѣднѣть и худѣть: душевное разстройство Лу… изы сильно печалило его; а перемѣна въ ея обраще… ніи, особенно съ нимъ, пробудила въ немъ мысль… что онъ, можетъ быть, невольнымъ образомъ оскор… билъ ее, или огорчилъ ее. Только теперь онъ чувст… вовалъ, какъ дорога Луиза была для него, и какъ

искренно онъ былъ привязанъ къ ней. Эта размолвка и старанія Якоби сблизиться съ Луизой и возстановить прежнее дружеское отношеніе послужили поводомъ къ разнымъ маленькимъ сценамъ, или явленіямъ, которыя мы сейчасъ представимъ читателю.

Первое явленіе.

Луиза сидитъ у окна и вышиваетъ по канвѣ въ пяльцахъ. Якоби садится противъ нея.

Якоби (вздыхая). Ахъ, мамзель Луиза!

Луиза смотритъ на свою пастушку, молчитъ и продолжаетъ вышивать.

Якоби. Съ нѣкотораго времени мнѣ все на свѣтѣ кажется скучнымъ и несноснымъ.

Луиза молчитъ и вышиваетъ.

Якоби. А отъ васъ бы зависѣло, чтобъ все представилось мнѣ совсѣмъ въ иномъ видѣ. Ахъ, мамзель Луиза! только одно доброе словцо, одинъ ласковый взоръ!.. Уже ли вы можете отказать въ нихъ тому, кто охотно отдалъ бы все на свѣтѣ, чтобы видѣть васъ счастливою? (Про себя.) Она краснѣетъ, она повидимому растрогана, она открываетъ ротъ. Ахъ, что-то она скажетъ!

Луиза. Одна, двѣ, три, четыре, пять, шесть, семь, восемь, девять, десять стежекъ для носа. Этотъ узоръ немного сбивчивъ.

Якоби. Вы не хотите слушать, не хотите понимать меня! Вы играете моими страданіями! Ахъ, Луиза!

Луиза. У меня недостаетъ шерсти; я забыла ее наверху въ своей комнатѣ.

Уходитъ.

Второе явленіе.

Семейство собралось въ библіотекѣ. Только-что отпили чай. Луиза, по неотступной просьбѣ Петреи и Габріэли, раскладываетъ карты на маленькомъ столикѣ и гадая предсказываетъ сестрамъ ихъ будущность. Кандидатъ садится противъ нея и по-видимому намѣренъ преодолѣть грусть свою и быть веселымъ. Но за то «предметъ» принимаетъ самую важную и спѣсивую осанку. Входитъ Помѣщикъ; онъ раскланивается, прищуривается и цѣлуетъ ручку у «любезной тетушки.»

Помѣщикъ. Какъ холодно сегодня! Я думаю, что у насъ навѣрное будетъ морозъ.

Элиза. Что это за жалкая весна! Мы только-что прочитали горестное извѣстіе о голодѣ въ сѣверныхъ провинціяхъ. Эти неурожаи всегда причиняютъ много несчастій.

Помѣщикъ. Ахъ, да! Сохрани Богъ всякаго отъ голодной смерти! Но полно говорить о такихъ печальныхъ дѣлахъ; поговоримте лучше о чемъ-нибудь другомъ. Я приказалъ покрыть свой горохъ соломой. Любите ли вы раскладывать пасіансъ, сестрица Луиза? Я очень люблю; это такъ успокоиваетъ нервы. Въ моемъ помѣстьѣ Останвикъ у меня есть самыя, самыя крошечныя карты для пасіанса!——я увѣренъ, что онѣ бы вамъ очень понравились!

Помѣщикъ садится по другую сторону «предмета.» Съ Кандидатомъ происходятъ какъ будто судорожныя движенія.

Луиза. Это не пасіансъ, а гаданіе, чтобы узнать будущее. Хотите, я и вамъ загадаю, Туръ?

Помѣщикъ. Ахъ, да! пожалуста! только ради Бога не предсказывайте мнѣ ничего дурнаго. Когда я вечеромъ слышу о чемъ-нибудь непріятномъ, у меня всегда бываютъ страшные сны. Загадайте и скажите мнѣ, что у меня будетъ хорошенькая женка, такая же миленькая, какъ вы сами, сестрица Луиза!

Кандидатъ (грозно смотря на Помѣщика). Я не думаю, чтобы мамзель Луизѣ нравилась лесть.

Помѣщикъ (не обращая никакаго вниманія ни на слова, ни на присутствіе своего соперника). Любите ли вы голубой цвѣтъ, сестрица Луиза?

Луиза. Люблю; однако я почти предпочитаю ему зеленый.

Помѣщикъ. Я очень радъ этому. У меня въ Останвикѣ какъ нарочно мебель въ гостиной покрыта голубой шелковой матеріей — самаго прекраснаго свѣтло-голубаго цвѣта; а въ спальнѣ зеленымъ мериносомъ. Я увѣренъ, что вы, сестрица Луиза...

Тутъ у Кандидата сдѣлался удушливый кашель, и онъ вышелъ изъ комнаты. Луиза проводила его взоромъ, вздохнула и, опустивъ глаза на карты, увидѣла столько бѣдъ для Тура, что тотъ пришелъ въ отчаяніе. «Горохъ весь замерзнетъ» — «въ гостиной случится пожаръ» и къ довершенію всего—«онъ посватается и получитъ отказъ.» Помѣщикъ увѣряетъ, смѣясь, что на счетъ послѣдняго онъ не боится. Дѣвицы улыбаются и сообщаютъ другъ другу замѣчанія.

Третье явленіе.

Семейство только-что отужинало. Ассесоръ предлагаетъ вопросъ:

Какое величайшее страданіе въ мірѣ?

Якоби. Равнодушіе любимаго предмета.

Петрея. Недостатокъ увѣренности въ своихъ дѣйствіяхъ.

Фанни. Сознаніе невознаградимаго зла, причиненнаго любимому существу.

Мать. Я однаго мнѣнія съ Фанни: мнѣ кажется, что ничего не можетъ быть мучительнѣе.

Луиза. Ахъ, нѣтъ! есть чувство, еще мучительнѣе, еще ужаснѣе этаго: потерять вѣру въ того, кого любишь, потерять къ нему должное уваженіе... сомнѣваться въ...

Губы Луизы дрожатъ; она не можетъ докончить; она блѣднѣетъ, поспѣшно встаетъ и убѣгаетъ вонъ. Всеобщее смущеніе.

Отецъ Что это дѣлается съ Луизой? Элиза, намъ непремѣнно надобно узнать, въ чемъ дѣло. Она должна сказать, она непремѣнно скажетъ намъ всю правду. Я не могу долѣе сносить муку видѣть ее въ такомъ положеніи, и сейчасъ же пойду поговорить съ нею; впрочемъ, не лучше ли будетъ сдѣлать это тебѣ, мой другъ? Но ты не отставай отъ нея, пока

она не выскажетъ тебѣ всего, что у нея на душѣ. Для меня нѣтъ ничего несноснѣе таинственности и хандры.

Мать. Я тотчасъ пойду къ ней. Я начинаю догадываться... Эрнстъ, мой другъ! Если меня долго не будетъ, то пускай дѣти съ Богомъ идутъ себѣ спать! Но съ тобой я еще увижусь послѣ.

Уходитъ.

Четвертое явленіе.

Мать и дочь.

Дочь стоитъ на колѣнахъ и закрываетъ лице руками. Мать тихонько подходитъ къ ней и обвиваетъ ее своими руками.

Мать. Луиза! душа моя! Что съ тобою? Я тебя узнать не могу! Ты должна непремѣнно сказать мнѣ, что у тебя на душѣ!

Луиза. Ахъ, нѣтъ, я не могу, я не должна сказать этаго.

Мать. Но ты непремѣнно скажешь, если не хочешь сдѣлать насъ всѣхъ несчастными за тебя. Ахъ, Луиза! Уже ли тебя можетъ остановить какой-нибудь ложный стыдъ, или ложная деликатность? Или,

можетъ быть, ты дала кому-нибудь обѣщаніе; можетъ быть, священный долгъ запрещаетъ тебѣ открыть свое горе?

Луиза. О нѣтъ! ни то, ни другое, а все таки... все таки...

Мать. Ради Бога, говори, говори скорѣе. Вѣрно какое-нибудь ложное подозрѣніе терзаетъ тебя съ нѣкотораго времени. Слова твои сегодня вечеромъ передъ уходомъ твоимъ... Что ты хотѣла сказать ими? Ты плачешь, Луиза! О, я прошу, я умоляю тебя, если ты меня любишь, не скрывай ничего отъ меня. Къ кому-то изъ близкихъ твоему сердцу ты потеряла вѣру и должное уваженіе. Можетъ быть, къ твоей матери?

Луиза. Ахъ, маменька, милая маменька! Взоръ твой раздираетъ мое сердце, но вмѣстѣ съ тѣмъ и успокоиваетъ его! О Боже мой! можетъ, это ошибка, да, можетъ быть, это клевета, а я... и такъ, маменька, ты непремѣнно хочешь, чтобы я тебѣ открыла тайну, которая давно снѣдаетъ мою душу, которую я считала долгомъ не открывать тебѣ? Я скажу тебѣ все. Но прости, прости мнѣ, маменька, если я огорчу тебя своими словами, если они возмутятъ твое спокойствіе; прости мнѣ, если я по слабости, по легковѣрію была несправедлива къ тебѣ; прости и избавь отъ страданій, которыя убиваютъ меня. Ахъ,

послушай, маменька! Мысль, что всѣ мы въ семействѣ безукоризненны, всѣ какъ ангелы чисты сердцемъ и душею, была отрадою для меня и сестеръ моихъ! Я гордилась, что ты была такова, я гордилась, что я могла называть тебя своею матерью!.. А теперь...

Мать. А теперь, Луиза?

Луиза. А теперь люди говорятъ, что... нѣтъ я не могу сказать!

Мать. Скажи, скажи только! Я хочу, я требую этаго отъ тебя. Богъ видитъ насъ.

Луиза. Меня хотѣли увѣрить, что мать моя, что ты, маменька, также не безукоризненна; что ты также...

Мать. Продолжай, Луиза!

Луиза. Что Якоби любилъ тебя, и что ты платила ему взаимностью; что злые языки недаромъ осуждали тебя, что даже теперь... Я презирала эти рѣчи, я презирала тѣхъ, кто ихъ произносилъ. Я старалась удалить отъ себя эти мысли, я считала ихъ преступленіемъ. Но вотъ разъ я шла къ тебѣ, маменька, и увидѣла Якоби передъ тобой на колѣ-

нях, слышала, какъ онъ говорилъ тебѣ о любви!.. Теперь ты все знаешь, маменька!

Мать. И что же ты объ этомъ думаешь?

Луиза. Ахъ, я и сама не знаю, что мнѣ думать; но съ этой минуты душа моя не знала покоя, и я думала, что мы съ нимъ навѣки раздѣлены, что я никогда не освобожусь отъ своихъ сомнѣній, потому-что мнѣ казалось невозможнымъ открыть ихъ кому-нибудь.

Мать. Миръ опять сойдетъ въ твою душу, другъ мой! О, Боже мой, какъ бы я была несчастна въ эту минуту, если бъ совѣсть моя была не чиста! Но, благодаря Бога, другъ мой, мать твоя въ этомъ отношеніи неукоризненна, и Якоби вполнѣ достоинъ твоей дружбы, твоего уваженія. Я скажу тебѣ откровенно всю правду на счетъ того, что тебя такъ встревожило. Была минута—это было въ самомъ началѣ пребыванія Якоби въ нашемъ домѣ—когда въ его юномъ, неопытномъ сердцѣ пробудилось пылкое чувство ко мнѣ и отчасти нашло взаимность. Луиза! не осуди меня строго за невольное чувство, на которое даже отецъ твой смотрѣлъ съ снисхожденіемъ. Въ одинъ благословенный часъ мы открыли другъ другу наше сердце — и его любовь, его энергія, его кротость дали мнѣ силу превозмочь свою слабость. Якоби, который также позналъ свое заблужденіе,

старался побороть его и успѣлъ въ томъ. Тутъ онъ уѣхалъ, и мы взаимно желали, чтобы разлука наша продолжалась, какъ можно долѣе. Между-тѣмъ мы отдали Генриха ему на-руки, и Якоби былъ для него несравненнымъ другомъ и наставникомъ. Когда я, три года спустя, опять увидѣлась съ Якоби, я ему протянула руку, какъ сестра, а онъ, я почти убѣждена въ томъ, уже тогда въ душѣ своей началъ любить меня, какъ—мать. Но что тогда было однимъ предположеніемъ, позже превратилось въ увѣренность; ты его видѣла передо мной на колѣнахъ, какъ *сына;* онъ благодарилъ меня за то, что я одобряла его любовь къ моей дочери, къ моей Луизѣ, которой вздумалось попугать себя и насъ всѣхъ страшнымъ призракомъ.

Спокойный, шутливый тонъ, которымъ были произнесены послѣднія слова, убѣдилъ Луизу почти еще болѣе простаго и энергическаго объясненія матери и исполнилъ ея сердце сладостнымъ чувствомъ. Она прижала руки къ груди и съ благодарнымъ взоромъ смотрѣла на небо.

«Если въ тебѣ осталась еще тѣнь сомнѣнія», продолжала мать, «то обратись къ отцу твоему, обратись къ самому Якоби; пускай они подтвердятъ тебѣ слова мои. Но я вижу, что это было бы лишнее. Сердце твое успокоилось, другъ мой!»

«Ахъ, да! слава Богу! слава Богу»! воскликнула Луиза, тихонько припавъ къ ногамъ матери и покрывая поцѣлуями ея руки, ея платье; «о маменька! какое отрадное чувство опять смотрѣть на тебя съ гордостію! Можешь ли ты простить мнѣ мою слабость, мое легковѣріе? Ахъ, я сама никогда не прощу себѣ!»

Луиза была въ отчаяніи; она дрожала всѣмъ тѣломъ. Никогда еще она не была такъ взволнована. Элиза должна была употребить лекарство для души и тѣла дочери — нѣжныя слова и прохладительныя капли, чтобы успокоить ея раздраженныя чувства и нервы.

Она уговорила Луизу лечь въ постель; потомъ сѣла у ея кровати и, взявъ ее за руку, начала, чтобы разсѣять ея мысли отъ случившагося, вывѣдывать тонкимъ образомъ ея мнѣніе на счетъ обоихъ жениховъ—Кандидата и Помѣщика; но Луиза была въ эту минуту занята одной мыслію, однимъ чувствомъ — счастливымъ разрѣшеніемъ ея сомнѣній и благодареніемъ за то Богу. Когда мать увидѣла, что она немного успокоилась, она обнимая ее сказала:

«Теперь спи, душа моя! Я должна оставить тебя для того, кто вѣрно съ нетерпѣніемъ ожидаетъ меня—и это твой отецъ. Онъ былъ очень встревоженъ на счетъ тебя, и теперь я могу успокоить его, раска-

завъ откровенно все, что мы говорили другъ съ другомъ. Впрочемъ не думай, чтобы то, что ты сказала, могло безпокоить насъ. Что есть люди, которые говорили и еще говорятъ обо мнѣ дурно, это онъ знаетъ такъ же хорошо, какъ и я сама. Но при его равнодушіи на этотъ счетъ я не могу слишкомъ безпокоиться о томъ. У него такія возвышенныя, благородныя чувства! Ахъ, Луиза! благословеніе Божіе надъ тѣмъ семействомъ, гдѣ мужъ и жена, дѣти и родители питаютъ другъ къ другу полную довѣренность! Можетъ ли быть что-нибудь прекраснѣе и сладостнѣе, какъ съ любовію сообщать взаимно все, что есть на душѣ.»

Пятое явленіе.

Садъ. Утро. Ласточки щебечутъ, нарцизы благоухаютъ, деревья колышатся отъ утренняго вѣтра, цвѣты на вишняхъ открываются для пчелъ, которыя жужжа перелетаютъ съ цвѣтка на цвѣтокъ. Солнце свѣтитъ на всѣхъ своихъ дѣтей. Луиза прогуливается по средней дорожкѣ съ проповѣдью стараго «пастора» въ рукахъ; но глаза ея устремлены на лежащій въ книгѣ листокъ съ стихами, который не имѣетъ ровно ничего общаго съ старымъ «пасторомъ». Съ противоположнаго конца алеи идетъ Кандидатъ. Лице его мрачно; въ рукѣ у него черная кисть.

Гуляющіе сходятся и молча раскланиваются

Якоби. Мнѣ бы нужно поговорить съ вами, если вы позволите. Я не задержу васъ долго.

Луиза молча киваетъ головой и краснѣетъ.

Якоби. Я черезъ часъ уѣзжаю отсюда, но прежде, нежели прощусь съ вами, я бы просилъ у васъ отвѣта на одинъ вопросъ.

Луиза. Вы уѣзжаете? Куда? Зачѣмъ?

Якоби. Куда? мнѣ все ровно, только бы мнѣ быть не здѣсь! Зачѣмъ? потому-что я не могу долѣе сносить непріязнь особы, которая дорога моему сердцу, и прежде (по крайней мѣрѣ я такъ думалъ) была дружески расположена ко мнѣ. Обращеніе ваше въ продолженіе двухъ послѣднихъ недѣль глубоко огорчило меня. Скажите, чѣмъ я его заслужилъ? Если я имѣлъ несчастіе оскорбить васъ, или возбудить ваше неудовольствіе противъ себя, то зачѣмъ отказывать мнѣ въ объясненіи? Справедливо ли осуждать кого-нибудь, не выслушавъ его; а тѣмъ менѣе стараго друга вашего дѣтства! Хорошо ли это? Простите мою откровенность, Луиза! По-христіански ли вы поступили, показавъ себя такой строгой, неумолимой? Въ проповѣдяхъ, которыя вы такъ охотно читаете, развѣ не говорится ничего о милосердіи, о примиреніи?

Якоби говорилъ съ жаромъ и съ какою-то строгою важностію, которая, при кротости и веселости его нрава, рѣдко являлась у него. Луиза, глубоко тронутая его словами, отвѣчала ему:

«Я сознаюсь, что поступила не хорошо, и что я была несправедлива къ вамъ, Якоби. Но меня ввели въ заблужденіе; со временемъ я, можетъ быть, скажу вамъ, какимъ образомъ. Вчера вечеромъ я узнала, что меня обманули, что я сама себя обманула—и, благодаря Бога, узнала также, что виноватаго въ этомъ дѣлѣ нѣтъ никого, кромѣ меня самой. Я во многомъ должна упрекать себя, а между-прочимъ и въ недостаткѣ довѣренности къ моимъ роднымъ и къ вамъ, Якоби! Простите меня!» продолжала она, протягивая ему руку съ видомъ, почти умоляющимъ. «Простите меня! Я огорчила васъ.» Но Луиза не могла долѣе удержаться отъ слезъ. «Повѣрьте, что и мнѣ самой было не очень весело.»

«Благодарю, благодарю, Луиза!» воскликнулъ Якоби, схвативъ ея руку и прижимая ее то къ сердцу, то къ губамъ. «О, какъ ваша доброта оживляетъ меня! Теперь я опять могу дышать свободно! Теперь я могу оставить васъ съ искренно-преданнымъ вамъ сердцемъ!»

«Но зачѣмъ вы уѣзжаете?» спросила Луиза полупечальнымъ, полусердитымъ тономъ.

«Затѣмъ,» отвѣчалъ Якоби, «что мнѣ не хочется быть свидѣтелемъ обрученія, которое вѣроятно скоро будетъ здѣсь; затѣмъ, что обращеніе ваше со мной, съ нѣкотораго времени, убѣдило меня, что вы ко мнѣ равнодушны«.

«Если бъ это было справедливо», отвѣчала Луиза тѣмъ же тономъ, «то я бы не могла такъ долго сердиться на васъ!»

«Какъ?» воскликнулъ радостно Якоби,» ахъ, Луиза, что вы говорите! Ваши слова внушаютъ мнѣ смѣлыя надежды! Позволите ли сказать вамъ, что я иногда думалъ и теперь еще думаю?»

Луиза молчала, Якоби продолжалъ:

«Я думалъ, что незнатный, небогатый Якоби могъ бы предложить вамъ лучшую участь, нежели вашъ богатый Останвикскій сосѣдъ; я надѣялся, что моя любовь, моя преданность, которая во всю жизнь мою осталась бы неизмѣнною, составила бы ваше счастіе; я надѣялся, что вы бы могли быть довольны малымъ, если бы это малое было приношеніемъ человѣка, который въ полной мѣрѣ умѣетъ цѣнить васъ, и который былъ бы счастливъ, совершенствуя себя подъ вашимъ вліяніемъ. О, если бы вы согласились быть моей спутницею въ жизни—какъ свѣтла, какъ спокойна сдѣлалась бы для меня жизнь! Съ вами я бы не боялся

никакихъ бѣдствій, никакихъ искушеній! И какъ бы я старался всѣми мѣрами показать свою благодарность Провидѣнію за посланное мнѣ благо! Ахъ, Луиза! такъ я думалъ, такъ я обольщалъ себя, такъ я мечталъ! О, скажите! ужели это однѣ мечты? И не могутъ ли эти мечты превратиться въ дѣйствительность?»

Луиза не отнимала своей руки и смотрѣла на Якоби съ невыразимою кротостію.

«Скажите одно слово, только одно слово!» продолжалъ Якоби умоляющимъ голосомъ! Могу ли я назвать васъ моей Луизой? Могу ли назвать Луизу моею?»

«Поговорите съ моими родителями! сказала Луиза закраснѣвшись и отворотивъ голову.

«Моя Луиза!» воскликнулъ Якоби, и прижалъ ее къ сердцу, внѣ себя отъ любви и блаженства; но Луиза тихонько оттолкнула его, говоря:

«Помните, что все зависитъ отъ моихъ родителей! Безъ ихъ согласія я вамъ не даю слова. Ихъ отвѣтъ рѣшитъ судьбу мою?»

«Пойдемъ вмѣстѣ просить ихъ благословенія, моя Луиза?»

«Ахъ, нѣтъ, подите одни, любезный Якоби!« сказала Луиза; «я чувствую, что я не довольно спокойна и слишкомъ слаба; я буду ожидать здѣсь вашего возвращенія!»

Такъ-какъ намъ кажется, что съ этимъ пятымъ явленіемъ наша маленькая драма пришла къ счастливому окончанію, то мы естественныя ея послѣдствія не будемъ уже представлять въ явленіяхъ, а просто раскажемъ. Когда Кандидатъ побѣжалъ къ родителямъ Луизы, чтобы испросить ихъ согласія, онъ подъ воротами вдругъ наткнулся на кого-то, шедшаго съ противоположной стороны. Оба съ испугомъ отскочили назадъ: Помѣщикъ и Кандидатъ смотрѣли другъ на друга съ удивленіемъ.

«Извините!» сказалъ Кандидатъ и хотѣлъ пройти мимо. Но Помѣщикъ остановилъ его и съ нетерпѣливымъ видомъ и самодовольною улыбкою сказалъ:

«Послушайте, любезнѣйшій! Не можете ли вы сказать мнѣ, въ саду ли сестрица Луиза? Я только-что отъ ея родителей и желалъ бы теперь поговорить съ нею. Не знаете ли вы, гдѣ она?

«Въ... я право не знаю!» отвѣчалъ Кандидатъ, насильно вырвавшись изъ рукъ Помѣщика, и съ тайнымъ безпокойствомъ побѣжалъ къ Луизинымъ родителямъ.

Между-тѣмъ Помѣщику издали мелькнуло въ саду платье «сестрицы Луизы» — и онъ поспѣшилъ къ ней.

Луиза вовсе не удивилась, когда, послѣ всѣхъ приготовительныхъ вопросовъ: «любите ли вы рыбу? любите ли вы дичину, сестрица?» и т. д., наконецъ явился главный вопросъ: «любите ли вы меня, сестрица?» Разумѣется этотъ вопросъ былъ украшенъ разными реторическими фигурами. При всемъ томъ на него воспослѣдовалъ рѣшительный, хотя смягченный вѣжливостью и дружескимъ тономъ; отказъ!

Кандидатъ, съ своей стороны, съ сердечнымъ жаромъ и краснорѣчіемъ представилъ родителямъ Луизы свою любовь, свои желанія и надежды. Конечно у Якоби не было покамѣстъ ни должности, ни состоянія, но у него было многое въ виду, и во всѣхъ его планахъ являлся, какъ солнце, какъ путеводительная звѣзда, генералъ О***! Лагману не очень нравились такія звѣзды, а Элиза не любила, чтобы дѣвушки послѣ обрученія долго оставались невѣстами; но оба любили Якоби и всего болѣе желали видѣть своихъ дѣтей истинно счастливыми. Вотъ отъ чего — когда, послѣ долгихъ совѣщаній, родители, допросивъ Луизу, увѣрились, что ея желаніе дѣйствительно согласно съ желаніемъ Якоби, и что она твердо надѣется быть счастливою съ нимъ; когда Якоби, съ величайшимъ усердіемъ и самыми убѣдительными довода-

ми, отклонилъ всѣ предложенія отсрочить помолвку; когда всѣ препятствія и затрудненія были устранены— Якоби наконецъ получилъ оффиціальное согласіе, и вечеромъ того же дня, въ который утреннее солнце озарило Якоби и Луизу лучемъ примиренія, они были женихомъ и невѣстой! Якоби блаженствовалъ; Луиза была тиха, но привѣтлива; Генрихъ находилъ, что у «ея величества» былъ ужъ слишкомъ *милостивый* видъ. Можетъ быть, ея задумчивая мина происходила и отъ того, что она въ мысляхъ уже была занята умноженіемъ и приведеніемъ въ порядокъ гардероба Якоби; она въ воображеніи уже натягивала основу для тканья тонкаго полотна. Дѣйствительно, Луиза такъ легко согласилась на немедленную помолвку съ Якоби больше для того, чтобы, какъ она сама призналась сестрѣ своей Фанни, «имѣть возможность лучше управлять имъ!» Любезный читатель! а если ты Кандидатъ, то, любезный Кандидатъ! прости «нашей старшей», что она какъ будто немного «всемилостивѣйше» дала свое согласіе! Можемъ увѣрить тебя, что нашему Кандидату это вовсе не повредитъ. Онъ самъ, казалось, не сомнѣвался въ томъ, и своею радостью, своею искренностію успѣлъ смягчить характеръ неумолимой строгости, выражавшійся прежде въ наружности и пріемахъ Луизы. Это вліяніе и непритворная радость, какую изъявили братъ и сестры Луизы, узнавъ о ея помолвкѣ съ Якоби, и которая показывала, какъ всѣ любили его, изгладили морщины на челѣ Лагмана и дали

Элизѣ вкусить самыя сладостныя чувства. Особенно Генрихъ громогласно изъявилъ свое удовольствіе по этому случаю и не могъ нарадоваться пріобрѣтенію зятя, истиннаго брата, въ неоцѣненномъ своемъ другѣ и наставникѣ.

«Послушай-ка, зятюшка!» сказалъ онъ, значительно мигая Луизѣ; держи крѣпко въ рукахъ власть господина, и смотри, братецъ, чтобы въ твоемъ домѣ чепецъ не присвоилъ себѣ первенства. Женившись на королевѣ, ты попадешь въ короли: это, кажется ясно, и ты долженъ стараться поддержать высокій санъ. А когда она будетъ принимать видъ смиренницы, ты принимай видъ страшнаго суда и греми безъ пощады! Ты смѣешься? Напрасно ты принимаешь такъ легко мои братскіе совѣты; право, не худо бы запомнить ихъ хорошенько и... Однако, знаете ли что, друзья! не выпить ли намъ сегодня вечеромъ по стаканчику пуншу? Какъ ты думаешь, мамочка? Намъ непремѣнно надобно выпить за здоровье «ихъ величествъ»! Давайте приготовлять пуншъ, давайте сахару и померанцовыхъ корокъ! Пуншу! пуншу!»

При этихъ восклицаніяхъ Генрихъ съ распростертыми объятіями пустился къ дверямъ; онѣ отворились — и Генрихъ обнялъ Гофмаршальшу.

«Что это ты, мой милый! Богъ съ тобою!» воскликнула Гофмаршальша. «И куда это такъ раз-

бѣжался? Хе, хе, хе, хе! Ужъ вѣрно опять какія-нибудь затѣи. Ты не думалъ, дружокъ, что тебѣ придется обниматься съ такой старухой, какъ я. Хе, хе, хе, хе!»

Генрихъ началъ извиняться въ почтительныхъ и непритворныхъ словахъ, и расказалъ причину своего восторга. Гофмаршальшѣ тутъ же представили жениха и невѣсту. Фру Гунилла сначала немного удивилась, а потомъ была тронута. Со слезами на глазахъ она обняла прежде Элизу, потомъ невѣсту и наконецъ Якоби. «Благослови васъ Господи!» сказала она съ свойственнымъ ей прекраснымъ, тихимъ радушіемъ. Потомъ она молча и съ легкою блѣдностью на лицѣ сѣла на софу, и казалось, что собственныя ея грустныя воспоминанія навѣяли ей на душу мысли о томъ, какъ часто свѣтлое утро супружества смѣняется долгимъ днемъ тяжкихъ страданій. Отъ душевнаго ли разстройства, или отъ тѣлеснаго нездоровья, только фру Гунилла становилась все блѣднѣе и блѣднѣе. Габріэль побѣжала за стаканомъ воды — и, отворивъ двери, вдругъ наткнулась на Ассесора, который въ самую эту минуту входилъ въ комнату. Она съ легкимъ крикомъ испуга убѣжала послѣ неожиданной встрѣчи. Ассесоръ слѣдовалъ за нею глазами съ самой комической миной, и только-что сбирался дать ей какое-то новое прозваніе, какъ вдругъ его окружила вся прочая молодежь.

«Это что значитъ! «воскликнулъ онъ.» Къ чему это вы меня такъ облѣпили? Прошу покорно оставить меня въ покоѣ. Пляши одинъ, мусье Генрикусъ, если хочется! Полно кричать, миссъ Петрея! Какъ тутъ право не оглохнуть! Что вы болтаете? Помолвлены? Кто? Съ кѣмъ? «Наша старшая сестра!» Дайте мнѣ хоть сѣсть да понюхать табаку! «Наша старшая» невѣста; слыханное ли дѣло! Хмъ, Хмъ!.. Это просто ни на что не похоже! У, у, у, у!.. Даже морозъ по кожѣ подираетъ! Покуда Ассесоръ пыхтѣлъ и сморкался, молодежъ, зная его странности, отъ всей души смѣялась, кромѣ Луизы однако, которая покраснѣла и чуть-было не обидѣлась его неучтивыми восклицаніями, а особенно выраженіемъ: «морозъ по кожѣ подираетъ.» Наконецъ Ассесоръ всталъ и, всовывая въ карманъ табакерку, сказалъ: «что сдѣлано, то сдѣлано; сколько ни бѣсись, а лучше не будетъ. Чему быть, того не миновать. Въ законахъ природы написано, что родъ человѣческій долженъ размножаться, и такъ съ Богомъ, поздравляю васъ! Желаю вамъ всякаго счастія и благословляю васъ, любезные друзья мои!» И онъ съ искреннимъ чувствомъ пожалъ руку Якоби и Луизѣ, которая отдала ему это пожатіе, хотя и не совсѣмъ была довольна формою его поздравленія.

«Мнѣ вѣкъ еще не случалось слышать такихъ «невеселыхъ поздравленій,» сказалъ Генрихъ. Сегодня Гофмаршальша и Мунтеръ, кажется, въ меланхоли-

ческомъ расположеніи духа. Но вотъ онъ садится возлѣ нея, и надобно надѣяться, что хандра ихъ скоро разсѣется въ пріятномъ спорѣ

Такъ вѣдь нѣтъ! въ этотъ вечеръ не завязалось спора между Ассесоромъ и фру Гуниллою. Ассесоръ долженъ былъ сообщить ей печальное извѣстіе. Долго онъ не рѣшался на это, но наконецъ сказалъ, и Гунилла прослезилась. «Пирусъ околѣлъ!»

«Вчера еще онъ былъ здоровехонекъ и лизалъ мнѣ руку, когда я прощался съ нимъ на ночь Сегодня утромъ онъ съ апетитомъ выпилъ свою порцію кофею и потомъ легъ спать на свою подушку: я еще приходилъ посмотрѣть на него передъ уходомъ со двора. Когда я воротился домой и заранѣе утѣшался мыслію, что раздѣлю обѣдъ съ моимъ маленькимъ товарищемъ, онъ лежалъ мертвый на своей подушкѣ.» Ассесоръ и фру Гунилла много и долго говорили объ ихъ общемъ любимцѣ, и казалось, что этотъ разговоръ совершенно примирилъ ихъ другъ съ другомъ.

Впрочемъ расположеніе Іереміи Мунтера было въ этотъ вечеръ необыкновенно угрюмо. Онъ съ какимъ-то мрачнымъ, испытующимъ выраженіемъ смотрѣлъ на жениха и невѣсту.

«Да,» сказалъ онъ какъ будто про себя, «кабы человѣкъ могъ быть увѣреннымъ въ себѣ самомъ, кабы онъ могъ понимать самаго себя, тогда бы еще можно было нѣкоторымъ образомъ надѣяться составить счастіе другаго и быть съ нимъ счастливымъ!»

«Столько-то, я думаю, всякій знаетъ самаго себя, что можетъ быть увѣреннымъ въ томъ, когда по собственному произволу соединяетъ судьбу свою съ судьбою другаго!» сказала Луиза съ величайшею самоувѣренностію.

«Столько, столько!» возразилъ Ассесоръ съ жаромъ. «Какъ же не такъ! Желалъ бы я знать, кто знаетъ себя столько? Ужъ только не вы, миссъ Луиза: это я навѣрное могу сказать вамъ. Ахъ«, продолжалъ онъ съ глубокою грустью, «какъ легко можно обмануть себя и другихъ въ этой жизни. Гдѣ тотъ человѣкъ, котораго—если онъ понимаетъ себя—совѣсть не упрекала бы иногда въ невѣрности другу, любимому предмету, или лучшей половинѣ самаго себя? Вездѣ корысть, вездѣ жалкое человѣческое себялюбіе. Нѣтъ уголка въ мірѣ, куда бы оно не прокралось. Мелкое, эгоистическое *я* вездѣ выступаетъ впередъ, и побочныя мысли и намѣренія помрачаютъ дѣянія, которыя слывутъ добрыми...»

«Уже ли вы не знаете ни однаго истинно-добродѣтельнаго, истинно-великаго и благороднаго

человѣка, который былъ бы достоинъ вашего удивленія«? спросилъ Генрихъ, «и не представляетъ ли намъ исторія...»

«Исторія!» сказалъ Ассесоръ, «объ ней и говорить нечего. Нѣтъ, если бы я могъ вѣрить въ добродѣтель, то вѣрилъ бы только въ такую, которая недоступна исторіи, которая сокрыта отъ нея; я бы искалъ ее у людей, не игравшихъ важной роли на позорищѣ свѣта и не знавшихъ рукоплесканій толпы. У такихъ людей возможно найти истинную чистоту, истинную красоту и святость души. О, я хочу вѣрить въ нихъ, хотя не нахожу ихъ въ самомъ себѣ! Я испыталъ свою душу — и не нашелъ въ ней ничего чистаго. Но оно *можетъ* существовать у другихъ; я хочу вѣрить этому. Сердце мое расширяется при мысли, что на землѣ есть истинно-чистая, безкорыстная добродѣтель! О Боже мой! Какъ это должно быть чудесно! И гдѣ бы ни жила такая душа, въ хоромахъ или въ хижинѣ, въ золотой парчѣ или въ лохмотьяхъ, въ мущинѣ или женщинѣ— если человѣкъ убѣгаетъ свѣтскихъ похвалъ, не довѣряетъ обманчивому голосу самолюбія, съ безкорыстнымъ усердіемъ исполняетъ свои обязанности, какъ бы тягостны и неблагодарны онѣ ни были; если онъ трудится въ тѣни и забвеніи, и молится Богу— я почитаю его достойнымъ моей любви и моего удивленія; я ставлю его выше всѣхъ Кесарей и Цицероновъ міра«!

Лагманъ при этихъ словахъ вспрыгнулъ съ своего мѣста и подошелъ къ разговаривавшимъ. Онъ тихонько положилъ руку на плечо жены, и окинулъ взоромъ своихъ дѣтей; глаза его блистали.

«Нашъ вѣкъ» продолжалъ Іеремія Мунтеръ съ необыкновеннымъ для него увлеченіемъ, «нашъ вѣкъ мало понимаетъ такое величіе. Онъ прославляетъ самъ себя, и потому недостоинъ прославленія. Всѣ люди хотятъ быть или казаться замѣчательными и знаменитыми. Всякой выходитъ на сцену и возглашаетъ: «*Смотрите на меня, на меня!*» Даже женщина не понимаетъ болѣе благородства своего инкогнито, даже она хочетъ кричать во всеуслышаніе «*смотрите на меня!*» Теперь рѣдко слышишь, чтобы кто-нибудь искренно произносилъ слово *ты*. А въ этомъ *ты*, для котораго человѣкъ забываетъ свое себялюбивое *я*, заключается его чистѣйшее благородство, его лучшее счастіе. Безъ сомнѣнія, можетъ казаться прекрасно, восхитительно наполнить міръ хоть на одно мгновеніе своимъ именемъ; но когда, во времена давно-минувшія, одни милліоны людей за другими собирались для построенія храма Всевышнему, и потомъ сходили въ могилу, не открывъ ни своего имени, ни своихъ заслугъ, и оставляли міру только Его имя, только Его славу въ новомъ сіяніи, безъ сомнѣнія это было благороднѣе, это было достойнѣе человѣка»!

«Вы говорите какъ самъ Царь Саломонъ, дядюшка!» воскликнула Петрея въ восхищеніи. «Ахъ, вамъ бы надобно быть писателемъ, вамъ бы надобно написать книгу о...»

«Вотъ еще! а зачѣмъ это? для того, чтобы удовлетворить жалкое человѣческое тщеславіе? Писать! стану я писать!»

«У каждаго вѣка свой способъ созидать храмы!» замѣтилъ Генрихъ съ прекрасным выраженіемъ во взорѣ.

«Нѣтъ!» продолжалъ Ассесоръ съ видимымъ отвращеніемъ. «Нѣтъ, я не хочу писать, но я хочу жить! Мнѣ иногда мечталось, что я бы могъ вкусить сладость жизни...» Онъ замолчалъ; какое-то странное смущеніе изобразилось на его лицѣ. Онъ всталъ съ мѣста и взялъ со стола книгу, въ которую онъ смотрѣлъ, но явно не для того, чтобъ читать. Минуту спустя, онъ тихонько ушелъ.

Разговоръ былъ въ этотъ вечеръ очень живъ между Франками, и результатомъ высказаннаго полуважнымъ и полувеселымъ тономъ было, что всѣ хотѣли трудиться надъ сооруженіемъ храма въ духѣ, прославленномъ Ассесоромъ, всякой по своимъ средствамъ и способностямъ.

Лагманъ ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ, и рѣдко вмѣшивался въ разговоръ, но прислушивался къ нему и часто улыбался въ знакъ одобренія. Казалось, что слова Іереміи Мунтера расположили его къ грусти. Онъ съ чувствомъ превозносилъ своего друга.

«Нѣтъ человѣка, у котораго душа была бы такъ чиста, какъ у него«! сказалъ Лагманъ; «онъ ею благотворно дѣйствовалъ и на меня. Много есть людей, которые желаютъ добра и дѣлаютъ добро; но мало есть такихъ, у которыхъ истинно чистыя, истинно благородныя побужденія!..»

«Ахъ! кабы кто-нибудь могъ сдѣлать его счастливѣе, довольнѣе жизнію!» сказала Фанни.

«Не хочешь ли ты взять на себя этотъ трудъ?» шепнула ей Петрея съ плутовскою миною.

Звучный поцѣлуй вдругъ обратилъ взоры всѣхъ на Кандидата и Луизу: послѣдняя за такую смѣлость наказала своего жениха самымъ немилостивымъ и гнѣвнымъ взглядомъ. Генрихъ увѣрялъ, что этотъ взглядъ совершенно «уничтожилъ» Кандидата.

Вечеромъ, при прощаньѣ, Луиза, снисходя къ просьбѣ Кандидата, удостоила его «всемилостивѣйшаго» самаго маленькаго поцѣлуя въ знакъ прощенія

и примиренія за первый. Элиза и Луиза пошли другъ къ другу, какъ будто по взаимному влеченію, и въ кабинетѣ матери завязался слѣдующій разговоръ:

«Луиза!» сказала мать, «какъ это Якоби такъ неожиданно вздумалось просить руки твоей? Я никакъ не воображала, чтобы онъ ужъ такъ скоро открылся. Мнѣ еще все не вѣрится, что ты невѣста.»

«Мнѣ и самой не вѣрится, маменька!» отвѣчала Луиза, «и я совсѣмъ не понимаю, какъ это такъ случилось. Мы съ нимъ сегодня поутру встрѣтились въ саду. Онъ былъ печаленъ, скученъ и хотѣлъ уѣхать отсюда, предполагая, что я скоро буду помолвлена за Тура. Тогда я просила его простить мнѣ мое недружеское съ нимъ обращеніе въ послѣднее время и открыла ему душу. Тутъ онъ сталъ говорить о своихъ чувствахъ и желаніяхъ съ такимъ увлеченіемъ, съ такою убѣдительною искренностью, а тамъ онъ — ужъ я право и сама не знаю, какъ— вдругъ назвалъ меня «своей Луизой!» а я—я послала его къ моимъ родителямъ!»

«А родители между-тѣмъ послали къ тебѣ другаго жениха, чтобы получить отъ тебя согласіе или отказъ. Бѣдный нашъ Туръ! Казалось, онъ такъ твердо надѣялся! Но я надѣюсь, что онъ скоро утѣшится. Однако, знаешь ли, Луиза, я въ самомъ дѣлѣ думала въ послѣднее время, что Останвикъ и всѣ его

прелести вводили тебя въ искушеніе! А теперь скажи, не трудно ли тебѣ отказаться отъ всѣхъ земныхъ благъ, которыми ты бы могла пользоваться?»

«О нѣтъ, нимало! Но я не могу сказать, чтобы они никогда не прельщали меня. И вотъ почему я такъ избѣгала случаевъ видѣть Останвикъ; я чувствовала, какъ грѣшно было бы мнѣ обольститься имъ тогда, какъ я не могла любить Тура, и къ тому же мое сердце уже много лѣтъ принадлежало Якоби. Разъ однако я едва устояла противъ искушенія. Это было тогда, когда я, возвращаясь изъ Аксельгольма и катясь въ ландо Тура, утопала въ мягкихъ его подушкахъ; мнѣ показалось тогда, что пріятно бы было имѣть такой экипажъ и такъ мягко и спокойно скользить по пути жизни. Но въ ту пору я чувствовала себя несчастною; жизнь потеряла для меня всю свою истинную прелесть; вѣра моя въ тѣхъ, кого я всего больше любила на свѣтѣ, была отравлена подозрѣніями; ахъ! въ душѣ моей пробудились ужасныя сомнѣнія на счетъ всего добраго въ мірѣ; въ эту минуту мнѣ казалось, что всего лучше продремать всю жизнь, и что усыпительное качанье ландо, какъ нельзя лучше, тому содѣйствуетъ. Но теперь, ахъ! теперь, благодаря Богу, этотъ тяжкій сонъ разсѣялся; теперь жизнь опять прояснилась, и я вижу передъ собой дорогу, по которой я должна итти. Теперь я дорожу ландо не болѣе, какъ простой тележкой! Да, будь вся моя жизнь однимъ непрерывнымъ труже-

ническимъ днемъ, я и за то буду искренно благодарить Бога. Трудиться для тѣхъ, кого отъ души любишь и уважаешь, вотъ лучшая отрада, и я впередъ не желаю другаго счастія, какъ трудиться и жить для моихъ родителей, брата, сестеръ и того, съ кѣмъ я сегодня передъ Богомъ соединилась навѣки!»

«Богъ благословитъ тебя, моя добрая, чистая сердцемъ Луиза!» сказала мать, обнимая ее, и горячія, отрадныя слезы полились въ ночной тишинѣ.

(Продолженіе въ слѣдующемъ №)

НОВЫЯ СОЧИНЕНІЯ.

I.

1. Описаніе Турецкой войны въ царствованіе Императора Александра, съ 1806 до 1812 года, *по Высочайшему повелѣнію сочиненное генералъ-лейтенантомъ и членомъ Военнаго Совѣта* Михайловскимъ-Данилевскимъ. *Съ картою театра войны и* 30-*ю планами. Двѣ части. Въ* 8; 279 *и* 278 *стран.*

Авторъ разсматриваемаго нами сочиненія не въ первый уже разъ доставляетъ намъ пріятный случай говорить объ историческихъ трудахъ его. Мы ему обязаны почти полною исторіею военныхъ подвиговъ Русскихъ въ блистательное царствованіе Императора Александра I. Отдѣливъ для своихъ литературно-ученыхъ занятій важнѣйшую часть исторіи и предавшись изученію эпохи, столь обильной великими событіями, онъ по-справедливости заслужилъ всеобщее вниманіе какъ гражданинъ и какъ писатель. Благоволеніе и довѣренность Монарха, съ любовію отверзающаго всѣ пути къ истинной славѣ и чести націи, доставили автору возможность увѣнчать пред-

принятый имъ подвигъ достойнымъ образомъ. Въ его сочиненіяхъ соединяются качества, не часто встрѣчаемыя у историковъ. Бывши нѣкогда самъ дѣйствующимъ лицемъ на военномъ поприщѣ, обо всемъ говоритъ онъ съ убѣжденіемъ и отчетливостію знатока. Съ Высочайшаго разрѣшенія пользуясь изъ всѣхъ источниковъ даже сокровенными отъ другаго частнаго лица матеріалами, онъ раскрываетъ истину въ полнотѣ, съ малѣйшими подробностями. Образовавши свой слогъ постоянными трудами въ одномъ родѣ, сколько поучительномъ для мыслящаго человѣка, столько же и разнообразномъ для гибкаго таланта, онъ достигнулъ до многозначительной крѣпости и выразительности языка. Напечатанная имъ нынѣ книга, равно какъ и прежнія его сочиненія придаютъ современной литературѣ нашей особенный характеръ; а будущіе историки найдутъ въ нихъ драгоцѣнныя для себя пособія.

2. Исторія Петра Великаго. *Сочиненіе* Николая Полеваго. *Четыре части. Въ* 12; 352, 305, 533 *и* 344 *стран.*

Знакомые съ первымъ историческимъ сочиненіемъ г. Полеваго, которое называется Исторія Русскаго Народа и которое столько лѣтъ, къ удивленію подписчиковъ, не подвигается впередъ, оттѣсняемое побочными изданіями автора, конечно замѣтили

отличительныя черты историческихъ произведеній сего писателя. Онъ не берется за предметъ, который требуетъ изысканія и разработки матеріаловъ, предпочитая одно распространеніе или сокращеніе готоваго уже произведенія. Такъ трудъ Карамзина послужилъ для него воздѣланнымъ полемъ, по которому онъ прогуливался, декламируя фразы и заимствуя ихъ то изъ журнальныхъ статей, то изъ диссертацій, сочиняемыхъ для полученія какой-нибудь ученой степени. Слѣдствіемъ такой методы при составленіи учено-литературныхъ книгъ бываетъ, какъ извѣстно, эта непропорціональность частей, пестрота текста и совершенное отсутствіе органической жизни въ цѣломъ. Для доставленія наружной самобытности своему произведенію, которое часто ничего не содержитъ, кромѣ возраженій на другое, извѣстное всѣмъ сочиненіе, или перемѣщенія частей его въ новомъ видѣ, г. Полевой съ большою расточительностію вноситъ въ него такъ называемые высшіе взгляды * Это не что иное, какъ *общія мѣста*, высокопарно выраженныя, но ничего не стоющія, и пригодныя на всякую тему. Ихъ много и въ изданной нынѣ исторіи Петра Великаго. Они, безъ малѣйшей перемѣны (разумѣется, кромѣ собственныхъ именъ) пошли бы у г. По-

* О высшихъ его взглядахъ достопамятная статья помѣщена была *Барономъ Дельвигомъ* въ Литературной Газетѣ, которую Поэтъ нашъ издавалъ въ 1830 и 1831 годахъ. Смотр: Лит. Газ. Т. III, стран: 197, 198, 229 и 230.

леваго въ дѣло, если бы ему вздумалось напечатать исторію Александра Великаго, Юлія Цезаря, Карла XII. и проч. и проч. Но истинной исторіи здѣсь нѣтъ, да и быть не могло. Она требуетъ отъ автора собственнаго его глубокомыслія, проницательности государственнаго человѣка, геніальныхъ соображеній, созданія великой, живой и полной картины того общаго движенія и устройства, которое такъ естественно проистекало изъ дѣятельности Петра Великаго, и которое способенъ чувствовать одинъ великій писатель Для г. Полеваго единственнымъ руководителемъ и вдохновителемъ былъ Голиковъ. Безъ всякаго внутренняго сцѣпленія онъ беретъ изъ него и повторяетъ анекдоты, какъ будто изъ этой перепечатки можетъ образоваться сама собою исторія. Такъ мы до сихъ поръ изучаемъ всѣхъ нашихъ великихъ людей: Суворова, Державина, Петра І-го, Ломоносова и др. Кромѣ анекдотовъ есть сухая выписка годовъ, когда, и учрежденій, какія послѣдовали при Петрѣ Великомъ. Но это опять не исторія, а сухая лѣтопись. Нѣтъ: вставьте эти части въ одну общую картину внутренняго устройства Россіи, ея преобразованнаго существованія, ея внезапнаго могущества! Для новости (слабая сторона нашего автора) г. Полевой усиливается помрачить славу Шереметева, подобно тому, какъ это же онъ дѣлаетъ и съ Румянцевымъ. Но что значатъ эти суетныя усилія передъ признательностію самаго Петра I, его современниковъ и потомства? Карла XII иначе не

называетъ нашъ историкъ, какъ *безразсуднымъ*, а этотъ безразсудный цѣлыя девять лѣтъ приводилъ въ трепетъ Европу и по воинскимъ доблестямъ своимъ никому не уступаетъ изъ первыхъ героевъ въ исторіи. Недостаточное изученіе предметовъ и поспѣшность, съ которыми сочинитель дѣйствовалъ на избранномъ поприщѣ, вовлекли его во множество ошибокъ, даже тамъ, гдѣ требовалась только болѣе спокойная компиляція. Вотъ примѣры: На 272 стран., III ч., г. Полевой говоритъ: «Петръ называлъ Финляндію *маткой Швеціи*, «изъ коей она (по смыслу выходитъ: Финляндія изъ «Швеціи) довольствуется мукой, скотомъ и даже «дровами.» Можно ли историку такъ выражаться и влагать въ уста героя безсмыслицу? Петръ называлъ Финляндію *кормилицыной грудью* въ отношеніи къ Швеціи, потому-что Финляндія дѣйствительно питала Швецію. На 141 стран., III ч., по словамъ автора «Петръ повелѣлъ Сенату, какъ можно исправнѣе со«бирать деньги, *понеже онѣ суть* АРТИЛЛЕРІЯ *войны.*» Петръ называлъ деньги *артеріею*, а не *артиллеріею*. На 252 стран., II ч., сказано: «По случаю возмуще«нія Булавина, Петръ отправилъ на Донъ князя Ва«силія Долгорукаго и отпустилъ съ нимъ юнаго Ца«ревича Алексѣя.» Царевичъ въ это время оставленъ былъ въ Москвѣ, предсѣдательствуя въ главномъ Правительственномъ Совѣтѣ. На 28 стран., II ч, говорится, что «подъ Нарвою Русскихъ было 45 т.;» а за десять страницъ передъ симъ сказано: 40 т. На

18 стран. II ч., повѣствуется, что «въ 1700 г., при «осадѣ Нарвы, князь Я. Ѳ. Долгорукой былъ облечёнъ правами Главнокомандующаго». Въ то время, какъ извѣстно, Генералъ-Фельдмаршаломъ былъ Головинъ, а Долгорукой былъ Генералъ-Кригсъ-Коммиссаромъ. По отъѣздѣ Государя главное начальство ввѣрено Герцогу ф Крою. На 29 стран:, I ч., авторъ говоритъ: «По Бахчисарайскому договору «(1681 въ Генварѣ) положено, что Заднѣпровская «область до Польскихъ и Турецкихъ границъ останется незаселенною и никому не принадлежащею. «*Малороссія* такимъ образомъ была укрѣплена за «Россіею со стороны Турковъ.» Но Малороссійскія земли по правую сторону Днѣпра (вся Подолія, значительная часть Кіевской области) не вошли въ составъ Россіи. На 30 стр., 1 ч., сказано, что «Кіевъ «утвержденъ за Россіею при Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ,» а это было въ 1686 году въ правленіе Царевны Софіи, по Московскому договору. Не обременяя читателей дальнѣйшими указаніями на ошибки подобнаго рода, мы предоставляемъ судить каждому, можно ли теперь сказать намъ, что у насъ есть Исторія Петра Великаго?

3. Отчетъ Россійскаго общества садоводства за 1842 годъ, *съ приложеніемъ нѣкоторыхъ свѣдѣній по обществу. Въ* 8; 35 *стран.*

На основаніи Высочайше утвержденнаго Устава своего Общество садоводства представляетъ годичный отчетъ о своихъ дѣйствіяхъ, оборотѣ суммъ, о школѣ, при немъ находящейся, о разныхъ заведеніяхъ для обученія садоводству и огородничеству, и наконецъ о выставкахъ предметовъ садоводства.

4. *Каталогъ книгамъ, рукописямъ и картамъ* на Китайскомъ, Маньчжурскомъ, Монгольскомъ, Тибетскомъ и Санскритскомъ языкахъ, *находящимся въ библіотекѣ Азіятскаго Департамента. Въ 8; 102 стран.*

Недавно говорили мы (Соврем. XXX, стран. 181), въ какомъ стройномъ и полномъ видѣ образованы нынѣ каѳедры Восточной Словесности при Казанскомъ Университетѣ и тамошней Гимназіи. Между-тѣмъ Азіятскій Департаментъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ представилъ публикѣ свѣдѣнія о тѣхъ сокровищахъ, которыя по части Восточной Словесности находятся въ его Библіотекѣ. Это безъ сомнѣнія единственное во всей Европѣ собраніе — и только давность, постоянство и близость сношеній Россіи съ Азіею могли доставить намъ возможность пріобрѣсти такое число книгъ и рукописей на образованнѣйшихъ языкахъ Востока. Разсматривая каталогъ ихъ, съ изумленіемъ видишь, что просвѣщеніе нынѣшняго Востока несравненно обширнѣе и древнѣе, нежели какъ обыкновенно о немъ думаютъ въ Европѣ.

Каталогъ расположенъ сообразно съ понятіями Китайцевъ о степени относительной важности различныхъ родовъ ихъ сочиненій. Сперва означены книги и рукописи на Китайскомъ языкѣ. Онѣ представлены въ осьмнадцати отдѣленіяхъ: 1. древнее преданіе и ученіе Конфуція — книги классическія, 2. исторія, 3. археографія, 4. географія и статистика, 5. философія, нравственность и государственное управленіе, 6. законы и обряды, 7 религія Христіанская, 8. религія Буддайская, 9. религія Китайско-Брахманская, или Даосская, и Магометанская, 10. естественная исторія и медицина, 11. сельское хозяйство и промышленность, 12. математика и астрономія, 13. изящная словесность, 14. сборники, 15. повѣсти, романы, пѣсни и проч., 16. смѣсь, 17. библіографія и 18. языкознаніе. Потомъ слѣдуютъ книги и рукописи на Маньчжурскомъ языкѣ. Ихъ одиннадцать отдѣленій. Наконецъ исчислены книги и рукописи на трехъ остальныхъ языкахъ безъ означенія отдѣленій. Въ заключеніе показаны географическія и астрономическія карты На Китайскомъ языкѣ въ библіотекѣ Азіятскаго Департамента книгъ и рукописей собрано числомъ 395 Обращаемъ вниманіе читателей на нѣкоторыя заглавія, чтобы сколько-нибудь ввести ихъ въ предѣлы этаго міра, для насъ еще столь новаго. № 2. Исторія древнихъ государей Китая (временъ историческихъ) и первыхъ трехъ династій: *Ся, Шанъ и Чжоу*, съ 2357-го по 627-й годъ предъ Р. Х., составленная на основаніи древнихъ записокъ,

очищенная отъ всего, что казалось недостовѣрнымъ, и приведенная въ порядокъ Конфуціемъ, съ подробными изъясненіями и нужнѣйшими филологическими, историческими и географическими замѣчаніями лучшихъ авторовъ. Издана по высочайшему повелѣнію въ правленіе *Юнъ-чжень*. 24 книги въ 4 томахъ. Пекинъ, 1730. Въ началѣ книги, для объясненія границъ и политическаго раздѣленія государства въ томъ или другомъ періодѣ, помѣщены географическія карты, а для объясненія разныхъ предметовъ, о которыхъ упоминается въ исторіи, приложены гравированныя изображенія ихъ. № 6. Записки о древнихъ обрядахъ и обыкновеніяхъ, какія были соблюдаемы государями и народомъ въ разныхъ случаяхъ; о духѣ государственнаго управленія при первыхъ династіяхъ; о характерѣ и поступкахъ нѣкоторыхъ удѣльныхъ князей; о физическомъ и нравственномъ воспитаніи дѣтей; о публичныхъ училищахъ; о музыкѣ, танцахъ и проч. Большая часть сихъ записокъ составлена учениками и преемниками Конфуція. Изданы по высочайшему повелѣнію въ правленіе *Цянь-лунъ,* съ толкованіями и замѣчаніями лучшихъ авторовъ. 48 книгъ въ 8 томахъ. Пекинъ, 1748. № 62. Біографіи всѣхъ ученыхъ, которымъ приносятся жертвы въ храмѣ Конфуція, устроенномъ на его кладбищѣ, съ прибавленіемъ историческихъ извѣстій и обрядахъ, какіе во всѣ времена были тамъ совершаемы, и объ училищахъ, какія существовали въ Китаѣ при каждой династіи. 20 книгъ въ 2 то-

махъ. № 70. Жизнь Матвѣя Риччи, перваго изъ Іезуитовъ, проникнувшихъ въ Пекинъ. 1 книга. Рукопись. № 84. Статистическое описаніе Чжилиской провинціи (въ которой находится Пекинъ). Издано въ правленіе *Юнъ-чженъ*. 48 книгъ въ 4 томахъ. 1734. Какъ это, такъ и слѣдующія за нимъ (*тринадцать* частныхъ статистическихъ описаній) описанія провинцій составлены по высочайшему повелѣнію, подъ надзоромъ мѣстнаго высшаго начальства и изданы въ провинціальныхъ городахъ на казенное иждивеніе. № 147. Трактаты о нравственныхъ законахъ, которые должны быть общи для всѣхъ; о нравственномъ чувствѣ, которое врождено каждому, и о необходимости поддерживать, развивать и проявлять оное въ нравственной дѣятельности. 6 книгъ въ 1 томѣ. № 162. Уложеніе Пекинскаго Педагогическаго Института, въ которомъ образуются наставники для учебныхъ заведеній всѣхъ провинцій. 10 книгъ въ 1 томѣ. № 177. Новый Завѣтъ, переведенный на Китайскій языкъ Мориссономъ. 8. Макао. 1813. № 192. О подражаніи Христу, *О. Кемпійскаго*. Переведена на Китайскій языкъ въ 1640 году; издана въ Пекинѣ въ 1800 году. 1 книга. № 208. Толкованіе на книгу: О подражаніи Іисусу Христу. 5 книгъ въ 1 томѣ. Рукопись. № 281. Естественная исторія Китая, принаровленная преимущественно къ медицинѣ, съ рисунками растеній и животныхъ. Сочинена династіи *Минъ* ученымъ *Ли-ши-чженъ*. Издана въ

правленіе *Шунь-чжи.* 40 книгъ въ 4 томахъ. Пекинъ. 1658. № 288. Правила, какъ опредѣлять болѣзни по біенію пульса, и древняя Китайская медицина. Изданы во времена династіи *Минъ.* 6 книгъ въ 1 томѣ. 1510. № 301. Правила Китайской архитектуры, изданныя Строительною Палатою. 51 книга въ 6 томахъ. № 323 Систематическое собраніе статей, относящихся до астрономіи, географіи, гражданской исторіи, государственныхъ постановленій и естественной исторіи. Издано въ правленіе *Цзя-цинъ.* 120 книгъ въ 20 томахъ. 1806. № 324. Всеобщая энциклопедія, составленная на основаніи древнихъ и новѣйшихъ сочиненій и изданная по высочайшему повелѣнію въ правленіе *Канъ си.* 140 книгъ въ 20 томахъ. Кантонъ 1710. № 372. Самый полный Китайскій словарь, расположенный по ключамъ и изданный по высочайшему повелѣнію въ правленіе *Канъ-си,* съ подробными изъясненіями и ссылками на тексты разныхъ сочиненій. 40 книгъ въ 6 томахъ. Пекинъ. 1716. На Маньчжурскомъ языкѣ въ библіотекѣ Азіатскаго Департамента книгъ и рукописей числомъ 61; на Монгольскомъ 43; на Тибетскомъ 75, на Санскритскомъ 16; географическихъ и астрономическихъ картъ 19; онѣ изданы по большой части на Китайскомъ языкѣ.

5 Параша. Т. Л. *Писано въ началѣ 1843 года. Въ 8; 46 стран.*

Ежели этотъ небольшой расказъ есть первый опытъ поэта, то мы привѣтствуемъ его съ любовію и надеждою. Пусть читатель вообразитъ легчайшіе очерки, исполненные граціозныхъ движеній, намеки, понятные душѣ и удовлетворяющіе воображенію, звуки, не полные, не оканчивающіе начатой рѣчи, но прямо доходящіе до сердца, мельканіе тѣней, увлекающихъ за собою думы и желанія — все это чувствуешь, перечитывая Парашу. Въ содержаніи самомъ простомъ и безыскуственномъ нѣтъ ни завязки, ни эпизодовъ, ни рѣзкихъ характеровъ и противоположностей—а между-тѣмъ все поэзія, все жизнь. Образованный въ лучшей школѣ стихотворнаго искуства (слѣдственно въ школѣ Пушкина), авторъ такъ свободенъ, такъ натураленъ, такъ независимъ и такъ неразлученъ всегда съ истиною, что его искуство превращается въ естественное его положеніе. Но онъ показалъ не болѣе, какъ опытъ во всемъ смыслѣ этаго слова. Кажется, онъ хотѣлъ только пошутить надъ тѣми, которые *убѣждены*, что съ успѣхами положительныхъ знаній поэзія отъ насъ улетаетъ невозвратно — и онъ успѣлъ. Но онъ не долженъ удовольствоваться успѣхомъ своимъ. Ему надобно думать не о мнѣніи другихъ, а повиноваться своему призванію Мы не находимъ лучшаго способа оправдать нашъ отзывъ, кромѣ выписки нѣсколькихъ мѣстъ изъ Параши.

Взглядъ этихъ глазъ былъ мягокъ и могучъ;
Но не блестѣлъ онъ блескомъ торопливымъ:

То былъ онъ ясенъ, какъ весенній лучь,
То холодомъ проникнутъ горделивымъ,
То чуть мерцалъ, какъ мѣсяцъ изъ-за тучь.
Но взглядъ ея задумчиво-спокойной
Я больше всѣхъ любилъ: я видѣлъ въ немъ
Возможность страсти горестной и знойной,
Залогъ души, любимой Божествомъ.

. . . .

. . . . Каждый день.
Я вамъ сказалъ, она въ саду скиталась.
Она любила гордый шумъ и тѣнь
Старинныхъ липъ — и тихо погружалась
Въ отрадную, забывчивую лѣнь.
Такъ весело качалися березы,
Облитыя сверкающимъ лучемъ...
И по щекамъ ея катились слезы
Такъ медленно, Богъ вѣдаетъ — о чемъ...
То, подойдя къ убогому забору,
Она стояла по часамъ... и взору
Тогда давала волю... Но глядитъ
Бывало все на блѣдный рядъ ракитъ.
Тамъ черезъ ровный лугъ отъ ихъ села
Верстахъ въ пяти дорога шла большая
И какъ змѣя свивалась и ползла
И, дальній лѣсъ украдкой огибая,
Ея всю душу за собой влекла —
Озарена какимъ-то блескомъ дивнымъ
Земля чужая вдругъ являлась ей!.
И кто-то милый голосомъ призывнымъ
Такъ чудно пѣлъ и говорилъ о ней;
Таинственной исполненные муки,

Надъ ней звеня носились эти звуки...
И вотъ искалъ ея молящій взоръ
Другихъ небесъ, высокихъ, пышныхъ горъ,
И тополей, и трепетныхъ оливъ...
Искалъ земли плѣнительной и дальной...
Вдругъ Русской пѣсни грустный переливъ
Напомнитъ ей о родинѣ печальной;
Она стоитъ, головку наклонивъ.
И надъ собой дивится — и съ улыбкой
Себя бранитъ; и медленно домой
Пойдетъ вздохнувъ; разсѣянной рукой
Достанетъ книжку, развернетъ, закроетъ,
Любимый шепчетъ стихъ... а сердце ноетъ,
Лице блѣднѣетъ... Въ этотъ чудный часъ
Я, признаюсь, хотѣлъ бы встрѣтить васъ,
О, барышня моя! Въ тѣни густой
Широкихъ липъ стоите вы безмолвно,
Вздыхаете; надъ вашей головой
Склонилась вѣтвь... а ваше сердце полно
Мучительной и грустной тишиной.
На васъ гляжу я: прелестью степною
Вы дышете — вы нашей Руси дочь...
Вы хороши, какъ вечеръ предъ грозою,
Какъ майская томительная ночь.

6. **Дѣтскія поздравительныя стихотворенія** *на разные случаи. Въ 16; 37 стран.*

По достоинству этихъ стихотвореній надобно думать, что ихъ сочиняли дѣти подъ руководствомъ самаго неопытнаго наставника.

7. *Краткое руководство для врачей къ познанію* Россійскихъ законовъ, учрежденій и государственной службы, *изданное* Председателемъ Медицинскаго совѣта. *Въ 8; XX и* 198 *стран.*

Знаніе отечественныхъ законовъ необходимо для каждаго гражданина. Мысль автора разсматриваемой нами книги самая благодѣтельная для посвящающихъ себя медицинской службѣ. Исполненіе этой мысли конечно много соображеній и трудовъ требовало отъ сочинителя. Онъ преодолѣлъ все — и теперь остается только врачамъ пользоваться книгою. Между-тѣмъ юридическая литература обогатилась такимъ сочиненіемъ, которое съ одинаковою пользою можетъ быть употреблено любознательными людьми и въ другихъ родахъ службы.

8. Рецептура. *Сочиненіе доктора медицины* Козьмы Лебедева. *Въ 8; IV и 46 стран.*

Изложеніе, какъ надобно составлять лекарства. Его нельзя назвать ни полнымъ, ни удовлетворительнымъ. Впрочемъ таковъ и предметъ, избранный сочинителемъ.

II.

9. Библіотека для воспитанія. *Отдѣленіе первое. Часть* I. *Изданіе* А. Семена. *Въ* 12; 363 *стран.*

Книжки, выдаваемыя книгопродавцемъ въ помощь воспитанію дѣтей, идутъ, какъ мы видѣли, не достигая своей цѣли (Современ. Т. XXX, стран. 103). Въ самомъ порядкѣ ихъ появленія есть что-то противорѣчащее здравому смыслу: сперва явилось *второе* отдѣленіе, а теперь *первое*.

10. **Энциклопедія Русской опытной городской и сельской хозяйки**, *ключницы и проч., извлеченная изъ* 40, 50 *и* 60 *лѣтнихъ опытовъ Русскихъ хозяевъ* Борисомъ Волжинымъ. *Часть* **третья**. *Изданіе книгопродавца* ***Василья Полякова***. *Въ* 12; 109 *стран.*

НОВЫЕ ПЕРЕВОДЫ.

I.

1. Испанскій театръ. *Переводъ съ Испанскаго* К. Тимковскаго. *Томъ I.* Кальдеронъ. *Въ* 12; *XII и* 104 *стран.*

Полный переводъ Испанскаго театра можетъ составить эпоху, не только въ нашей, еще не богатой, литературѣ, но и вездѣ. Испанскіе драматическіе поэты оригинальнѣе всѣхъ Европейскихъ поэтовъ. Они все образовали въ созданіяхъ своихъ самобытно, руководствуясь только жизнію и нравами націи своей. Отсюда происходитъ эта увлекательность ихъ красокъ, эта истина характеровъ и занимательность содержанія. Неистощимые въ разнообразіи дѣйствій и новости положеній, роскошные въ прелестяхъ описаній и оттѣнковъ страстей, которые такъ живы и пламенны въ южномъ климатѣ, они вводятъ насъ въ новый міръ поэзіи восхитительной. И такъ предпріятіе г. Тимковскаго самое счастливое. Оно обѣщаетъ нашей литературѣ благотворныя последствія. Столько лѣтъ подчиняясь настроенію Французовъ, Нѣмцевъ и Англичанъ, мы сгладили всѣ формы, въ которыя отливались наши идеи.

Обновленіе необходимо во всемъ. Теперь намъ открываются новые источники, изъ которыхъ мы будемъ почерпать свѣжіе предметы искуства. Переводъ г. Тимковскаго, сколько можно судить по небольшому началу, соотвѣтствуетъ важности его предпріятія. Сохраняя чистоту Русскаго языка, переводчикъ вѣрно передаетъ смыслъ подлинника, дополняя затруднительныя его мѣста необходимыми поясненіями. Мы убѣждены, что, преодолѣвая первыя трудности и, такъ сказать, влюбляясь въ прекрасный трудъ свой, онъ болѣе и болѣе станетъ вникать въ сущность работы, болѣе и болѣе начнетъ понимать, что въ литературѣ должны выражаться всѣ особенности жизни націи, религіозный ея характеръ, частности домашняго быта людей и самыя красоты природы физической. Все это должно сообщить его переводу не одну лексикографическую вѣрность, но и вѣрность тѣхъ ощущеній, которыми для зрителей сопровождаются слова драматическихъ авторовъ. У насъ много было переводчиковъ, какъ и вездѣ; а истинно-хорошъ только одинъ Жуковскій. Съ этаго убѣжденія должны начинаться труды всякаго новаго переводчика, если онъ не жалкой ремесленникъ въ словесности.

2. Пять сатиръ Горація. *Въ стихахъ. Переводъ съ Латинскаго. Въ 8; 40 стран.*

Въ наше время изученіе языка есть только средство, а не цѣль, какъ было прежде. Мы беремъ автора для изслѣдованія эпохи его жизни. И такъ Горацій (разумѣется, внѣ школы) пересталъ быть образцемъ изящной Латыни. Онъ просто, какъ и Тацитъ и Титъ-Ливій, представитель того періода изъ Римской исторіи, который вмѣстилъ въ свои творенія. Ихъ надобно передать всѣ, безъ исключенія, съ подробными толкованіями неясныхъ мѣстъ и частностей. Что же значитъ переводъ пяти его сатиръ? Попытка надъ Латинскими фразами: удастся ли передать ихъ хорошо по-Русски? Переводчикъ достигъ своей цѣли — и мы его поздравляемъ. Но опять скажемъ: трудъ его не въ духѣ современности. Можетъ быть, онъ и приступитъ къ тому, чего бы мы желали отъ переводчика въ наше время. Ожидаемъ терпѣливо — и примемъ исполненіе съ благодарностію.

3. Дѣвочка Красная Шапочка, *дѣтская сказка, переведенная съ Французскаго, съ 16 литографированными картинками. Въ 16; 16 стран.*

Можно бы уже не хлопотать о такихъ сказкахъ. Онѣ потеряли и для дѣтей цѣну съ тѣхъ поръ, какъ начали ихъ учить порядочнѣе.

4. *Краткое начертаніе ученія* о раздраженіи спиннаго мозга, *или спинальной ирритаціи.*

Издалъ заслуженный профессоръ Хр. Бунге. *Въ 8; 65 стран.*

Здѣсь говорится о причинахъ болѣзни, разныхъ явленіяхъ ея, распознаваніи, даже предузнаваніи ея, о леченіи и діетѣ. Русская брошюра заимствована г. Бунге изъ статьи Эйсеймана. Наши врачи, если они еще не знакомы съ оригинальнымъ сочиненіемъ, воспользуются конечно переводомъ и дополненіями столь уважаемаго всѣми профессора.

5. *Способъ* Сперлинга отпечатывать различныя матеріи и ткани золотомъ и серебромъ, *на который въ Германіи была взята* г. Шуле *10-лѣтняя привилегія. Съ присовокупленіемъ секрета* составлять новыя симпатическія чернила. *Въ 12; 23 стран.*

Въ оригиналѣ безъ сомнѣнія много было смыслу, судя потому, что дѣло это принято съ особеннымъ вниманіемъ; но Русской переводчикъ уничтожилъ достоинство подлинника худымъ его переводомъ.

НОВЫЯ ИЗДАНІЯ.

I.

1. *Руководство къ* первоначальному изученію Русской исторіи. *Сочиненіе* Н. Устрялова, *признанное Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія учебною книгою для уѣздныхъ училищъ.* Изданіе третіе. *Съ историческимъ атласомъ. Въ 16; 128 стран.*

2. Математическая Географія, *составленная* А. Ободовскимъ. Изданіе третіе. *Въ* 8; 79 *стран.*

II.

3. *Руководство къ познанію* Средней исторіи *для среднихъ учебныхъ заведеній, сочиненное* С. Смарагдовымъ, *учителемъ исторіи и географіи при Сиротскомъ Институтѣ* Императорскаго *Гатчинскаго Воспитательнаго Дома и адъюнктъ-профессоромъ* Императорскаго *Царскосельскаго Лицея.* Изданіе второе, *исправленное. Въ* 8; 340, *XVIII и XI стран.*

4. *Учебная книга* Всеобщей исторіи *(для юношества). Сочиненіе заслуженнаго профессора* И. Кайданова. *Исторія* Новыхъ временъ, *или XVI, XVII и XVIII вѣковъ и первыхъ трехъ десятилѣтій XIX вѣка. Отъ* 1492 (1500) *до* 1831 *года.* Изданіе второе, *исправленное. Въ* 8; 338 *стран.*

МАСКѢ ВЪ ЧЕРНОМЪ ДОМИНО.

Не искушай меня обманчивымъ привѣтомъ;
Не говори такъ ласково со мной;
Не примиряй съ постылымъ свѣтомъ,
И не дразни несбыточной мечтой!
Прошли года сердечныхъ упоеній;
Прошли года, гдѣ могъ я быть любимъ:
Зачѣмъ же силой обольщеній
Меня опять ты призываешь къ нимъ?
Оставь меня! Притворной лаской
Не возмущай затихшихъ сердца бурь;
Не заставляй угадывать подъ маской
Всю неба прежняго роскошную лазурь!
Не мучь, не мучь мое воображенье;
Не пробуждай заснувшихъ думъ моихъ:
Я переплылъ уже житейское волненье;
Мой челнъ давно уже до пристани достигъ.
Я не хочу пускаться снова въ море;
Я новыхъ бурь и непогодъ боюсь;
Я затаить успѣлъ глубоко въ душу горе:
Не приставай — проговорюсь!

И. Мятлевъ.

С. Петербургъ.
23 Февраля, 1843.

ГОРТЕНЗІЯ МАНЧИНИ НЕТЧЕРА И ФИЛИППЪ IV ВЕЛАСКЕСА *.

Гортензія Манчини. Да, она —
Та чудная красавица, предъ кѣмъ
Французскій Дворъ толпился восхищенный,
Съ подобострастіемъ, съ хвалой, съ боязнью;
Предъ кѣмъ и самъ великій ихъ властитель,
Самъ Людовикъ, во цвѣтѣ лѣтъ, прекрасный,
Колѣнопреклоненъ, влюбленный страстно,
Вотще смирялъ, вотще въ дань приносилъ
Сокровища, и гордость полубога.
Гортензія Манчини... Итальянка
Съ страстями южными, съ умомъ холоднымъ,
Расчетливымъ, и хитрымъ, гордымъ нравомъ,
Племянница, питомка Мазарина,
Участница всѣхъ замысловъ его,
Наперсница всевластнаго министра,
Преемница сокровищъ кардинальскихъ
И имени монаха-честолюбца...
Черны какъ смоль, затѣйливы какъ вихрь
Ея кудрей волнистые разливы,
И по плечамъ, по груди бѣлоснѣжной
Струятся въ красотѣ своей небрежной.
Глаза ея самихъ волосъ чернѣе —
И какъ горятъ, какъ блещутъ, какъ свѣтлы!

* Надъ этими картинами въ *My home* поставлены №№ IV и V. Редак.

О, какъ хороша Гортензія была!
Подобныхъ ей не узритъ вѣкъ нашъ блѣдный!
И Нетчеру Фламандцу благодарность
За то что намъ онъ кистію искусной
Ея черты и славу передалъ!

Кто жъ близъ нея? Кого причудникъ-случай,
Въ сосѣди давъ кокеткѣ-герцогинѣ,
Разительно противопоставилъ ей?
Король Испаніи, Филиппъ-четвертый,
Написанный Веласкесомъ великимъ!
Онъ сей король, столь важный и столь грозный,
Онъ, Карла-пятаго потомокъ мрачный,
Проведшій жизнь угрюмую свою
Въ безмолвіи, тоскѣ, уединеньи,
Отрекшійся отъ всѣхъ отрадъ земныхъ,
И съ-молоду предавшійся на тронѣ
Всѣмъ строгостямъ католицизма... Онъ,
Кому величіе, и власть, и воля
Ни счастія, ни славы, ни покоя
Не принесли; кто никогда въ семъ мірѣ
И никого (о, жалкій!) не любилъ;
Кому судьба назначила въ удѣлъ
Всѣ блага внѣшнія, весь блескъ земной,
Забывъ одно — даръ ими наслаждаться!
Какъ блѣденъ онъ, какъ хладенъ, какъ суровъ!
Какъ выразилъ художникъ знаменитый
Весь нравъ его въ недвижныхъ сихъ чертахъ!

Графиня Е. Ростопчина.

ГРАФЪ АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢЕВИЧЪ СТРОГАНОВЪ.

Послѣ имени Ивана Ивановича Шувалова ничье имя изъ частныхъ лицъ не произносится Русскими литераторами и художниками съ такою любовію и благодарностію, какъ имя Графа Александра Сергѣевича Строганова. Въ свое время тотъ и другой были Русскими Меценатами. Ихъ благородная, прекрасная дѣятельность устремлена была по-преимуществу на распространеніе въ отечествѣ изящной образованности и совершеннѣйшаго вкуса. Не напрасно счастіе возвело ихъ на такую степень знаменитости и высоты гражданской, гдѣ они удостоились быть посредниками между Престолодержавіемъ и нуждами людей, посвящавшихъ себя безкорыстному служенію музъ. Въ сочиненіяхъ Ломоносова и даже Державина мы съ умиленіемъ встрѣчаемъ имя Шувалова, ихъ непосредственнаго покровителя. Ему же служатъ памятниками Императорскій Московскій Университетъ и Санктпетербургская Императорская Академія Художествъ. Неоцѣненное сокровище Академіи Художествъ, слѣпки со всѣхъ древнихъ статуй, эти безсмертные образцы, по кото-

рымъ образовались и еще будутъ образоваться наши художники, было его же послѣднимъ приношеніемъ пользѣ общественной.

Графъ Александръ Сергѣевичъ Строгановъ вступилъ на поприще гражданской дѣятельности въ царствованіе Императрицы Елисаветы Петровны. Еще недавно разобранъ въ Санктпетербургѣ на Невскомъ проспектѣ двуэтажный каменный домикъ (подлѣ дома, принадлежащаго нынѣ Казанскому собору), куда сама Императрица изволила прибыть, чтобы отцу А. С. Строганова предложить соединеніе бракомъ молодаго, девятнадцатилѣтняго сына его съ единственной дочерью тогдашняго Канцлера Графа Воронцова, что и послѣдовало по прибытіи Александра Сергѣевича изъ-за границы. Кончина супруга Императрицы Маріи-Терезы представила случай А. С. Строганову опять отправиться за границу. Онъ посланъ былъ въ Австрію для изъявленія вдовѣ-императрицѣ того участія, которое Россійской Дворъ принималъ въ ея горестной потерѣ. Марія-Тереза, въ ознаменованіе благоволенія своего къ посланному, пожаловала ему титло Графа Нѣмецкой Имперіи. Приготовленный отличнымъ воспитаніемъ, которое довершено было внимательнымъ наблюденіемъ нравовъ и просвѣщенія въ другихъ земляхъ во время его путешествія, Графъ Александръ Сергѣевичъ предался со всею юношескою страстію развитію въ отечествѣ словесности и художествъ. Тогда воздвигалъ въ Санктпетербургѣ геніальныя зданія

знаменитый Графъ Растрелли. Ему фамилія Строгановыхъ обязана планомъ этаго истинно-вельможескаго дома, который до сихъ поръ у Полицейскаго моста служитъ и украшеніемъ Невскаго проспекта и памятникомъ Елисаветинскаго вѣка. Новое жилище Графа Александра Сергѣевича скоро сдѣлалось истиннымъ храмомъ вкуса и мѣстомъ соединенія всѣхъ, кто только любилъ изящное. Какъ роскошно и выразительно представляетъ Державинъ въ своихъ стихахъ это жилище вельможи, покровителя художниковъ!

«Наполнилъ грудь восторгъ священный,
Благоговѣйный обнялъ страхъ,
Пріятный ужасъ потаенный
Течетъ во всѣхъ моихъ костяхъ;
Въ весельи сердце утопаетъ,
Какъ будто бога ощущаетъ,
Присутствующаго со мной:
Я вижу, вижу Аполлона
Въ тотъ мигъ, какъ онъ сразилъ Тифона
Божественной своей стрѣлой;
Зубчата молнія сверкаетъ,
Звенитъ въ рукѣ священный лукъ;
Ужасная змія зіяетъ
И въ мигъ свой испущаетъ духъ, и проч.»

Здѣсь наконецъ образовались картинная галлерея, библіотека и хранилище манускриптовъ — собранія, достойныя даже владѣтельныхъ особъ. Въ продолженіе слѣдующихъ за симъ четырехъ царствованій

Графъ Александръ Сергѣевичь пользовался милостями Царственныхъ Особъ, и сохранилъ свои Лукулловскіе способы къ благотворной дѣятельности на благо общее, и — что конечно всего драгоцѣннѣе — неизмѣнную любовь къ участію въ трудахъ талантовъ. Не въ одной Россіи произносилось съ уваженіемъ имя Строганова: многіе изъ государей западной Европы изъявляли ему письменно знаки своего дружелюбія и почтенія. Въ собраніи рѣдкихъ манускриптовъ, сохраняющихся въ домѣ Строгановыхъ, есть собственноручныя письма королей Французскихъ.

При Императрицѣ Екатеринѣ II, въ первый годъ послѣ вступленія Ея Величества на престолъ, Графъ Александръ Сергѣевичь Строгановъ пожалованъ былъ въ Каммергеры Высочайшаго двора, черезъ шесть лѣтъ произведенъ въ Тайные, а спустя одиннадцать въ Дѣйствительные Тайные Совѣтники. Императоръ Павелъ Петровичь, по вступленіи на престолъ, произвелъ его въ Оберъ-Каммергеры и пожаловалъ ему титло Графа Россійской Имперіи. Кончина Графа Александра Сергѣевича послѣдовала при Императорѣ Александрѣ Павловичѣ, 27 Сентября 1811 года. Ни почести, ни богатства, ни даже лѣта не измѣнили въ немъ прекраснаго характера и тѣхъ возвышенно-чистыхъ правилъ, которыми онъ всегда руководствовался въ жизни. Императрица Екатерина Алексѣевна, по своей столь извѣстной

любви ко всему, что доставляло блескъ и славу Россіи и что расширяло въ ней кругъ свѣтлыхъ идей, признавала въ Строгановѣ однаго изъ лучшихъ сподвижниковъ своихъ на поприщѣ мысли и вкуса. Государь Павелъ Петровичь отличалъ его всѣми знаками своего дружелюбія, удостоивая его обхожденія искренняго и ласковаго. Императоръ Александръ Павловичь дѣлилъ съ нимъ высокіе свои планы, когда предпринималъ преобразованіе администраціи, особенно что касалось до успѣховъ наукъ и художествъ.

Какъ Президентъ Академіи Художествъ, Строгановъ по-справедливости долженъ быть названъ истиннымъ образователемъ и вдохновителемъ тѣхъ знаменитыхъ художниковъ нашихъ, которые явились у насъ во второй половинѣ XVIII и въ началѣ XIX столѣтія. Доступный каждому изъ нихъ во всякое время, знатокъ ихъ дѣла, участникъ и совѣтникъ въ ихъ предпріятіяхъ, ходатай передъ Престоломъ, помощникъ въ нуждѣ, кроткой и теплой души человѣкъ, онъ не только не отвергъ просьбы ни однаго художника, но и не пренебрегъ ни однимъ случаемъ, чтобы найти, ободрить талантъ и изъявить сочувствіе къ труду его. Это влеченіе къ искуствамъ сообщалось отъ него и тѣмъ лицамъ, которыя находились съ нимъ въ частыхъ сношеніяхъ. Преемникъ его по Академіи Художествъ, А. Н. Оленинъ, котораго онъ удостоивалъ дружбы своей, ко-

нечно много отъ него заимствовалъ въ постоянномъ стремленіи своемъ ко всему, что касалось до литературы и художествъ. При образованіи Министерства Просвѣщенія, этой блестящей эпохѣ для наукъ въ Россіи, Графъ Александръ Сергѣевичъ назначенъ былъ Членомъ Главнаго Правленія Училищъ — и ему же поручалась должность во время отсутствія Попечителя Санктпетербургскаго Учебнаго Округа. Мѣсто нынѣшняго здѣсь Университета занималъ тогда такъ называвшійся Императорскій Педагогическій Институтъ. Уже въ преклонныхъ лѣтахъ, Строгановъ принесъ и ему послѣднюю дань того усердія и неизмѣннаго участія, которымъ всю жизнь такъ полна была душа его къ распространенію въ отечествѣ добра и свѣта.

Изъ литераторовъ, современныхъ Графу А. С. Строганову, конечно не было ни одного, который бы не пользовался его вниманіемъ, благорасположеніемъ и дружескими пособіями. До сихъ поръ самое трогательное о немъ воспоминаніе сохраняется въ устахъ и сердцѣ Ивана Андреевича Крылова, который между нами одинъ остался знаменитымъ представителемъ тѣхъ временъ. Есть еще въ литературѣ нашей неизмѣнный памятникъ въ честь и славу Графа А. С. Строганова. Мы имъ обязаны незабвенному переводчику Иліады. Гнѣдичь еще успѣлъ вкусить это счастіе, которое доставляетъ высоко-образованной душѣ бесѣда и участіе въ ея трудахъ истиннаго цѣни-

теля изящныхъ искуствъ. Прибывши изъ Московскаго Университета на службу въ С. Петербургъ, Гнѣдичь, молодой человѣкъ, безъ покровительства, никѣмъ незнаемый, скоро открытъ былъ Строгановымъ. Домъ вельможи сдѣлался родственнымъ пріютомъ еще мало-извѣстному поэту. До конца жизни своей Гнѣдичь не могъ говорить о Строгановѣ безъ энтузіазма и слезъ. Въ сердцѣ признательнаго поэта нѣсколько лѣтъ зрѣла мысль—освятить чѣмъ-нибудь достойнымъ и поэзіи и Строганова память о сближеніи бѣднаго человѣка съ вельможею. И вотъ наконецъ, черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ смерти Графа Александра Сергѣевича, Гнѣдичь кончилъ и напечаталъ свою идиллію: Рыбаки, идиллію, которою восхищался самъ взыскательный Пушкинъ. Въ ней всякой узнаетъ и загородный домъ Строганова, и его общество, и наконецъ его самаго съ этою неизмѣнною любовію къ искуству.

У Графа А. С. Строганова, отъ втораго брака его съ Княжною Трубецкой, былъ единственный сынъ Графъ Павелъ Александровичь. Можно вообразить, сколько радостныхъ надеждъ и сколько чистыхъ благословеній носилось надъ этимъ юношею. Счастливый отецъ, еще при жизни своей, соединилъ его бракомъ съ Княжною Софіею Владиміровною Голицыной. Одинъ внукъ, Графъ Александръ Павловичь, и четыре внуки, какъ залогъ неизмѣннаго счастія, уже обрадовали сердце дѣда,

который покидалъ міръ, не утративъ любви къ людямъ и полный благодарности къ Провидѣнію. Но чѣмъ выше ступень, на которую ставитъ насъ отечество, тѣмъ неотвратимѣе жертвы, которыхъ оно поправу требуетъ отъ насъ. Графъ Александръ Павловичь Строгановъ, въ особѣ котораго сливались всѣ сладостныя ожиданія знаменитаго дома Графовъ Строгановыхъ, двумя только годами пережилъ своего дѣда. Этотъ прекрасный юноша, единственный наслѣдникъ доблестей, имущества и самаго титла дѣда своего, принесъ въ жертву отечеству цвѣтущую жизнь свою и все, что къ ней должно было его привязывать. Въ отечественную войну, передъ стѣнами Парижа, онъ палъ въ рядахъ героевъ, защищавшихъ права и честь народовъ Европы. Графъ Павелъ Александровичь, отецъ его, пораженный горестію, не въ состояніи былъ перенести ужасной утраты: скоро послѣдовалъ и онъ за своимъ отцемъ и сыномъ. И вотъ, въ продолженіе пяти лѣтъ, украшеніе Россіи, семейство Графовъ Строгановыхъ опустѣло, какъ бы въ оправданіе страшной истины, произнесенной Шиллеромъ:

«Прекрасное погибло въ пышномъ цвѣтѣ:
Таковъ удѣлъ прекраснаго на свѣтѣ!»

Когда нынѣ посѣтите вы въ С. Петербургѣ этотъ историческій домъ, гдѣ каждая картина, каждая статуя невольно перенесетъ воображеніе ваше въ эпоху минувшаго, столь блестящаго и утѣшительна-

го для души, васъ встрѣтитъ въ немъ посреди ненарушимой тишины одинокое существо, которое, съ вѣрою предавшись Провидѣнію, живетъ не столько въ настоящемъ, сколько въ прошедшемъ. Это Графиня Софія Владиміровна Строганова, невѣстка Графа Александра Сергѣевича, обращающая въ подражаніе знаменитому свекру своему всѣ избытки достоянія на распространеніе общеполезныхъ знаній между разными классами согражданъ. Кромѣ супруга и сына, судьба у нея отняла еще и дочь, Графиню Ольгу Павловну Ферзенъ. Такимъ образомъ, душою своею болѣе принадлежа другому міру, она здѣсь напоминаетъ о себѣ обществу только своими благотвореніями да тремя дочерьми, которыхъ умъ и добрыя качества увѣковѣчиваютъ въ молодомъ поколѣніи память незабвеннаго ихъ дѣда.

Если бы особенный случай, о которомъ сейчасъ будетъ упомянуто ниже, не заставилъ насъ расказать по памяти то, что въ ней сохранилось о Графѣ А. С. Строгановѣ, мы не осмѣлились бы представить читателямъ столь неполную и безцвѣтную біографію этаго историческаго лица. Въ историческихъ Словаряхъ нашихъ мы ничего не могли найти о немъ. Такимъ образомъ потомство съ каждымъ годомъ болѣе и болѣе теряетъ воспоминаній, которыя были бы ему и назидательны и усладительны. Въ *Словарѣ Достопамятныхъ Людей Русской Земли* помѣщены коротенькія выписки изъ Исторіи Карамзина о

Яковъ, Григоріи и Семенъ Аникичахъ Строгановыхъ, да изъ Русскаго Вѣстника о *Петрѣ Семеновичѣ Строгановѣ*. Болѣе ни о комъ. О Графѣ Александрѣ Сергѣевичѣ мы вызваны были что-нибудь сказать находкою драгоцѣнной бумаги, имъ писанной. Изъ нея видно, что онъ не только какъ вельможа и государственный человѣкъ, но какъ и помѣщикъ, въ высшей степени замѣчателенъ. *Предписаніе его Главному Пермскому Управителю* исполнено самыхъ высокихъ истинъ человѣколюбія, правосудія и справедливости. Оно намъ передано Е. П. Егоромъ Антоновичемъ Энгельгардтомъ, который расказываетъ слѣдующее о своемъ открытіи.

Письмо Д. С. С. Егора Антоновича Энгельгардта къ Издателю Современника.

«При посѣщеніи моемъ въ 1830 году Пермской губерніи, я познакомился съ Управляющимъ имѣніемъ Графини С. В. Строгановой, Сергѣемъ Климовичемъ Сивковымъ. Все, что видѣлъ и слышалъ я единогласно отъ всѣхъ подвѣдомственныхъ ему крестьянъ объ этомъ необыкновенномъ человѣкѣ, заставило меня въ моихъ путевыхъ запискахъ разсказать нѣкоторыя подробности объ немъ и дѣлахъ его и выразить искренное мое къ нему уваженіе. Попавшаяся, не знаю какимъ случаемъ, въ руки его 4-я Часть моихъ Russische Miscellen, въ коихъ помѣщены эти замѣчанія, доставила мнѣ удовольствіе

получить отъ почтеннаго старца Сергѣя Климовича письмо, гдѣ онъ между прочимъ говоритъ:

«При покорнѣйшей моей благодарности за лест-«ные обо мнѣ отзывы, считаю однако долгомъ «объяснить, что тутъ сказано на счетъ мой очень «много похвалы свыше моихъ заслугъ. Я былъ «здѣсь только добросовѣстный исполнитель воли мо-«его незабвеннаго господина и благодѣтеля, по на-«ставленію, которое получилъ отъ Его Сіятельства, «назадъ тому лѣтъ 50, когда угодно ему было ввѣ-«рить мнѣ управленіе здѣшнимъ имѣніемъ. Въ дока-«зательство того, почитаю священнымъ долгомъ пред-«ставить вамъ при семъ въ копіи этотъ благодѣтель-«ный и тѣмъ болѣе уважительный документъ, что «онъ, какъ видно, написанъ не для словеснаго предъ «свѣтомъ хвастовства, а просто по чувству сердца «боярскаго, въ руководство при управленіи счастли-«выхъ его подданныхъ. Покорнѣйше прошу, при «удобномъ случаѣ, помѣститъ это драгоцѣнное нас-«тавленіе, какъ повѣрку и дополненіе къ прежнимъ «замѣчаніямъ вашимъ на мой счетъ...»

«Письмо это съ приложеніемъ я получилъ въ началѣ прошлаго (1842) года, но по сіе время не находилъ возможности прилично исполнить скромное желаніе добраго Сергѣя Климовича. Нынѣ появленіе книги: «*Именитые Люди Строгановы*», кажется, представляетъ удобной поводъ довести до всеобщаго

свѣдѣнія этотъ единственной, можетъ быть, въ своемъ родѣ документъ, выражающій столь превосходно душу и сердце достойнаго ихъ потомка, истиннаго Русскаго боярина, и составляющій точно пополненіе не къ моимъ малозначущимъ замѣткамъ, а къ труду г. Устрялова, остановившагося на 1772 годѣ, тогда-какъ и въ послѣдствіи было много Строгановыхъ, поддержавшихъ добрую славу сего почтеннаго имени. Кажется, Современнику прилично говорить о такихъ современникахъ; и такъ, вотъ вамъ и грамота и подробности о Сивковѣ. Въ прошлую осень, какъ я слышу, онъ послѣдовалъ за своимъ господиномъ-благодѣтелемъ. Миръ праху ихъ!»

Е. Энгельгардтъ.

25 Апрѣля 1843.
С. Петербургъ.

Предписаніе Графа А. С. Строганова Главному Пермскому Управителю.

Сергѣй Климовъ!

Хотя первые опыты твоего ко мнѣ усердія и увѣряютъ, что ты истиннымъ долгомъ себѣ поставишь возложенное на тебя званіе Главнаго Пермскаго Управителя исправлять, какъ должно честному и мнѣ преданному человѣку; однако таковое усердіе тѣмъ правильнѣе и любезнѣе будетъ мнѣ, чѣмъ ближе подойдетъ къ моей волѣ, которую я на осно-

ваніи истиннаго человѣколюбія открываю въ слѣдующемъ тебѣ предписаніи.

Правило,

по которому долженъ поступать Главный Пермской Управитель.

1-е) Во всѣхъ твоихъ предпріятіяхъ и расположеніяхъ помни, что ты сердцу моему ни спокойствія, ниже сладкаго удовольствія принести не можешь, когда, хотя бъ до милліоновъ распространилъ мои доходы, но отягчилъ бы чрезъ то судьбу моихъ крестьянъ; въ такомъ случаѣ приказываю тебѣ всегда предпочесть моимъ выгодамъ выгоды тѣхъ людей, коимъ я долженъ и хочу быть болѣе отцемъ, нежели господиномъ. Усердіе безъ сего правила есть токмо подлое угожденіе господской гордости, изъ собственнаго своего честолюбія, въ чемъ нерѣдко человѣкъ и самъ себя обманываетъ; почему и должно таковыя въ себѣ движенія разсматривать безпристрастно и быть справедливымъ дѣлителемъ межъ угожденіемъ господину и успокоеніемъ крестьянъ его: что тѣмъ удобнѣе исполняется, когда угожденіе перваго соединено съ успокоеніемъ послѣднихъ, и когда любовь къ ближнему нечужда сердцу.

2-е) Человѣку честному и благоразумному, которому поручается судьба нѣсколькихъ тысячь людей,

должно быть восхитительно не то, что онъ облаченъ властію, столь обширною, но что имѣетъ случай толикому числу подобныхъ себѣ вспомогать христіански, и чѣмъ болѣе правленію его поручается оныхъ, тѣмъ болѣе долженъ онъ находить нужды въ безпристрастіи, вѣдая, что малѣйшая упрямой его натуры наклонность есть величайшая уже на судѣ несправедливость; и такъ, я не сомнѣваюсь, что ты, имѣя въ виду сіе христіанское правило, будешь хранить во всякомъ сужденіи даже въ самомъ себѣ справедливость.

3-е) Всякой судъ между порученными тебѣ людьми конечно будетъ послѣдуемъ или оправданіемъ, или прощеніемъ, или наказаніемъ. Въ исполненіи всего онаго не меньше нужна добросердная, но благоразумная безпристрастность, какъ и въ самомъ сужденіи; ибо излишняя потачка превращаетъ человѣколюбіе въ слабость, влекущую за собою безпорядокъ; а излишняя строгость есть безразсудное, а иногда и злобное тиранство. Ничего нѣтъ слѣпѣе, какъ первое, и ничего нѣтъ подлѣе и скотообразнѣе послѣдняго; и такъ, дабы обѣихъ сихъ чрезвычайностей избѣгнуть, должно во всѣхъ случаяхъ остерегаться всячески слѣдовать личнымъ уваженіямъ, а смотрѣть лишь только на дѣло и забыть все, что бы могло тебя сдѣлать участникомъ въ состояніи подсудимаго, кромѣ общаго человѣколюбія. Наконецъ, употреблять прощенія и наказанія не только по сте-

пенямъ проступковъ, но и по надеждѣ дѣйствія, какое могутъ имѣть то и другое на человѣка. Родъ же наказанія всегда справедливо будетъ употребляемъ, если будешь представлять оное не мщеніемъ какимъ-либо за вину, но паче средствомъ къ исправленію виновнаго, и при таковыхъ случаяхъ, чтобы меньше предъ Всевидящимъ Судіею согрѣшить, должно прибѣгать къ чувствамъ любви родительской, и представлять себѣ того несчастнаго какъ бы заблудшаго сына своего.

4-е) Должно замѣтить, что нигдѣ такъ мы удобнѣе не можемъ впасть въ несправедливость, какъ въ судѣ между самимъ собою и другимъ, а паче въ наказаніи за причиненныя намъ самимъ обиды; потому-то христіанство и обязываетъ насъ прощать врагамъ нашимъ. Да и нѣтъ ни въ чемъ блистательнѣе отличія, какое можетъ человѣкъ предъ прочими имѣть, какъ въ правилѣ—обиды забывать и прощать; если же бы обида была такаго рода, что для общаго порядка не должно пропустить ее, тогда благороднѣе судиться порядкомъ со своимъ подчиненнымъ, нежели самому онаго судить.

5-е) Истинный представитель благосостоянія толикаго множества людей, какое я тебѣ поручаю, имѣя всегда сердце открыто къ бѣдствіямъ вдовъ, сиротъ и угнетенныхъ бѣдностію, не ослабнетъ никогда въ своихъ трудахъ и попеченіяхъ о ихъ сос-

тояніи, почитая это себѣ честію, внутреннимъ удовольствіемъ и спасеніемъ; почему я надѣюсь, что и ты непремѣнно будешь наблюдать упокоеніе обремененныхъ несчастіями, отирать слезы вдовъ, прибѣжище давать безпомощному сиротству, а кольми же паче не подашь и повода къ какимъ-либо противъ тебя справедливымъ неудовольствіямъ: ибо быть справедливо любимымъ подобными себѣ нѣтъ превосходнѣе качества въ человѣкѣ. Исполненія сихъ правилъ тѣмъ съ большею ожидаю надеждою, что я довольно видѣлъ уже въ тебѣ признаковъ добросовѣстнаго человѣка; старайся угодить моему желанію и оправдать сдѣланный тебѣ мною выборъ; а я съ своеій стороны ничего не пощажу для вознагражденія за столь достойные отличнаго человѣка труды.

Впрочемъ, ты долженъ точно поступать по приложеннымъ при семъ правиламъ, которыя навсегда останутся непремѣннымъ зерцаломъ и будущимъ впредь Пермскимъ Управителямъ и да будутъ въ Главномъ Правленіи всегда предъ глазами оныхъ.

На подлинномъ собственною Его Сіятельства рукою добавлено: «если всегда будешь человѣколюбивъ и честенъ, то и я всегда буду, какъ теперь, «твой другъ»

Графъ Александръ Строгановъ.

22 Февраля, 1786 года.

Выписка изъ Russische Miscellen о С. К. Сивковѣ *.

Нельзя представить себѣ мѣста угрюмѣе и скучнѣе Усолья. Я спѣшилъ, сколько можно, окончить всѣ здѣшнія дѣла мои и оставить это соленое гнѣздо. Но въ послѣдвій вечеръ моего пребыванія здѣсь я сдѣлалъ такое открытіе, за которое вездѣ бы дорого заплатилъ.

Окончивъ скучную, дневную работу, пошелъ я пошататься по окрестностямъ, чтобъ между прочимъ осмотрѣть каменную церковь, построенную на возвышеніи, и поразившую меня еще издали своею архитектурою, исполненною необыкновеннаго вкуса. Дорога моя лежала мимо однаго красиваго домика, стоявшаго недалеко оттуда; прекрасный садъ съ роскошнымъ цвѣтникомъ и прелестною бесѣдкою, сзади маленькая оранжерея, внутри картины въ золотыхъ рамахъ, шкафы съ книгами — все показывало образованнаго хозяина и походило на оазъ въ пустынѣ. «Кто живетъ въ этомъ хорошенькомъ домикѣ?» спросилъ я у однаго прохожаго. — Да кто же, какъ не Сергѣй Климовичъ? малый ребенокъ знаетъ его! — И я также зналъ его, хотя не лично, но по наслышкѣ. Это былъ Сивковъ, Главноуправляющій Графа Строганова. Вездѣ, между своими и чужими крестьянами, это имя произносилось часто и всегда съ любо-

* Въ печатныхъ экземплярахъ Сивковъ ошибкою названъ Александромъ Петровичемъ вмѣсто Сергѣя Климовича.

вію, уваженіемъ и благословеніями; только двое изъ его сослуживцевъ говорили о немъ, какъ о человѣкѣ гордомъ, надменномъ, удалявшемся отъ всякаго сообщенія съ другими людьми. Это еще болѣе утвердило меня въ моемъ добромъ о немъ мнѣніи, и я очень сожалѣлъ, что въ то самое время, какъ я пріѣхалъ въ Усолье, онъ былъ въ отлучкѣ, и такимъ образомъ я не могъ познакомиться съ нимъ. Тѣмъ болѣе обрадовался я теперь неожиданному случаю сдѣлать это знакомство. Собиравшіяся на небѣ тучи, предвѣщавшія грозу, доставили мнѣ прекрасный предлогъ начать дѣло, и вотъ я вошелъ на дворъ, гдѣ въ самую эту минуту какой-то старичекъ пріятной наружности въ желтомъ нанковомъ сертукѣ разговаривалъ съ работниками: это былъ Сивковъ. Едва сказалъ я ему нѣсколько словъ о томъ, что я путешественникъ и прошу у него убѣжища на время грозы, какъ онъ началъ благодарить меня за честь, оказанную его дому, и повелъ прямо въ комнаты. Эти комнаты были красивы и чисты, мебели въ нихъ просты, но всѣ сдѣланы съ чрезвычайнымъ вкусомъ, прекрасныя гравюры и живописныя картины, очень порядочная библіотека, минеральный кабинетъ, на окнахъ разныя иностранныя растенія въ горшкахъ — однимъ словомъ, я увидѣлъ себя въ жилищѣ человѣка съ утонченною образованностію. Это былъ тотъ Сивковъ, съ которымъ я провелъ чрезвычайно занимательный вечеръ. Наружность этаго старика внушаетъ искреннюю довѣрен-

ность къ нему; разговоръ его остроуменъ и живъ; на все у него свѣтлый практическій взглядъ, дѣятельная голова, и въ добавокъ — спокойное и зрѣлое сужденіе, что рѣдко встрѣчается у людей съ необыкновенно - живымъ нравомъ. Онъ въ одно и тоже время администраторъ, сельскій хозяинъ, архитекторъ, механикъ, минералогъ, землемѣръ, садовникъ, и кромѣ того имѣетъ такія ясныя и справедливыя понятія о высшемъ государственномъ управленіи, какъ будто бы онъ всю жизнь занимался имъ. «Да кто же вы, любезный другъ, и гдѣ учились?»—Я, отвѣчалъ онъ съ величайшимъ спокойствіемъ, *сынъ здѣшняго крѣпостнаго крестьянина*, а учился-то я... ну, учился сначала въ нашей фабричной школѣ читать, писать и считать, а потомъ года три ходилъ въ приходское училище въ Екатеринбургѣ.—«Но, скажите ради Бога, развѣ можно вынести изъ приходскаго училища все это образованіе, всѣ эти ученыя познанія, какія вы имѣете»?—Ну, если въ самомъ дѣлѣ есть у меня кой-какія познанія, то я самъ помаленьку учился, да и теперь еще каждый день чему-нибудь учусь. Видите, я былъ такъ счастливъ, что прямо изъ школы взятъ былъ писаремъ на Графскую контору въ Москвѣ. Какъ я оглядѣлся тамъ немножко, то и увидѣлъ, что если хочу я быть полезнымъ человѣкомъ, то надобно мнѣ еще гораздо болѣе учиться и знать, нежели сколько я зналъ. Вотъ я и пользовался каждою свободной минутой отъ господской работы, чтобы, какъ можно болѣе, читать и узнавать о томъ и о дру-

гомъ. Гувернеръ графскихъ дѣтей — награди его Богъ! — полюбилъ меня, давалъ мнѣ читать хорошія и полезныя книги, объяснялъ мнѣ то, чего я не понималъ, и ободрялъ мое прилежаніе. Черезъ три года представилъ онъ меня Графу, который опредѣлилъ меня на здѣшнюю контору. Здѣсь-то служа, я помаленьку изучилъ все въ нижнихъ должностяхъ, и это точное, практическое изученіе вѣрно принесло моему господину гораздо болѣе пользы, нежели то, чему я выучился изъ книгъ. По настоящему, надобно всегда выбирать въ Главноуправляющіе только такихъ людей, которые дослуживаются до этаго званія съ нижнихъ должностей, потому-что только такіе въ состояніи узнать цѣлое во всѣхъ отдѣльныхъ частяхъ его и съ успѣхомъ противостать тѣмъ безчисленнымъ злоупотребленіямъ и уловкамъ, которыми — не смотря на лучшія и благодѣтельнѣйшія постановленія помѣщика — бѣдный крестьянинъ все-таки угнетается, а иногда и совсѣмъ разоряется; потому-что кто самъ не былъ довольно времени посреди всего этаго и не видѣлъ всего своими глазами, тотъ не въ состояніи будетъ помочь и съ самою чистою волею: онъ не знаетъ дѣла. Я былъ такъ счастливъ, что удовлетворилъ всѣмъ ожиданіямъ моего господина: онъ сдѣлалъ меня Главнымъ Управителемъ и подарилъ свободу. Вотъ уже сколько времени я управляю имѣніемъ моего благодѣтеля, который удостоиваетъ меня своей полной довѣренности — и Богъ помогъ мнѣ! Мужички сдѣлались зажиточнѣе,

доходы значительно увеличились, и нѣтъ никакихъ жалобъ. — «И такъ все это время провели вы въ этой пустынѣ! Однако жъ это должно быть ужасно— съ вашимъ образованіемъ жить въ такомъ совершенномъ удаленіи отъ свѣта и не видѣть никого, кромѣ людей самыхъ грубыхъ.» Съ чувствомъ высокаго умиленія онъ посмотрѣлъ на меня, и сказалъ: — Всѣмъ тѣмъ, чѣмъ вы меня видите и что я имѣю, я обязанъ Графу, доброму господину моему; онъ далъ мнѣ средства кой-чему научиться; далъ мнѣ богатое содержаніе, воспитываетъ сыновей моихъ быть способными слугами Государя — и, что всего выше для меня, онъ удостоиваетъ меня своей полной довѣренности; послѣ всего этаго я былъ бы самымъ негоднымъ человѣкомъ, если бы какая-нибудь малѣйшая услуга моему благодѣтелю могла казаться мнѣ тягостною. Вѣдь все это прахъ въ сравненіи съ тѣми безчисленными благодѣяніями, какія я получилъ отъ него. Впрочемъ я здѣсь очень счастливъ: дѣла у меня вдоволь; мое общество и увеселенія составляютъ жена и дѣти, книги, садикъ мой— я и въ Петербургѣ не могъ бы жить иначе, не могъ бы жить довольнѣе, нежели здѣсь, гдѣ мнѣ никто не мѣшаетъ, никто не досаждаетъ. А кромѣ того, все, что окружаетъ меня здѣсь, есть мое твореніе; этотъ домъ, садъ, та церковь, въ которой по воскресеньямъ я молюсь за моего благодѣтеля, школа, въ которой я приготовляю ему, какъ умѣю, добрыхъ и честныхъ слугъ, всего этаго до меня не было, я создалъ

это, а 17,000 крестьянъ, моихъ собратій, которые приходятъ ко мнѣ съ любовію и довѣренностію за совѣтомъ и охотно слушаются, потому-что увѣрены въ добрѣ, какое я желаю имъ: о! все это стóитъ гораздо дороже, нежели радости большаго свѣта! Я былъ бы очень несчастливъ, если бы промѣнялъ на нихъ мой маленькій, тихій міръ! —

Да, это примѣчательный человѣкъ! Въ продолженіе нашего разговора сообщилъ онъ мнѣ разныя, чрезвычайно интересныя черты изъ жизни и занятій здѣшнихъ крестьянъ, и—что отличаетъ его, какъ истинно-образованнаго человѣка — все оригинальное, или характеристическое въ этихъ чертахъ, не сдѣлалось для него обыкновеннымъ, или не ускользнуло отъ него: онъ наблюдалъ и умѣлъ цѣнить его.

Russische Miscellen zur genauern Kenntniss Russlands und seiner Bewohner. IV Bändchen. 283.

ЕЩЕ СВАТОВСТВО.

(Продолженіе «Семейства».)

На другой день рано поутру Фанни получила букетъ прекрасныхъ махровыхъ розъ, въ серединѣ котораго находилось письмо на ея имя. Фанни распечатала его и прочла слѣдующія строки:

«Мнѣ грезилось, что я бы могъ вкусить сладость жизни и узнать жизнь полную, прекрасную, какой никогда не производили мечты поэта. Милая, добрая Фанни, ты, которую я такъ часто носилъ на рукахъ своихъ, которую я бы желалъ всю жизнь носить на груди своей, ты должна выслушать, что мнѣ грезилось, что мнѣ еще иногда грезится!

«Мнѣ грезилось, что я былъ утесъ, безобразный, дикій, неприступный, безплодный. Но во внутренности утеса билось сердце, бѣдное, скованное сердце. Оно избилось до крови объ стѣны своей тюрьмы, потому-что рвалось на волю, но не могло сокрушить каменной преграды. Я не могъ освободиться отъ самаго себя. Сердце съ воплемъ жаловалось на жестокость утеса, который былъ тюрьмой для своей собственной жизни. Тутъ явилась дѣвушка, свѣтлый,

кроткій ангелъ, носившійся въ облакахъ, и положила на утесъ свою теплую, лилѣйную руку, и прикоснулась къ нему своими чистыми устами, нашептывая волшебныя слова освобожденія. Тогда распалась каменная стѣна, и бѣдное, скованное сердце увидѣло свѣтъ! Дѣвушка сошла въ его святилище и поселилась въ немъ. Тутъ блаженное сердце внезапно пустило прекрасныя розы, которыя благоуханіемъ своимъ окружали освободительницу, и святилище сердца поднялось сводомъ и превратилось для нея въ храмъ; голыя стѣны его покрылись свѣжими листьями, а на листьяхъ чистыя жемчужины играли съ солнечными лучами. Я пробудился съ чувствомъ блаженства, которое тяготило мое земное существованіе. Я пробудился; но увы! не было ни розъ, ни дѣвушки; я былъ по-прежнему крутой, неприступный, безотрадный утесъ. Но, послушай, милая Фанни! съ тѣхъ поръ у меня не выходитъ изъ головы, что розы, представившіяся мнѣ въ сновидѣніи, таятся во мнѣ, что онѣ бы еще могли разцвѣсть и цвѣсти къ отрадѣ и счастію другихъ; мнѣ все кажется, что эта стѣсненная, суровая грудь могла бы расшириться отъ прикосновенія любящей руки; что въ нѣдрахъ ея кроются драгоцѣнные каменья, которые бы ярко заблистали для тѣхъ, кто бы вызвалъ ихъ на свѣтъ .. Милая, добрая Фанни! Что, если бы ты взяла на себя этотъ трудъ? если бы ты положила на утесъ свою нѣжную руку? если бы ты попробовала согрѣть его своимъ теплымъ дыханіемъ? О! навѣрное,

навѣрное онъ смягчился бы отъ твоей руки, онъ для тебя разцвѣлъ бы розами, онъ для тебя превратился бы въ храмъ, гдѣ раздавались бы гимны любви!..

«Знаю, что я старъ, старъ прежде времени; знаю, что я не хорошъ собою, скученъ, непріятенъ, можетъ быть, даже смѣшонъ; но я думаю, что не такимъ природа создала меня. Я прошелъ свой вѣкъ пустынно и одиноко. У меня не было ни отца, ни матери, ни брата, ни сестры, которые сопутствовали бы мнѣ въ жизни; благодатный лучь любви не грѣлъ моего дѣтства, моей молодости; я одиноко шелъ впередъ, въ безпрестанной борьбѣ съ трудностями. Однажды я привязался къ другу; онъ отвергъ меня: тогда мое сердце одѣлось въ утесъ; тогда я сдѣлался угрюмымъ, отвратительнымъ, неприступнымъ существомъ. Уже ли мнѣ суждено всегда остаться такимъ? Уже ли моей жизни никогда не цвѣсти въ здѣшнемъ мірѣ? Уже ли небесный вѣтерокъ не освѣжитъ наконецъ моихъ розъ?

«Ты боишься моего угрюмаго нрава? О! ты еще не знаешь, что одинъ взоръ твой, одно твое слово можетъ прогнать грозныя тучи съ моего лица; не отъ того, что ты хороша собой, но отъ того, что ты въ душѣ чиста и добра. Хочешь ли научить меня быть добрымъ? Отъ тебя я бы хотѣлъ учиться любить людей и видѣть въ мірѣ болѣе добра, нежели я видѣлъ до сихъ поръ. Для тебя одной я хочу

жить, но не для свѣта. Дай Богъ, чтобы онъ никогда не слыхалъ моего имени и узналъ бы его не прежде, какъ прочитавъ на крестѣ моей могилы: «здѣсь покоится...»

«О! какъ прекрасно жить невидимымъ для его отравляющихъ взоровъ, отравляющихъ и порицаніемъ и хвалою; какъ счастливъ тотъ, кто незапятнанъ его вниманіемъ! Но еще счастливѣе тотъ, кто вполнѣ понятъ *однимъ*, кто нашелъ кроткаго и вѣрнаго друга и называетъ этаго друга женой. Прекрасно видѣть себя въ ея чистой душѣ, какъ въ свѣтломъ зеркалѣ, видѣть въ ней малѣйшее пятнышко своей собственной души и такимъ образомъ совершенствоваться ко дню великаго испытанія!

«Но я говорю только о самомъ себѣ, о своемъ счастіи! О, эгоизмъ, ненавистный эгоизмъ! Могу ли я составить и твое счастіе, Фанни? Не дерзость ли съ моей стороны просить... Ахъ, Фанни, я люблю тебя такъ несказанно! Я отдаю эгоиста въ твои руки; дѣлай съ нимъ, что хочешь. Во всякомъ случаѣ онъ остается

твой!»

Это письмо очень встревожило и разстроило Фанни. Она бы такъ желала сказать «согласна» и составить счастіе человѣка и притомъ такаго добраго

человѣка, но столько голосовъ внутри ея говорили противное!

Она совѣтывалась съ своими родителями, съ братомъ и сестрами. «Онъ такой доброй, такой благородной!» говорила она, «ахъ, кабы я могла душевно любить его! Но я не могу этаго. И притомъ же онъ такъ старъ! А мнѣ вовсе не хочется за-мужъ; я такъ счастлива дома!»

«Такъ оставайся же дома!» отвѣчали всѣ хоромъ. Отецъ Фанни былъ въ отчаяніи отъ этаго сватовства; мать ея также находила, что ея молоденькая, хорошенькая Фанни совсѣмъ не подъ-стать Іереміи Мунтеру. Ни однаго голоса не было за Ассесора, кромѣ однако Петреи, и тайнаго вздоха, вырвавшагося изъ сердца у Фанни, и слѣдствіемъ всѣхъ размышленій было, что Фанни со слезами на глазахъ написала слѣдующій отвѣтъ Мунтеру:

«Мой добрый, несравненный другъ! Ахъ, не сердитесь на меня; но я не могу быть для васъ тѣмъ, чѣмъ вы бы желали. Я никогда не выйду за-мужъ: я такъ счастлива дома! Ахъ, можетъ быть, я поступаю какъ эгоистка, но перемѣнить этаго нельзя. Простите меня! я все-таки буду по-прежнему любить васъ искренно и никогда не утѣшусь, если вы разлюбите

вашу Фанни.»

Вечеромъ того же дня Фанни получила красивый и дорогой рабочій ящичекъ при слѣдующихъ строкахъ:

«Ну, да! я такъ и думалъ, что крутой утесъ устрашитъ тебя. Ты боялась положить на него свою нѣжную ручку, милая Фанни; ты не хотѣла оживить своимъ дыханіемъ моихъ бѣдныхъ розъ. Пускай же онѣ остаются въ своей могилѣ! Теперь я уѣзжаю — и долго, долго не увижусь съ тобой. Но за твой отказъ я посылаю тебѣ этотъ ящичекъ! Я купилъ его для моей невѣсты миссъ Фанни! Прими его и сохрани на память отъ меня. Ты возвратишь мнѣ его, когда я престану быть твоимъ

вѣрнымъ и преданнымъ другомъ.»

«Ужъ не раскается ли она?» сказалъ съ безпокойствомъ Лагманъ своей женѣ, видя, что Фанни горькими слезами плакала передъ своимъ рабочимъ ящичкомъ. «Но слезы ея не помогутъ. Ей за-мужъ! да еще за кого? за Мунтера?! слыханое ли дѣло, чтобы ребенокъ выходилъ за-мужъ? Но такъ всегда бываетъ въ свѣтѣ: только-что родители успѣютъ взростить и воспитать своихъ дочерей и начнутъ наслаждаться плодами своихъ трудовъ, какъ имъ приходится разставаться съ ними и отпускать ихъ хоть на край свѣта, хоть въ Китай, если женихъ Китаецъ. Это ни на что не похоже! Напасть да и только! Я самому жестокому врагу своему не желаю

мученья быть отцомъ взрослыхъ дочерей. Хоть бы и теперь этотъ Шварцъ. Такъ и увивается вокругъ Сары. Того и гляди, что присватается.

Еще сватовство.

Лагманъ, самъ того не зная, сказалъ правду. Шварцъ дѣйствительно сталъ увиваться около Сары, или, лучше сказать, обвивать ее все болѣе и болѣе тѣсными и темными узами. Она не хотѣла сознаваться въ его власти надъ нею, но между-тѣмъ нравъ ея съ каждымъ днемъ становился безпокойнѣе и раздражительнѣе. Мать, встревоженная ея отношеніями къ Шварцу, не хотѣла болѣе оставлять ее одну съ нимъ во время музыкальныхъ уроковъ, и эта недовѣрчивость, вмѣстѣ съ строгими, хотя кроткими замѣчаніями, сдѣланными Сарѣ матерью на счетъ ея поведенія, только раздражила ея гордость и была принята ею съ досадою и невниманіемъ. Только передъ Лагманомъ Сара не показывала темной стороны своего характера; казалось, что его взглядъ, его присутствіе внушали ей почтеніе; вотъ почему, можетъ быть, онъ ее любилъ болѣе, нежели всѣ прочіе члены семейства, кромѣ Петреи.

Однажды Сара молча сидѣла у окна въ библіотекѣ, оперпшись на руку прекрасной своей головкой. На скамейкѣ у ногъ ея сидѣла Петрея, которая

также молчала, поглядывая иногда на Сару съ нѣжнымъ и безпокойнымъ взоромъ. Сара въ свою очередь посматривала на нее задумчиво и мрачно. «Петрея!» сказала она вдругъ; «что бы ты сказала, если бъ я внезапно уѣхала отъ тебя далеко, далеко, съ тѣмъ, чтобы никогда болѣе не возвращаться?»

«Что бы я сказала?» отвѣчала Петрея, заливаясь слезами, «ахъ, ничего! но я бы умерла съ печали!»

«Развѣ ты въ самомъ дѣлѣ такъ любишь меня, Петрея?»

«Можешь ли ты спрашивать объ этомъ, Сара? Ахъ, знаешь что! когда ты уѣдешь, возьми меня съ собой хоть въ качествѣ твоей горничной, или служанки! Я на все готова, лишь бы остаться съ тобою.»

«Ахъ, нѣтъ, Петрея! Люби свою Сару, но не слѣдуй за нею!» сказала тихо Сара, обнимая Петрею и цѣлуя ея глаза, наполненные слезами.

«Ахъ, какъ душно сегодня вечеромъ,» сказалъ Генрихъ съ выраженіемъ досады. «Всякой сидитъ себѣ въ своемъ углу; не съ кѣмъ заняться музыкой, не съ кѣмъ побесѣдовать! Воздухъ тяжелъ, какъ передъ землетрясеніемъ. Со стороны Африки какъ будто приготовляется буря. Здѣсь Петрея плачетъ,

какъ настоящая Трольгетта. Тамъ прохаживаются попарно, садятся въ уголъ, шепчутся и цѣлуются. Ни къ кому приступа нѣтъ, начиная отъ благочестивыхъ нашихъ родителей и до маленькихъ глупенькихъ сестеръ! Царь съ царицей садятся, куда ни попало, и не щадятъ ни мертвыхъ, ни живыхъ. Они сейчасъ чуть-было не раздавили меня на софѣ. Но къ счастію я успѣлъ увернуться!.. Женихи и невѣсты—несноснѣйшій народъ въ мірѣ! Не такъ ли, Габріэль? Они ничего не видятъ, ничего не слышатъ и чуть ли умѣютъ говорить иначе, какъ между собою.»

Была уже глубокая ночь, а въ комнатѣ Сары горѣлъ еще огонь. Часть ночи она провела за своимъ дневникомъ. Она записала въ немъ бѣглымъ, по нетвердымъ почеркомъ:

«И такъ завтра! завтра все объяснится—и судьба моя будетъ рѣшена.

«Я знаю, что это ничего не значитъ, а все-таки страшусь этой минуты. Такова сила предразсудковъ и приличій!

«Я знаю однаго человѣка, котораго я бы могла любить!.. Во взорѣ его столько благородства, и

Знаменитые пороги въ южной Швеціи.

вмѣстѣ съ тѣмъ энергіи — и это благородство, эта энергія приводятъ меня въ смущеніе. Но какими бы глазами онъ смотрѣлъ на меня, если бы онъ видѣлъ....?

«Мнѣ должно удалиться. Впрочемъ я не могу разбирать. Ш... опуталъ меня своими сѣтями — золото, которое я заняла у него, связываетъ меня покамѣстъ! Я не хочу, чтобы *они* узнали объ этомъ, чтобы они презирали меня. Я знаю, что они были бы готовы всего лишить себя, чтобы меня освободить; но я не унижусь до того!

«Но что я говорю объ освобожденіи? Не къ нему ли ведетъ меня моя дорога? не ведетъ ли она меня къ свободѣ и къ славѣ? Я на-минуту преклоню свою голову подъ иго, чтобы послѣ тѣмъ выше поднять ее. Теперь не время трепетать и раздумывать; прочь эти слезы! А ты, Вольней, сильный и гордый мыслитель, не оставляй меня! Научи меня, если всѣ меня оставятъ, найти прибѣжище и успокоеніе въ собственной силѣ!»

Тутъ Сара оставила перо и взяла книгу. Уже пробило полночь, а она еще читала. Наконецъ она встала съ холоднымъ спокойствіемъ, чтобы предаться ночному отдыху.

Землетрясеніе, о которомъ Генрихъ говорилъ, дѣйствительно случилось на слѣдующій день. Предвѣстникомъ его было письмо къ Лагману отъ Шварца, который просилъ руки Сары. Единственнымъ его богатствомъ былъ, какъ онъ писалъ, его талантъ; но онъ былъ увѣренъ, что всегда будетъ въ состояніи содержать жену, не только безъ нужды, но даже съ избыткомъ. Онъ намѣревался вскорѣ предпринять путешествіе по Европѣ и желалъ, чтобы Сара, въ согласіи и преданности которой онъ былъ увѣренъ, ѣхала съ нимъ. Лагману нравилась въ мущинахъ нѣкоторая самоувѣренность; но письмо Шварца дышало какою-то наглою самонадѣянностью и надменностью, которыя были ему противны. Къ-тому же его оскорбилъ рѣшительный тонъ, съ которымъ Шварцъ говорилъ о той, которую онъ самъ любилъ, какъ родную дочь—и мысль, что она будетъ принадлежать человѣку съ такимъ характеромъ, какъ Шварцъ, была несносна для него. Онъ почти былъ увѣренъ, что Сара не любила Шварца, и нетерпѣливо желалъ отказать ему въ его требованіи и вмѣстѣ съ тѣмъ удалить его отъ своего дома.

Элиза раздѣляла чувствованія своего мужа, но была менѣе его увѣрена въ мнѣніи Сары объ этомъ дѣлѣ. Послали за Сарой. Лагманъ далъ ей прочитать письмо Шварца и съ безпокойствомъ ожидалъ ея отвѣта. Сара слегка поблѣднѣла отъ строгаго и

испытующаго взора, который Лагманъ устремилъ на нее, но объявила, что согласна на предложеніе Шварца. Удивленіе и неудовольствіе изобразились на лицѣ Лагмана. Послѣ минутнаго молчанія Элиза сказала:

«Ахъ, Сара! Хорошо ли ты обдумала то, что затѣваешь? Уже ли въ самомъ дѣлѣ ты думаешь, что такой человѣкъ, какъ Шварцъ, можетъ составить счастіе жены?»

«Мое — можетъ,» отвѣчала Сара, «т. е. въ томъ смыслѣ, въ какомъ я понимаю счастіе.»

«Нѣтъ, Сара — не знать тебѣ съ нимъ счастія семейной жизни!»

«Онъ любитъ меня, и потому можетъ доставить мнѣ счастіе, котораго я здѣсь лишена. Я въ малолѣтствѣ потеряла отца и мать, а тѣ, которые призрѣли меня изъ состраданія, все болѣе и болѣе охладѣваютъ ко мнѣ.»

«Ахъ, нѣтъ, Сара! не говори этаго! Но положимъ, что это и правда; не сама ли ты немножко виновата? Стараешься ли ты хоть чѣмъ-нибудь заслужить любовь и исправить въ себѣ тѣ недостатки, которые ослабляютъ любовь нашу къ тебѣ?»

«Если я не могу быть любима съ моими недостатками, то мнѣ вовсе не нужно любви. Природа одарила меня сильными чувствами и склонностями; я не могу поработить ихъ.»

«Скажи — *не хочу*, Сара!»

«Я не могу, и только! Я не хочу поддаться тому рабству, тѣмъ оковамъ, которыя люди наложили на женщину. И къ чему это? Я чувствую въ себѣ довольно силы, чтобы самой проложить себѣ дорогу; мнѣ нужна свѣжая, независимая жизнь — жизнь художническая, блестящая, нестѣсненная узами семейственной жизни и лиллипутскими приличіями; я хочу быть свободной отъ надзора, подозрѣній и недовѣрчивости, свободной отъ неодобренія и упрековъ, которые теперь безпрестанно преслѣдуютъ меня. Все это, матушка, заставило меня такъ скоро рѣшиться.»

Глубоко потрясенная тономъ и словами Сары, мать прерывающимся голосомъ отвѣчала:

«Если я огорчила тебя, Сара, и это можетъ статься, то я по крайней мѣрѣ знаю, что меня побуждали къ тому не пустыя прихоти и недостатокъ нѣжности къ тебѣ... Я говорила и предостерегала тебя по внутреннему убѣжденію. Я искренно желала тебѣ добра. Придетъ время, когда ты сама

увидишь это *; когда ты, можетъ быть, убѣдишься что ты поступила бы хорошо, послушавшись моихъ материнскихъ совѣтовъ. Можетъ быть, раскаешься что ты упреками и язвительными словами платишь за ту любовь, которую я всегда питала и питаю къ тебѣ!»

«Такъ не удерживайте же меня!» сказала Сара смягченнымъ голосомъ — «мы не созданы другъ для друга! Я отравляю жизнь твою, матушка, а ты — ты не доставляешь, ты не можешь доставить мнѣ счастія. Не сопротивляйтесь союзу моему съ тѣмъ, кто любитъ меня со всѣми моими слабостями съ тѣмъ, кто откроетъ моимъ способностямъ и талантамъ болѣе свободное поприще, нежели какое было бы моимъ удѣломъ во всякомъ иномъ положеніи.»

«Ахъ, Сара! Уже ли ты надѣешься найти на этомъ поприщѣ счастіе лучше того, какое бы ты нашла въ домашнемъ быту, окруженная нѣжностью вѣрныхъ друзей и въ счастливой семейной жизни?..»

«Но развѣ ты сама такъ счастлива, матушка?» прервала Сара съ ироническою улыбкою и остановивъ на матери испытующій взоръ.» Развѣ ты сама такъ счастлива въ этомъ домашнемъ быту, въ этомъ

* Всѣ матери говорятъ такъ, но не всѣ и весьма немногія такъ справедливы, какъ Элиза.

кругу занятій, которыя ты восхваляешь, повторяя то, что было тысячу разъ говорено отъ начала вѣковъ? Развѣ эти неутомимыя занятія, въ которыхъ ты потеряла лучшіе дни своей жизни, эти мелочныя заботы и помышленія о ежедневныхъ нуждахъ житейскихъ, которыя противны твоимъ врожденнымъ склонностямъ, развѣ они такъ пріятны, такъ способствуютъ къ счастію? Развѣ ты не была принуждена пожертвовать многими прекрасными дарованіями, наслажденіемъ заниматься литературой и музыкой, однимъ словомъ, всею поэтической стороной жизни, чтобы глохнуть въ тѣни и забвеніи, и подобно шелковичному червяку выпрядать себѣ могилу изъ нитки, которую будутъ мотать другіе? Развѣ ты не покоряешь безпрестанно своей воли волѣ другаго? Развѣ ты не жертвуешь для него и для другихъ столькими невинными наслажденіями? Развѣ со всѣмъ этимъ ты счастлива, матушка?»

Лагманъ въ волненіи всталъ поспѣшно, прошелъ нѣсколько шаговъ по комнатѣ, потомъ остановился противъ Сары и, прислонившись спиною къ печкѣ, со вниманіемъ выслушалъ отвѣтъ своей жены.

«Да, Сара, я счастлива!» отвѣчала та съ необычайной для нея энергіей, «истинно счастлива. Если я жертвовала чѣмъ нибудь, то я съ избыткомъ была вознаграждена за свои жертвы; и если случаются

минуты, въ которыя я чувствую свои лишенія, то бываютъ и такія — и эти случаются несравненно чаще первыхъ—въ которыя я благодарю Провидѣніе за все, что я пріобрѣла этими лишеніями. А я пріобрѣла очень много, Сара! Я стала — лучше, благодаря мужу, которымъ Богу угодно было наградить меня, благодаря моимъ дѣтямъ и обязанностямъ, благодаря всѣмъ радостямъ и огорченіямъ, которыя я раздѣляла съ мужемъ моимъ. Да, Сара: благодаря особливо ему, его любви и превосходству, я сдѣлалась добрѣе; я чувствую себя съ каждымъ днемъ счастливѣе. Любовь, Сара, превращаетъ жертвы въ наслажденія; любовь придаетъ сладость лишеніямъ. Я благодарю Бога за свою судьбу и только бы желала быть болѣе достойною Его милости!»

«Тѣмъ лучше!» сказала Сара надменно; «у всякаго своя сфера. Но орлица не можетъ довольствоваться ручнымъ счастіемъ голубки!»

«Сара!» воскликнулъ Лагманъ съ выраженіемъ сильнаго неудовольствія.

Тутъ Элиза не могла болѣе подавить внутренняго волненія, и потому, закрывая лице носовымъ платкомъ, поспѣшно вышла вонъ.

«Стыдись, Сара! Твоя гордость ни на что не похожа!» сказалъ Лагманъ съ строгостію и устремивъ на нее укоризненный взглядъ.

Этотъ взглядъ во второй разъ въ жизни заставилъ трепетать Сару. Воспоминаніе дѣтства пробудилось въ ея душѣ; глаза ея опустились, и яркій румянецъ выступилъ на лицѣ ея.

«Ты забылась!» продолжалъ Лагманъ строгимъ, но болѣе спокойнымъ голосомъ, «и въ ребяческомъ своемъ ослѣпленіи показала, какъ ты далека отъ того превосходства, отъ того достоинства, котораго ты не понимаешь и до котораго ты при такомъ направленіи никогда не возвысишься. Когда начнешь размышлять спокойнѣе, ты сама себя будешь горько упрекать за свое сегоднешнее поведеніе, и я надѣюсь, что твоя совѣсть приведетъ тебя къ ногамъ твоей матери. Покамѣстъ я прошу тебя только хорошенько обдумать свое намѣреніе. Возможно ли, чтобы ты сама не замѣчала, какъ ты противорѣчишь себѣ? Ты возстаешь противъ семейной жизни, противъ супружескихъ обязанностей, а между-тѣмъ желаешь наложить на себя эти узы и соединиться ими съ человѣкомъ, который превратитъ ихъ для тебя въ тяжелыя цѣпи.»

«Онъ не отниметъ у меня свободы; онъ обѣщалъ, онъ поклялся мнѣ въ томъ!» отвѣчала Сара.

«Я не буду покорствовать ему, какъ жена; но какъ артистка, буду сопровождать его на томъ блестящемъ поприщѣ, на которое онъ возведетъ меня!»

«Ахъ, полно! все это вздоръ! Уже ли ты до такой степени ослѣплена, что вѣришь такимъ небылицамъ? Общество даетъ твоему мужу надъ тобою власть, которую онъ не преминетъ употребить во зло; это я могу навѣрное сказать тебѣ, потому-что знаю его, а сегодня узналъ и твой характеръ! Ни одна женщина не выходитъ безнаказанно изъ такихъ отношеній, особенно при такихъ обстоятельствахъ, въ какія ты себя поставляешь. Сара! ты не любишь человѣка, съ которымъ ты хочешь соединиться; ты не можешь любить его! Ты не чувствуешь къ нему ни истиннаго уваженія, ни настоящей привязанности!»

«Онъ любитъ меня!» отвѣчала Сара дрожащими устами; «я удивляюсь его музыкальному дарованію, его силѣ; онъ хочетъ вести меня къ независимости, къ славѣ! Я ни виновата, что сфера женщинъ на землѣ такъ тѣсна и ограниченна, что онѣ должны налагать на себя узы для пріобрѣтенія свободы.»

«И такъ это только средство? Ты хочешь употребить какъ средство все, что ни есть самаго святаго на землѣ — и на какой конецъ? Для какаго-то жалкаго мечтательнаго счастія, которое ты называешь славою, свободою! Бѣдная, обманутая Сара! Что

ввело тебя въ это заблужденіе? что совратило тебя съ пути истины? Возможно ли, чтобы дрянное произведеніе столько же слабаго и поверхностнаго, сколько напыщеннаго мыслителя могло соблазнить тебя?» При этихъ словахъ Лагманъ вынулъ изъ кармана «Руны» Вольнея и бросилъ книгу на столъ. Сара остолбенѣла и покраснѣла.

«Вотъ еще доказательство шпіонства, которымъ я окружена!» сказала она.

«Ты ошибаешься!» отвѣчалъ Лагманъ спокойно. «Я былъ сегодня въ твоей комнатѣ; ты забыла книгу на столѣ; я взялъ ее, чтобы съ тобою поговорить о ней и не дать неопытнымъ глазамъ Петреи «безъ путеводителя» заблудиться въ лабиринтѣ ея.»

«О дѣйствіи книги всякой воленъ думать, что хочетъ», сказала Сара, «но по моему мнѣнію сочинитель ея вовсе не заслуживаетъ эпитетъ «слабаго.»

«Когда ты послѣдуешь его совѣтамъ, Сара, когда ты сдѣлаешься похожа на эти обломки, которыми играютъ волны; тогда ты познаешь силу и искуство кормчаго. Другъ мой, не слушайся его! Когда умъ твой созрѣетъ, и ты научишься судить основательнѣе; увидишь, какъ плохо авторъ знаетъ фарватеръ жизни, ея глубину, подводные камни и настоящій компасъ.»

«Ахъ!» сказала Сара, «я нахожу болѣе прелести въ этихъ буряхъ, этихъ опасностяхъ, даже въ самомъ кораблекрушеніи, нежели въ тихой, стоячей водѣ, которая составляетъ прославленную гавань семейной жизни. Ты говоришь о химерахъ, батюшка! А ваше хваленое счастіе домашняго міра развѣ не есть химера? Когда гостиная убрана, и не видишь ни половой щетки, ни пыльной тряпки, которыя дѣйствовали тутъ прежде, когда не видишь міріадъ пылинокъ, наполнявшихъ комнату; то легко забываешь, что онѣ были на сценѣ. Точно тоже съ домашнимъ бытомъ и семейною жизнію. Люди видятъ только ея свѣтлую сторону, и забываютъ все, что въ ней есть темнаго, даже безобразнаго.»

Это сравненіе Сары вынудило у Лагмана улыбку, и онъ отвѣчалъ: «все зависитъ отъ того, на которой сторонѣ перевѣсъ. Если въ домѣ чаще бываетъ не убрано, нежели убрано, воздухъ чаще пыленъ, нежели чистъ и свѣжъ; то это просто напасть, отъ которой избави Богъ всякаго. Я знаю, что есть семейства, которыхъ домашній міръ похожъ на адскія пропасти; но въ томъ виноваты сами члены этихъ семействъ. Отъ нихъ однихъ зависятъ всѣ видоизмѣненія домашняго міра, начиная съ той точки, когда онъ можетъ назваться преддверіемъ ада, и до той, когда, не смотря на земное несовершенство и неминуемыя посѣщенія пыли и пыльныхъ тряпокъ, онъ служитъ предвкушеніемъ рая. И гдѣ ты найдешь на

землѣ существо, свободное отъ земнаго праха? То, о чемъ ты сѣтуешь, не что другое, какъ земная оболочка, окружающая всякое смертное бытіе, кому бы оно ни принадлежало, мущинѣ, или женщинѣ; это земля, въ которой выростаютъ плоды; это кукла, въ которой личинка должна созрѣть прежде превращенія ея въ бабочку. Уже ли ты въ самомъ дѣлѣ не видишь, какъ возвышенна, какъ благородна эта жизнь, которая нигдѣ такъ прекрасно не развивается, какъ въ тишинѣ семейнаго круга? Можешь ли ты не признать, что человѣкъ нигдѣ не находитъ столько полноты и теплоты жизни, какъ въ кругу родныхъ и друзей, гдѣ онъ живетъ *человѣкомъ*, т. е. гражданиномъ земнаго и небеснаго царства? Можешь ли ты отрицать возвышенность и святость призванія женщины въ частной жизни, будь она за-мужемъ или нѣтъ, если только она хочетъ—»

«Ахъ! эта частная жизнь душитъ меня. Мнѣ нуженъ болѣе обширный кругъ дѣйствія, гдѣ бы я могла дышать свободно и вольно!»

«Въ чистой любви, въ дружбѣ, въ твореніи добра — много простора и раздолья; въ ихъ царствѣ вѣетъ воздухъ вѣчности. Въ умственномъ развитіи—а его можно довести до высшей степени въ частной жизни—передъ человѣкомъ раскрывается весь міръ, и душѣ ея представляются несмѣтныя сокровища, изъ

которыхъ она, увы! неспособна усвоить себя и сотой части!»

«Но художникъ? Можетъ ли домашній бытъ образовать художника? Ему необходимо выступить на поприще свѣта. Уже ли его призваніе химера, батюшка? И эти необыкновенные люди—которые своими талантами доставляютъ свѣту высшія наслажденія, на которыхъ толпа смотритъ съ удивленіемъ и благоговѣніемъ, вокругъ которыхъ собирается все, что ни есть въ мірѣ прекраснаго, великаго, пріятнаго—стало быть, они безумные, слѣпые искатели счастія? Ахъ, есть ли въ свѣтѣ участь завиднѣе ихъ участи? Батюшка! я молода, я чувствую въ себѣ необыкновенную силу; сердце мое бьется для жизни свободной, высокой! Не требуйте, чтобы я побѣдила врожденную склонность, чтобы я свои лучшія способности погубила въ противной мнѣ сферѣ?»

«Я никакъ не отрицаю призванія художника,» сказалъ Лагманъ,» и высоко цѣню его занятія; они, въ лучшемъ своемъ значеніи, принадлежатъ къ самымъ благороднымъ; но это ли чистое призваніе, эти ли занятія въ благородномъ смыслѣ влекутъ, оживляютъ тебя? Сара, войди въ себя! Не тщеславіе ли, не честолюбіе ли побуждаетъ тебя? Самоувѣренность, свойственная твоему осмнадцати-лѣтнему возрасту, и нѣкоторыя счастливыя дарованія виноваты, что ты не умѣешь дорожить своимъ настоя-

цимъ положенiемъ и съ презрѣнiемъ отвергаешь возможность готовиться въ домашнемъ мiрѣ къ благородному, самостоятельному развитiю. Глубокое заблужденiе увлекаетъ тебя къ поступку предосудительному и передъ Богомъ и въ глазахъ людей, и не позволяетъ тебѣ видѣть темную сторону избираемаго тобой существованiя. Никогда однако эта сторона не выказывается въ такомъ мрачномъ видѣ; нигдѣ превратности судьбы человѣческой не бываютъ такъ разительны, не зависятъ столько отъ прихотливой случайности. Непредвидѣнный случай можетъ лишить тебя красоты, голоса, а вмѣстѣ съ тѣмъ и благосклонности свѣта, которому ты ввѣришь свое счастiе. Къ тому же тебѣ не вѣкъ будетъ осмнадцать лѣтъ, Сара! Въ тридцать лѣтъ твой блескъ ужъ пропалъ; и тогда гдѣ твой запасъ для остальной половины жизни? Послѣ кратковременной горячки ты умрешь съ голоду. Да, Сара, я предсказываю тебѣ—и это такъ вѣрно, какъ я стою передъ тобою—что твоя самоувѣренность, твое тщеславiе, при избранномъ тобою мужѣ, приведутъ тебя къ погибели, и когда уже будетъ слишкомъ поздно, ты съ раскаянiемъ вспомнишь о той добродѣтели, о той истинной жизни, которую ты отвергла.»

Сара была потрясена словами и выраженiемъ Лагмана. Она молчала.

«А между-тѣмъ твоя участь могла бы быть совсѣмъ другая!» продолжалъ Лагманъ съ увлеченіемъ. «Какъ прекрасно, какъ благодатно могла бы развиться твоя жизнь, твои дарованія, Сара! Я любилъ и люблю тебя, какъ родную дочь; хочешь ли ты выслушать меня, какъ отца? Отвѣчай мнѣ! Отказывали ли мы тебѣ когда-нибудь въ твоихъ справедливыхъ желаніяхъ? Можешь ли ты упрекнуть насъ въ какомъ-нибудь упущеніи въ твоемъ воспитаніи, въ развитіи твоихъ способностей?»

«Нѣтъ!» отвѣчала Сара со вздохомъ, «вы всѣ были добры, очень добры до меня.»

«Если такъ,» воскликнулъ Лагманъ съ возрастающимъ жаромъ и участіемъ,» то я увѣряю тебя отъ имени матери твоей и моего собственнаго, что ты и впредь будешь довольна. У меня есть средства, есть связи; я не буду щадить ничего для развитія твоихъ дарованій, и если у тебя есть истинное призваніе къ художническому поприщу, то твой талантъ, когда онъ вмѣстѣ съ умомъ твоимъ достигнетъ надлежащей зрѣлости, не останется сокрытъ для людей, умѣющихъ цѣнить прекрасное. Но останься подъ моимъ руководствомъ! Не бросайся съ незрѣлыми, смутными понятіями въ свѣтъ, который еще увеличитъ твои заблужденія! Не отдавай, для пріобрѣтенія ложной свободы, руки своей человѣку, который ниже тебя образованіемъ, котораго ты не любишь,

котораго ты не можешь уважать за его нравственность. Войди въ себя, познай свое ослѣпленіе, пока еще не поздно, пока ты не погибла по собственной своей винѣ. Не бѣги нѣжныхъ, заботливыхъ друзей, не бѣги родительскаго дома въ слѣпой досадѣ на непріятности, которыя, можетъ быть, отъ тебя бы зависѣло устранить! Сара, другъ мой, я взялъ тебя въ домъ свой не для того, чтобы ты изъ него вышла навстрѣчу погибели и бѣдствію. Погоди, обдумай! Я прошу, я умоляю тебя, Сара, не дѣлай себя несчастною! Когда я увелъ тебя отъ смертнаго одра отца твоего, я обвилъ тебя своими руками, чтобы предохранить тебя отъ осенняго вѣтра; дай мнѣ опять обнять тебя, чтобы на груди своей спасти тебя отъ ненастья. Сара, милая Сара, не оставляй насъ!..»

Сара дрожала; она была сильно взволнована; съ какимъ-то непонятнымъ для нея самой чувствомъ она припала къ плечу отца, который прижалъ ее къ груди своей. Трудно сказать, добрые, или злые ангелы одержали побѣду въ душѣ Сары, когда она, черезъ минуту сильной внутренней борьбы, оттолкнула отъ себя умоляющаго отца и, отворотившись отъ него, сказала:

«Нѣтъ, кончено! Я рѣшилась, я буду женой Шварца и послѣдую влеченію судьбы своей.»

Лагманъ всталъ, топнулъ ногой и поблѣднѣлъ отъ гнѣва. «Упорная!» воскликнулъ онъ съ сверкающимъ взоромъ, «если голосъ любви и кротости не властенъ надъ тобою, то я буду говорить съ тобою иначе. По праву опекуна твоего, я запрещаю этотъ противный Богу бракъ, запрещаю тебѣ оставить домъ мой. Слышишь ли, Сара?»

Сара встала. Съ блѣдностію на лицѣ и упорствомъ во взорѣ она вперила въ Лагмана свои большіе глаза; онъ также устремилъ на нее взоръ, въ которомъ видна была непоколебимая твердость воли. Казалось, что они хотѣли проникнуть въ душу другъ друга; это была безмолвная борьба, въ которой спорили двѣ враждебныя воли. Вдругъ Сара съ неистовствомъ бросилась на шею своего отца: онъ почувствовалъ на устахъ горячій поцѣлуй; черезъ минуту Сара исчезла.

Элиза сидѣла въ своемъ кабинетѣ. Она все еще плакала горькими слезами. Смеркалось. Вдругъ кто-то припалъ къ ногамъ ея, сталъ обнимать ея колѣна, покрывалъ поцѣлуями и слезами ея платье, ея руки. Она протянула руки, чтобы возвратить эти ласки; но уже никого не было. «Сара! Сара! гдѣ ты?» кричала мать съ безпокойствомъ.

Петрея сошла внизъ изъ своей комнаты и только-что хотѣла войти въ гостиную, какъ вдругъ кто-

то подошелъ къ ней, обнялъ ее и, поцѣловавъ въ лобъ, сказалъ: «забудь меня!» «Сара! Сара! куда ты идешь?» спросила Петрея въ испугѣ и побѣжала за нею въ сѣни.

«Гдѣ Сара?» спросилъ въ-сердцахъ Лагманъ, вошедши сперва къ дочерямъ, а потомъ сойдя въ библіотеку.

«Ахъ!» воскликнула Петрея, только-что вбѣжавшая въ комнату и заливаясь слезами; «она сейчасъ вышла на улицу... она чуть не бѣжала... она запретила мнѣ итти за собою; ахъ! она вѣрно никогда болѣе не воротится!»

«Чортъ возьми!» сказалъ Лагманъ, поспѣшно выходя изъ комнаты. Онъ взялъ шляпу и вышелъ со двора. На улицѣ увидѣлъ онъ женскую фигуру, которая съ накинутою слегка на голову и на плеча шалью торопливо шла передъ нимъ. Не смотря на сумерки ему показалось, что то была Сара. Онъ издалека слѣдовалъ за нею. Она обернулась назадъ и побѣжала. Увѣрившись теперь въ своемъ предположеніи, Лагманъ пустился за нею, нагналъ ее, но только-что хотѣлъ поровняться съ нею, какъ она поспѣшно увернулась отъ него и вбѣжала въ ворота какаго-то дома. Это было жилище Шварца. Лагманъ стрѣлой полетѣлъ за нею, и только-что хотѣлъ настичь ее, какъ она исчезла за какою-то дверью. Поч-

ти въ ту же самую минуту Лагманъ растворилъ эту дверь и увидѣлъ Сару, Сару въ объятіяхъ Шварца. Они стояли прижавшись другъ къ другу и по-видимому были готовы къ отпору.

Лагманъ минуту стоялъ молча передъ ними, и глядѣлъ на нихъ взоромъ, въ которомъ изображались и гнѣвъ и скорбь и презрѣніе. Онъ посмотрѣлъ на Сару и закрылъ глаза рукою. Тутъ онъ пришелъ въ себя. Вооружившись спокойнымъ достоинствомъ отцовской власти, онъ схватилъ Сару за руку и сказалъ: «ты пойдешь теперь со мною домой. Въ воскресенье бракъ твой будетъ объявленъ въ церкви!» Сара не противилась; съ поникшей головой шла она объ-руку съ нимъ. Не сказавъ ни слова, они пришли домой.

Въ домѣ было всеобщее безпокойство и смущеніе. Но не смотря на свое неудовольствіе на Сару и ея замужество, всѣ прилежно занялись приготовленіемъ ей приданаго. Луиза, которая всѣхъ болѣе осуждала ее, принимала въ томъ самое дѣятельное участіе. Сара подавала видъ, будто не замѣчаетъ, какъ для нея трудятся, и проводила время за арфою, или одна въ своей комнатѣ. Общество всѣхъ членовъ семейства, казалось, стало для нея несносно. Нѣжность, заступленіе и слезы Петреи были принимаемы равнодушно, даже сурово.

ПРОЩАНІЕ.

Отпраздновали невеселую свадьбу Сары — и настала часъ разставанія ея съ жилищемъ, съ семействомъ, гдѣ она была принята съ такою любовію, и гдѣ теперь всѣ съ заботливостію и нѣжнѣйшимъ участіемъ занимались устройствомъ всего, что ей было нужно въ ея новомъ положеніи. При послѣднемъ прощаніи распалась ледяная кора, которая до тѣхъ поръ окружала ея существо; она со слезами упала на колѣна передъ своими воспитателями. Лагманъ поднялъ ее. Онъ былъ глубоко растроганъ, но сохранялъ холодный видъ.

«Твоя воля исполнилась, Сара!» сказалъ онъ твердымъ, но печальнымъ голосомъ. «Дай Богъ, чтобы ты была счастлива! Однимъ увѣщаніемъ я напутствую тебя. Не забудь его! Оно мое послѣднее. Если ты обманешься въ надеждахъ, теперь оживляющихъ тебя; если ты будешь несчастна — несчастна, или *виновна*—то вспомни... вспомни... вспомни, Сара, что у тебя здѣсь есть отецъ, мать, братъ и сестры, которые примутъ тебя съ распростертыми объятіями; вспомни, что у тебя здѣсь есть семейство, родительскій кровъ!»

Онъ замолчалъ, отвелъ ее въ сторону, взялъ за руку и вложилъ что-то въ нее. «Возьми это,» сказалъ онъ съ нѣжностію, «и сохрани на черный день. Уже ли ты можешь отказать твоему воспитателю? Прими это въ знакъ его любви; это тебѣ когда-нибудь пригодится!»

Лагманъ, до того съ трудомъ сохранявшій холодный видъ, теперь съ жаромъ прижалъ Сару къ груди, поцѣловалъ ее въ лобъ и въ губы, и слезы текли по лицу его. Вокругъ нихъ собрались мать и сестры, которыя также плакали. Тутъ отворилась дверь, и вошелъ Шварцъ.

«Экипажъ готовъ!» сказалъ онъ, окинувъ мрачнымъ взоромъ печальную группу. Сара вырвалась изъ объятій, желавшихъ еще удержать ее, и бросилась изъ дверей. Черезъ нѣсколько минутъ дорожная повозка катилась по мостовой.

«Она погибла!» сказалъ Лагманъ съ глубокою горестію своей женѣ; «я чувствую, что она погибла. Смерть ея огорчила бы меня менѣе этаго брака!» Въ продолженіе нѣсколькихъ дней онъ былъ мрачень и грустенъ.

МАЛЕНЬКІЯ ЯВЛЕНІЯ.

Послѣдній эпизодъ, какъ гроза, пронесся надъ домомъ Франковъ. Буря стихла, и небо прояснилось, и водворилась опять прежняя безмятежная тишина, даже, можно сказать, еще безмятежнѣе. Всѣ съ участіемъ думали о Сарѣ, всѣ скорбѣли о ея насильственномъ удаленіи; но въ тоже время всѣ, кромѣ Лагмана и Петреи, чувствовали тайное облегченіе отъ ея отсутствія. Изъ этаго видно, какъ безпокойный и крутой нравъ можетъ разстроить домашнее счастіе, и какъ онъ уничтожаетъ самыя прекрасныя способности, дарованныя природой. Лагману недоставало одной дочери въ кругу его любезныхъ; ему недоставало его прекрасной, блестящей Сары — и онъ не могъ думать о ея будущности безъ тяжкаго безпокойства. Петрея оплакивала предметъ своего юношескаго удивленія и обожанія, но утѣшалась романическими планами, которые составляла па счетъ будущаго свиданія съ Сарой: въ нихъ она обыкновенно играла роль ангела-хранителя Сары, въ видѣ то царицы на необитаемомъ островѣ, то рыцаря, проливавшаго за нее кровь свою, то переодѣтой особы, освобождающей ее отъ оковъ мрачной темницы, чтобы наложить ихъ на себя; однимъ словомъ, она принимала всевозможные виды, кромѣ самовозможныхъ.

Вскорѣ, послѣ удаленія Сары изъ родительскаго дома, отъ нея получили письмо. Она съ благодарностію говорила о прошедшемъ, съ надеждою и одушевленіемъ о будущемъ; въ письмѣ ея проявлялась какая-то обдуманность, какое-то хладнокровіе и спокойствіе, которое успокоило семейство на счетъ ея судьбы. Элиза была всегда расположена надѣяться всякаго добра, а молодежъ по самой природѣ принадлежитъ къ оптимистамъ. Лагманъ не сказалъ ничего, что бы могло разстроить надежды другихъ. Только Луиза качала головой и вздыхала.

Послѣ всѣхъ развлеченій, которыя семейство съ нѣкоторыхъ поръ испытывало, казалось, что всѣ жаждали опять спокойно наслаждаться другъ другомъ и тихимъ семейнымъ бытомъ. Занятія, эти убогія, но милыя дѣти домашней, благоустроенной жизни, шли подъ предводительствомъ Луизы чередой своей стройно и плавно. Въ веселыхъ минутахъ, въ свѣтлыхъ взорахъ, въ занимательныхъ разговорахъ не было недостатка. Газеты, которыя Лагманъ держалъ и посредствомъ которыхъ семейство было «au courant» современныхъ вопросовъ, давали поводъ къ безконечнымъ прѣніямъ, размышленіямъ и разговорамъ, особенно молодежи. Лагманъ очень любилъ слышать этотъ размѣнъ мыслей, но рѣдко мѣшался въ разсужденія и не иначе, какъ съ тѣмъ, чтобы при случаѣ сказать наставительное словцо.

«Теперь у насъ, слава Богу, все идетъ хорошо!» весело сказалъ онъ разъ своей женѣ. «Дѣти процвѣтаютъ подъ домашнимъ кровомъ и готовятся къ жизни. Когда они прозрятъ и прослышатъ, имъ представится множество матеріаловъ для разработки; они удивятся, когда увидятъ, сколько въ жизни сокровищъ! Хорошо, если дѣти подъ родительскимъ кровомъ находятъ пищу не только для тѣла и сердца, но и для ума. Какъ я доволенъ нашимъ новымъ жилищемъ! Каждая страна, каждый климатъ имѣетъ свои преимущества, равно какъ и свои неудобства—и экономія жизни только тогда идетъ въ прокъ и приноситъ плоды, когда умѣешь ее мудро принаровить къ тѣмъ и другимъ. Нашъ край, принуждающій насъ много жить дома, этимъ самимъ какъ будто располагаетъ насъ къ болѣе сосредоточенной, болѣе созерцательной и внутренней жизни, а для этаго необходимо имѣть пріятное пепелище, гдѣ привольно и душѣ и тѣлу, и гдѣ оба могутъ преуспѣвать на просторѣ. Слава Богу! у насъ довольно спокойное гнѣздышко, и надобно надѣяться, что оно со-временемъ еще будетъ лучше. Дѣти въ немъ, кажется, счастливы! Габріэль начинаетъ полнѣть, а Луиза скоро насъ всѣхъ переростетъ!»

Молодежь очень была занята планами для будущности. Фанни и Леонора строили свои воздушные замки вмѣстѣ. Онѣ очень подружились съ тѣхъ поръ, какъ вдвоемъ оставались однѣ во время пребы-

ванія прочихъ въ Аксельгольмѣ. Можно сказать, что въ тотъ вечеръ, когда онѣ «кутили» вмѣстѣ за виноградомъ и романомъ, сѣмя дружбы, давно развивавшееся въ душѣ ихъ, пустило отростокъ. Ихъ воздушные замки не были однако обыкновенными романическими созданіями: основою ихъ служила прозаическая, но благородная мысль достигнуть со-временемъ самостоятельнаго положенія. Родители съ раннихъ лѣтъ настроили ихъ къ тому, и на этой мысли возникали прекрасныя учрежденія, частію для дружбы, частію для человѣчества; вѣдь молодыя дѣвушки всегда очень человѣколюбивы.

У Якоби было также множество плановъ касательно будущности жены и своей собственной, а у Луизы множество способовъ для осуществленія ихъ. Въ то же время происходили и прѣнія на счетъ поцѣлуевъ. Луиза хотѣла установить законъ, по которому не допускалось болѣе трехъ въ день—противъ чего Якоби протестовалъ словомъ и дѣломъ, при чемъ Габріэль поспѣшно убѣгала, находя это столько же неприличнымъ, какъ и скучнымъ.

Петрея учила ее по-Англійски, выдумывала разныя забавы для нея и другихъ, каждый вечеръ плакала о Сарѣ, и каждое утро корпѣла надъ «Сотвореніемъ міра», между-тѣмъ какъ добрые родители ея съ возрастающимъ вниманіемъ слѣдили за ея развитіемъ.

Однако никто въ семействѣ такъ не наслаждался настоящимъ, какъ Генрихъ. Исполнивъ свое намѣреніе способствовать къ доставленію сестрамъ, какъ можно болѣе, «движенія и развлеченія,» онъ теперь посвятилъ свое время почти исключительно своимъ любимымъ наукамъ: исторіи и философіи. Часто онъ по цѣлымъ днямъ бродилъ съ книгой по окрестностямъ; но каждый день въ семь часовъ онъ присоединялся къ семейному кругу и былъ обыкновенно самымъ веселымъ членомъ веселаго собранія.

«Какъ мы счастливы! не правда ли, маменька?» сказалъ онъ разъ матери, разговаривая съ нею глазъ на глазъ. «По крайней мѣрѣ, я никогда еще такъ не наслаждался жизнью. Теперь я чувствую, что ученье мое пойдетъ въ-прокъ, и что я могу сдѣлаться человѣкомъ! И когда я проведу день въ занятіяхъ и не безъ пользы, и вечеромъ приду бесѣдовать съ вами и съ сестрами, и вижу, что все около меня такъ привѣтливо, весело, свѣтло; тогда жизнь кажется мнѣ такъ прекрасна, тогда я чувствую себя счастливымъ, и почти желалъ бы, чтобъ всегда такъ осталось!»

«Ахъ, да!» отвѣчала мать, «кабы ты могъ всегда остаться съ нами, Генрихъ! Но я знаю, что это невозможно. Скоро ты опять уѣдешь отъ насъ; а когда ты совершенно кончишь воспитаніе, ты будешь жить своимъ домомъ и...»

«Тогда, маменька, ты переѣдешь ко мнѣ!» Это было и оставалось любимою темой Генриха, всегда пріятною для ушей матери.

Два маленькія стихотворенія, написанныя Генрихомъ около этаго времени и показывавшія несомнѣнное поэтическое дарованіе, крайне радовали мать и сестеръ его и обратили на себя благосклонное вниманіе друзей семейства. Одинъ Лагманъ хмурился.

«Вы только испортите его,» сказалъ онъ разъ съ неудовольствіемъ женѣ и дочерямъ, «увѣряя его, что онъ замѣчательный человѣкъ, между-тѣмъ какъ онъ до сихъ поръ еще ничего не значитъ. Признаюсь, что его стихоплетство для меня крайне противно. Дѣльный мущина долженъ стараться найти занятіе полезнѣе воздыханій и воспѣваній здѣшней или будущей жизни. Еще кабы онъ могъ сравняться съ Торильдомъ, или съ кѣмъ-нибудь изъ нашихъ первостепенныхъ поэтовъ!.. Но къ этому въ немъ не видно ни малѣйшаго слѣда. Это жалкое кропаніе стиховъ, это литературное тунеядство, которое заставляетъ молодыхъ людей постоянно жить въ заоблачныхъ высяхъ, или въ пропастяхъ земныхъ, такъ-что они сквозь облака, или землю не могутъ разглядѣть истинныхъ благъ дѣйствительной жизни — настоящая язва! Направленіе, какое Генрихъ начинаетъ принимать, сокрушаетъ меня. Мнѣ такъ весело было думать, что онъ будетъ искуснымъ горнымъ мастеромъ,

что онъ приметъ участіе въ разработкѣ нашихъ рудниковъ, лѣсовъ и потоковъ, главнѣйшихъ источниковъ богатства Швеціи. Вотъ надъ *этимъ* стоило бы поломать умную голову. Намѣсто того онъ ходитъ повѣся носъ, или сидитъ съ перомъ въ рукѣ и вздыхаетъ о долѣ и неволѣ, о страсти и напасти! Противно смотрѣть. Кабы Шернгёкъ поскорѣе пріѣхалъ! Вотъ это — такъ молодецъ! Онъ будетъ дѣльнымъ и полезнымъ человѣкомъ. Съ нетерпѣніемъ жду его. Можетъ быть, его вліяніе подѣйствуетъ на Генриха, и ему удастся отвратить его отъ этаго рифмоплетства, которое, можетъ быть, основывается на одномъ тщеславіи.»

Элиза и дѣвицы молчали. Давно уже Элиза взяла за правило молчать, когда Лагманъ ворчалъ. Но часто, когда было нужно, она, видя, что онъ успокоился, возвращалась къ предмету воркотни и съ кротостію говорила ему свое мнѣніе: эта тактика всегда прекрасно удавалась ей. Она употребила ее и въ этотъ день, и вечеромъ сказала мужу:

«Эрнстъ! ты не повѣришь, какъ мнѣ больно, что ты такъ недоволенъ склонностью Генриха къ поэзіи. Меня такъ напротивъ она радовала, потому-что мнѣ кажется, что она неподдѣльна, и что въ такомъ случаѣ она можетъ обратиться въ пользу, какъ всякое дарованіе. Но я ни за что не хочу поддерживать то, что тебя огорчаетъ.»

«Душа моя!» отвѣчалъ Лагманъ съ кротостію, «поступай по собственному своему убѣжденію и совѣсти. Очень возможно, что ты на этотъ счетъ права, а я ошибаюсь. Объ одномъ прошу тебя: бодрствуй надъ собой такъ, чтобы любовь твоя къ твоему «первенцу» не заставила тебя находить посредственное превосходнымъ, а незначительные опыты геніальными твореніями. Пусть Генрихъ, если онъ на то рожденъ, сдѣлается замѣчательнымъ поэтомъ, или литераторомъ; но онъ не долженъ воображать, что онъ уже теперь таковъ — а главное, онъ не долженъ воображать, что можно сдѣлаться замѣчательнымъ по какой бы то ни было части, не приготовившись къ тому основательнымъ и постояннымъ ученіемъ и не сдѣлавшись сперва мыслящимъ человѣкомъ. При этихъ условіяхъ обѣщаю тебѣ, что я буду доволенъ Генрихомъ, чему бы онъ ни посвятилъ себя, разработкѣ ли мыслей, или горъ. Но потому-то именно и надобно остерегаться цѣнить слишкомъ высоко эти цвѣты поэзіи. Если его зацѣпитъ тщеславіе, онъ никогда уже не будетъ искать славы ни въ чемъ другомъ.»

«Ты правъ, Эрнстъ!» сказала Элиза со всею искренностію искренняго убѣжденія.

И Генрихъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ прибытія Шернгёка. Онъ хотѣлъ показать ему свои произведенія, испытать надъ нимъ свои познанія въ исто-

ріи и философіи, однимъ словомъ, онъ горѣлъ нетерпѣніемъ пріобрѣсть его уваженіе. Кроткая, пылкая душа его всегда чувствовала сильное влеченіе къ могучей, металлической природѣ молодаго Шеригёка, и уже съ-дѣтства дружба и уваженіе послѣдняго были цѣлью стремленій и пламенныхъ, но до сихъ поръ тщетныхъ, желаній Генриха. Шеригёкъ въ обращеніи съ Генрихомъ всегда соблюдалъ какую-то холодную привѣтливость, какъ бы не признавая въ немъ товарища и друга.

Шеригёкъ пріѣхалъ. Онъ былъ принятъ въ Франкскомъ семействѣ съ большимъ радушіемъ; но никто не показалъ ему столько душевной преданности, какъ Генрихъ.

Между обоими молодыми людьми не было ни малѣйшаго сходства даже въ наружности. Въ красотѣ Генриха было что-то нѣжное и почти женское, станъ его былъ благороденъ, но невысокъ и тонокъ, взоръ пламенный и мечтательный. Шеригёкъ, годами двумя старѣе Генриха, рано возмужалъ. Вся его наружность выражала силу, мужество, энергію; лице его было замѣчательно, хотя и не красиво; въ его свѣтломъ, быстромъ взорѣ горѣла одна изъ тѣхъ звѣздъ, которыми судьба иногда пророчески отмѣчаетъ глаза тѣхъ, чей путь охраняютъ счастливыя звѣзды.

Через нѣсколько дней послѣ пріѣзда Шернгёка, въ Генрихѣ произошла большая перемѣна. Онъ сдѣлался молчаливъ, и лице его омрачилось грустью, Шернгёкъ по-обыкновенію обходился съ Генрихомъ довольно ласково, но, казалось, обращалъ на него мало вниманія. Любимымъ занятіемъ его было показывать дамамъ и Якоби химическіе опыты, а по вечерамъ, что иногда продолжалось до поздней ночи, разсматривать съ ними, посредствомъ превосходныхъ телескоповъ, явленія звѣзднаго неба. Одно изъ лучезарныхъ небесныхъ тѣлъ, которыя молодой астрономъ всего чаще подвергалъ наблюденію, было въ-послѣдствіи прозвано въ семействѣ: «Звѣзда Шернгёка.» Всѣ собирались вокругъ ученаго и интереснаго юноши. Лагманъ былъ плѣненъ его разговоромъ и неразъ сообщалъ домашнимъ свою пріязнь къ нему, представлялъ, чего отечество можетъ со-временемъ ожидать отъ него. Молодой воспитанникъ горнаго дѣла былъ въ милости у Лагмана и потому, что онъ съ необыкновенными познаніями соединялъ величайшую скромность въ обращеніи съ старыми и опытными людьми.

«Вотъ, Генрихъ!» воскликнулъ разъ Лагманъ послѣ разговора съ Шернгёкомъ, «это я называю поэзіей, *дѣйствительной* поэзіей! Усмирять потоки и бурные водопады, ихъ обращать въ средства къ благосостоянію и богатству, между тѣмъ какъ по берегамъ ихъ исчезаютъ лѣса, засѣваются поля, возникаютъ человѣческія жилища, и природа оживляется

трудолюбивой дѣятельностію и веселыми голосами поселянъ—вотъ это, такъ можно назвать прекраснымъ твореніемъ!»

Генрихъ молчалъ. Но «маленькая госпожа» замѣтила остроумно: «а въ этихъ жилищахъ — какъ люди будутъ рады почитать иногда занимательную книгу, или спѣть хорошенькую пѣсеньку! Безъ того жизнь ихъ будетъ очень суха со всѣми ихъ водопадами!»

Лагманъ улыбнулся, поцѣловалъ свою милую дочeньку и прослезился отъ восхищенія.

Между-тѣмъ Генрихъ вышелъ въ другую комнату и сѣлъ къ окну; мать пошла вслѣдъ за нимъ.

«Что съ тобою, Генрихъ?» спросила она ласково, тихонько отводя руку, которою онъ закрывалъ глаза. Они были наполнены слезами. «Мой милый, добрый Генрихъ!» воскликнула мать, также заплакавъ, и обвила его своими руками.

«Тебѣ не надобно такъ принимать къ-сердцу слова отца твоего, который иногда судитъ немного одностороннo,» сказала она, утѣшая его. «Ты вѣдь знаешь, какъ онъ добръ и справедливъ, и когда онъ увѣрится, что твое призваніе истинное, онъ не будетъ противиться ему. Теперь онъ боится, чтобы ты

не остановился на посредственности; но если ты на избранномъ тобою пути отличишься, то онъ вѣрно будетъ доволенъ и счастливъ тобою.»

«Ахъ!» отвѣчалъ Генрихъ, «если бъ я только зналъ, что у меня дѣйствительно есть свой особенный путь, есть призваніе! Но съ тѣхъ поръ, какъ пріѣхалъ Шернгёкъ, и я поговорилъ съ нимъ, все такъ перемѣнилось во мнѣ и вокругъ меня. Я не понимаю себя болѣе. Шернгёкъ показалъ мнѣ, какъ худо я знаю то, что я, по своему мнѣнію, зналъ такъ хорошо, и какъ плохи мои опыты. Я вижу это теперь самъ, и—это огорчаетъ меня. Сколько у Шернгёка силы и энергіи! Я бы желалъ походить на него. Но это невозможно. Въ сравненіи съ нимъ я чувствую себя такимъ ничтожнымъ. А между-тѣмъ.. когда я бываю одинъ съ моими книгами, или на чистомъ воздухѣ съ деревьями, скалами, водою передъ глазами, и слышу свистъ вѣтра и вижу надъ собою небо, ахъ! тогда раждаются во мнѣ мысли, чувства невыразимыя, прекрасныя; тогда говорятъ во мнѣ слова и выраженія, которыя глубоко трогаютъ и восхищаютъ меня. Тогда все, что ни есть добраго и великаго въ человѣчествѣ, такъ ясно представляется моему воображенію; тогда я чувствую во всемъ гармонію, во всемъ присутствіе Бога, и мнѣ кажется, что слова рождаются у меня на языкѣ, чтобы высказать эти чудныя видѣнія. Въ такія минуты я чувствую въ себѣ что-то великое, и

мнѣ кажется, что пѣсни мои должны отозваться во всѣхъ сердцахъ. Да, такъ я чувствую — но въ присутствіи Шернгёка все это исчезаетъ, и я кажусь себѣ незначущимъ, жалкимъ существомъ, и готовъ назвать себя мечтателемъ, глупцомъ.»

«Мой добрый Генрихъ, ты несправедливъ къ себѣ», сказала мать. «У тебя и у Шернгёка совсѣмъ различныя склонности; но если ты, какъ онъ, будешь ревностно стараться развить свое дарованіе, то оно вѣрно принесетъ плоды въ свое время. Признаюсь тебѣ, Генрихъ, что одно изъ моихъ любимѣйшихъ желаній всегда было и есть, чтобы кто-нибудь изъ дѣтей моихъ отличился въ литературѣ. Ей обязана я лучшими моими наслажденіями, и когда я была моложе, я сама любила заниматься ею. Въ твоей склонности я видѣла возрожденіе—болѣе совершенное своей собственной, съ нею разцвѣла моя жизнь, разцвѣла надежда на тебя, мой Генрихъ! Ахъ, кабы мнѣ когда-нибудь увидѣть тебя прославленнаго твоимъ отечествомъ, увидѣть, что отецъ твой гордится такимъ сыномъ, и согрѣть свое сердце плодами твоего ума, твоихъ трудовъ—о! тогда я бы умерла спокойно!»

Пламень восторга вспыхнулъ въ глазахъ и на щекахъ юноши, и онъ, обнимая мать свою, сказалъ: «Нѣтъ! ты будешь жить, маменька, жить и видѣть славу твоего сына. Онъ обѣщаетъ порадовать тебя!»

Лучь солнца проникъ въ комнату и, упавъ на свѣтлые кудри Генриха, озолотилъ ихъ. Мать увидѣла это, молча приняла за пророчество, и лучезарная улыбка озарила ея лице.

Петрея читала «Zauberring.» По-настоящему она должна была читать эту книгу по вечерамъ вслухъ для всего семейства, что значительно уменьшило бы опасныя чары ея; но Петрея читала ее сперва одна, украдкою, по ночамъ, и предалась ея волшебному обаянію. Она только и думала, только и мечтала о чудесныхъ приключеніяхъ, чудно-прекрасныхъ женщинахъ и чудно-храбрыхъ герояхъ. Она всегда воображала себя одною или однимъ изъ нихъ — и, то обожала, или была обожаема, то, держа въ рукахъ распятіе, боролась съ колдунами и змѣями, то, при томномъ свѣтѣ луны, прогуливалась въ цвѣтникѣ замка госпожи Миннетростъ. Казалось, что хаотическій безпорядокъ Петреиной души здѣсь нашелъ образъ и жизнь; ее увлекъ съ удвоенной силой міръ фантазіи, который когда-то, въ видѣ лѣснаго бога, обаялъ ея дѣтскій умъ и заставилъ заблудиться. То же случилось и теперь. Покуда Петрея день и ночь блуждала въ идеальномъ мірѣ и въ сильномъ поэтическомъ восторгѣ бредила чудными, очаровательными сценами, въ которыхъ она всегда играла самыя важныя роли, она въ дѣйствительной, вседневной жизни играла роль довольно жалкую. Голова ея, въ которой вращалось столько чудныхъ видѣній и

великихъ плановъ, походила почти всегда на клочекъ пакли; она не замѣчала диръ и пятенъ на своихъ платьяхъ, спущеныхъ петель на чулкахъ и протершихся башмаковъ; она забывала всѣ свои маленькія вседневныя дѣлишки и теряла и роняла все изъ рукъ. Къ довершенію всего этаго у Петреи была страсть къ миндальнымъ орѣхамъ («недешевая и притомъ шумная прихоть», говорила Луиза), которая никогда не обнаруживалась такъ сильно, какъ когда она находилась подъ вліяніемъ Zauberring; и безпрестанное «кракъ-кракъ», которое слышалось вездѣ, гдѣ она ни показывалась, вмѣстѣ съ миндальной скорлупой, которая вездѣ попадалась подъ ноги и приставала къ рукавамъ на окошкахъ, было вовсе не пріятно. Когда Петрея за все это получала заслуженныя замѣчанія и выговоры, она какъ будто падала съ облаковъ, или, лучше сказать, съ неба на землю, которая въ эти минуты казалась ей кучею хвороста или крапивы, и она охотно отдала бы десять лѣтъ своей жизни за одинъ годъ чудесной жизни въ Zauberring и за неразлучную съ нимъ красоту, чарующую силу, власть и т. п., чего у Петреи не было, развѣ —въ мечтахъ. Жизнь Петреи была борьба идеальнаго міра съ дѣйствительнымъ, котораго она не знала въ истинномъ его значеніи, и съ которымъ по-этому душа ея не могла примириться. Цѣлыя рѣки слезъ лились въ бездну, не наполняя ее и не проясняя глазъ Петреи, между-тѣмъ какъ она винила въ своихъ страданіяхъ то обстоятельства, то самое себя.

Въ это самое время Якоби, столько же по желанію родителей, сколько по внушенію своего добраго сердца, началъ серьезно заниматься Петреей. Эти занятія, напрягавшія и упражнявшія ея умственныя способности, нѣсколько успокоили волненіе чувствъ ея и воображенія. Это было очень полезно для Петреи, и было бы еще полезнѣе, если бъ она не слишкомъ полюбила...Но мы не станемъ заглядывать въ тайны будущаго.

Однажды Лагману принесли предлинное письмо изъ Стокгольма, которое онъ молча положилъ передъ женой... Оно было написано отъ имени начальства, содержало въ себѣ лестныя похвалы заслугамъ Лагмана Франка, на которое правительство давно обратило вниманіе, и Лагману Франку теперь предлагали вступить въ верховное судилище короля.

Прочитавъ письмо, Элиза съ вопросительной миной взглянула на Лагмана, который пристально смотрѣлъ не нее.

«Какъ ты думаешь, Эрнстъ?» спросила она съ видомъ нетерпѣнія и безпокойства.

Лагманъ началъ шагать взадъ и впередъ по комнатѣ; такова была его привычка, когда онъ былъ чѣмъ-нибудь встревоженъ. «Я не могу быть равнодушнымъ къ такому явному доказательству довѣрен-

ности короля,» сказалъ онъ; «я тронутъ имъ. Я уже много думалъ объ этомъ предложеніи — ты знаешь, что оно для меня не совсѣмъ неожиданно — но я чувствую, я внутренно убѣжденъ, что я не долженъ оставить своего нынѣшняго круга занятій. Онъ по моимъ способностямъ; я знаю, что я полезенъ въ немъ, и довѣренность губернатора даетъ мнѣ полную свободу дѣйствовать по моему разумѣнію и усмотрѣнію. Если распоряженія, сдѣланныя мною для блага области, и будутъ приписаны ему — что жъ? Богъ съ нимъ! я все-таки знаю, что хорошее и полезное дѣйствительно таково. Но многое начато и не окончено; многое, очень многое еще даже и не начато! Я не могу бросить дѣло недоконченнымъ; я не долженъ и не хочу сдѣлать этаго! Всякое начатое дѣло надобно привести къ окончанію; иначе не выйдетъ ничего добраго. И здѣсь, я знаю, что я...Но я говорю только о себѣ! Скажи, Элиза, какъ *ты* думаешь, какъ *ты* желаешь?«

«Останемся здѣсь!» сказала Элиза и протянула руку мужу, который сѣлъ подлѣ нея. «Я знаю, Эрнстъ, что тебя не будетъ радовать ни повышеніе въ чинѣ, ни приращеніе доходовъ, если ты для нихъ долженъ оставить кругъ занятій, въ которомъ ты чувствуешь, что ты на своемъ мѣстѣ, гдѣ ты можешь дѣйствовать на раздольѣ, и гдѣ ты окруженъ людьми, которые любятъ и умѣютъ цѣнить тебя! И такъ останемся здѣсь!»

«Но ты сама, Элиза! Говори о себѣ, а не обо мнѣ.»

«То-то и бѣда, что это не такъ легко,» отвѣчала она съ улыбкой, въ которой отразилось все счастіе ея души: «*ты* и *я* такъ тѣсно переплелись между собою, что ихъ и не отличишь. Однако я скажу тебѣ о себѣ, что — я смотрѣлась сегодня поутру въ зеркало (не дѣлай такую насмѣшливую мину, мой другъ!) и нашла, что у меня свѣжій и здоровый видъ. Я думала о тебѣ; думала, какъ ты добръ и благороденъ; какъ я, сопутствуя тебѣ въ жизни, укрѣпилась духомъ и тѣломъ; какъ я должна все болѣе и болѣе любить тебя, и какъ мы становимся день ото дня счастливѣе. Я думала о твоей дѣятельности, столь благодатной и для общества и для семейства; думала о дѣтяхъ, которыя здоровы и добры и счастливо развиваются въ нашихъ рукахъ...о нашемъ новомъ жилищѣ, которое ты устроилъ такъ хорошо и удобно для насъ всѣхъ; тогда выглянуло солнышко и освѣтило мой маленькой кабинетъ — и я была такъ довольна своей судьбою; я благодарила Бога за тебя и за нее. Я бы желала жить и умереть въ этомъ кругу, въ этомъ домѣ. Останемся здѣсь!»

«Благослови тебя Богъ за эти слова, Элиза! Но дѣти, что они скажутъ? Наше рѣшеніе будетъ имѣть вліяніе на ихъ будущность. Надобно спросить ихъ мнѣнія, надобно представить имъ дѣло. Я не сомнѣ-

ваюсь, что они, узнавъ наши причины, охотно согласятся на наши желанія; но во всякомъ случаѣ они должны подать свой голосъ въ этомъ дѣлѣ! Пойдемъ, Элиза! Я не буду спокоенъ, покуда мы не переговоримъ обо всемъ и не рѣшимся.»

Когда Лагманъ доложилъ дѣло въ семейномъ совѣтѣ, въ немъ послѣдовало удивленіе и глубокое молчаніе — и заманчивыя картины, хоть не изъ верховнаго совѣта, а изъ столицы, гдѣ онъ находится, начали рисоваться въ воображеніи молодежи; Луиза походила на настоящаго министра юстиціи. Но когда отецъ сообщилъ мысли и желанія жены и свои собственныя, глаза молодыхъ дѣвушекъ наполнились слезами, въ которыхъ легко было прочитать и благодарность къ отцу за его довѣренность, и совершенную преданность его волѣ. Однако жъ никто еще не успѣлъ сказать своего мнѣнія, какъ «малютка» (Отецъ не хотѣлъ, чтобы ей сказали: «Габріэль, выйдь «вонъ, душечка!» «Пускай она останется», сказалъ онъ; «вѣдь она такая умная маленькая дѣвочка!»), какъ маленькая Габріэль, бросившись на шею къ Элизѣ, воскликнула: «ахъ, не поѣдемте никуда отсюда: вѣдь мы такъ счастливы здѣсь!»

Это восклицаніе повторили и всѣ прочіе хоромъ.

«Ну, такъ съ Богомъ, останемся здѣсь!» воскликнулъ Лагманъ, вставая и протягивая руку своему

милому стаду; слезы брызнули изъ глазъ его. «Мы останемся здѣсь, дѣти! Но это не помѣшаетъ вамъ видѣть Стокгольмъ и наслаждаться всѣми его чудесами и увеселеніями. Слава Богу, дѣти, что вы здѣсь чувствуете себя счастливыми! Это и мнѣ доставляетъ счастіе. Понимаете ли вы это!»

Въ этотъ день Леонора въ первый разъ послѣ долгаго времени сошла внизъ къ обѣду. Всѣ тому радовались и находили, что Леонора, въ лицѣ которой выражалось болѣе пріятности и привѣтливости, нежели обыкновенно, удивительно похорошѣла. Фанни, которая завѣдывала ея туалетомъ, смотрѣла на нее съ душевнымъ наслажденіемъ.

«Посмотри, Леонора!» сказала она, показывая на небо—гдѣ лазоревыя пятна начинали показываться промежъ тучь, которыя плакали почти цѣлый день—«посмотри, какъ проясняется! Вотъ у насъ и лѣто; мы будемъ вмѣстѣ ходить гулять, будемъ рвать цвѣты и ягоды!» И голубые глаза ея блестѣли добродушіемъ и блаженствомъ.

«Это что значитъ?» спросилъ Генрихъ, увидя башмаки своей матери на окошкѣ при блѣдномъ сіяніи солнца. «Если я не ошибаюсь, ихъ поставили грѣть. А солнце такъ недогадливо, что и не показывается для исполненія своей обязанности. Въ такомъ случаѣ я приму на себя роль солнца.»

«Ты и то мое солнышко, мой лѣтній цвѣтокъ!» сказала мать съ нѣжною улыбкою, видя, какъ Генрихъ положилъ башмаки за жилетъ, чтобы согрѣть ихъ на груди своей.

«Какъ ты думаешь, Луиза!» сказалъ Якоби, «погода будетъ прекрасная, дождь чуть-чуть накрапываетъ; не итти ли намъ прогуляться? Ты согласна! какая ты добрая! Только, ради Бога, не надѣвай гоф-предиканта (Читатель вѣрно не забылъ этаго «общаго достоянія Франкскаго семейства» — *придворнаго проповѣдника)!*»

(Продолженіе въ слѣдующемъ №)

ЯКОВЪ ДЕЛАГАРДИ.

(*Изъ Фрюкселевой Исторіи Швеціи* * *Част. V. Глав. XV, XVI и XVII.*)

I.

Яковъ Делагарди, сынъ Понтуса Делагарди и Софіи Гилленъельмъ, родился въ Ревелѣ 20-го Іюня 1583 года. При рожденіи онъ лишился матери, а чрезъ два года отецъ его утонулъ въ рѣкѣ Наровѣ. Вмѣстѣ съ старшимъ братомъ своимъ Іоанномъ, также малолѣтнымъ, онъ оставался въ чужой землѣ сиротою, почти безъ всякаго призрѣнія. Но дѣдъ ихъ со стороны матери, король Іоаннъ, принялъ на себя заботу о ихъ воспитаніи и ввѣрилъ братьевъ Делабланкѣ, родственнику и другу отца ихъ.

* Мы имѣли уже случай упоминать объ этомъ замѣчательномъ произведеніи Шведской литературы. По основной идеѣ своей и увлекательному расказу оно напоминаетъ Русскую Исторію г-жи Ишимовой, но какъ самое назначеніе, такъ и планъ его гораздо обширнѣе, и оно, соединяя съ своею занимательностію разнообразныя, высокія достоинства ученаго и литературнаго труда, остается до сихъ поръ единственнымъ въ своемъ родѣ. Еще въ прошломъ году Современникъ представилъ отрывокъ изъ этаго сочиненія; предлагаемъ теперь нѣсколько главъ, гдѣ авторъ для полноты своего расказа касается событій Русской Исторіи. Образованный читатель легко извинитъ автору нѣкоторыя весьма маловажныя и иностранцу извинительныя обмолвки.

Когда Якову минуло семнадцать лѣтъ, герцогъ Карлъ объявилъ его способнымъ носить оружіе и въ послѣдствіи принялъ его въ свою службу съ чиномъ полковника Норботническаго полка. Онъ участвовалъ въ Лифляндской войнѣ 1600 и 1601 годовъ. Выдержанная имъ оборона крѣпости Вольмара и плѣнъ въ Польшѣ нами уже изложены.

Освободясь изъ этаго плѣна, онъ вступилъ въ Нидерландскую службу, чтобы подъ начальствомъ Морица Оранскаго еще основательнѣе изучить военное искуство. Въ одинъ годъ онъ такъ отличился, что король Французскій Генрихъ IV въ письмахъ къ нему и чрезъ своихъ пословъ старался привлечь его къ себѣ въ службу, но тщетно. Герцогъ Морицъ сперва ввѣрилъ ему свой полкъ, а вскорѣ послѣ того, при возвращеніи Делагарди въ отечество, далъ ему блестящее свидѣтельство.

О тяжбѣ, которую Эрикъ Тегель въ Эребро въ 1606 году велъ съ Делагарди и объ ея окончаніи уже было расказано. Хотя это дѣло дало пищу мнительности короля, однако жъ онъ поручилъ Делагарди главное начальство надъ Шведскимъ войскомъ въ Финляндіи.

Два года занимался онъ тамъ улучшеніемъ войска и потомъ пошелъ съ нимъ въ Россію. Но прежде, нежели приступимъ къ изложенію этаго похода, мы

намѣрены сказать нѣсколько словъ о происходившихъ тамъ волненіяхъ и о причинахъ, побудившихъ Швецію къ участвованію въ дѣлахъ Россіи.

II.

Преемникомъ знаменитаго Іоанна Васильевича былъ сынъ его Θеодоръ, слабый и незамѣчательный Царь, бывшій въ супружествѣ съ Ириною Годуновою. Братъ ея, хитрый, смѣлый и предпріимчивый Борисъ Годуновъ, совершенно управлялъ какъ своимъ зятемъ, такъ и всѣмъ государствомъ. Полагаютъ, что онъ былъ виновникомъ смерти Θеодора. Младшій братъ Царя, Димитрій, былъ убитъ еще прежде. Борисъ взошелъ на праздный престолъ — и мудрымъ твердымъ правленіемъ старался загладить преступленія, доставившія ему корону. Но народъ не могъ забыть ни своей любви къ древнему Царскому дому ни злодѣяній новаго властителя. Тайное, но общее негодованіе распространилось по всему краю, хотя никто и не осмѣливался явно возстать противъ грознаго властителя.

Около Ярославля родился въ бѣдномъ семействѣ Яковъ Отрепьевъ, иначе называемый Гришкою, мальчикъ, уже отъ дѣтства злонравный, но острый. Для предупрежденія будущихъ непріятностей родители отдали его въ монастырь. Тамъ онъ познакомился съ старымъ монахомъ Борисомъ и въ немъ нашелъ

соумышленника. Этотъ монахъ часто бывалъ при Дворѣ прежнихъ Царей и съ удивленіемъ замѣтилъ у Гришки тѣже тѣлесные недостатки и примѣты, которые, какъ всѣ знали, были у убитаго Царевича. Такъ напримѣръ у него правая рука была длиннѣе лѣвой; на лѣвой сторонѣ носа была у него бородавка; лицо у него было широкое и волосы черные; все точно, какъ у убитаго Царевича. На этихъ обстоятельствахъ монахи основывали свои замыслы. Борисъ расказалъ Гришкѣ, какъ, что было при прежнихъ Царяхъ, и вскорѣ и самъ Гришка коротко познакомился съ Русскими лѣтописями. Послѣ такихъ приготовленій оба бѣжали изъ монастыря, Гришка въ Польшу, а Борисъ къ казакамъ, гдѣ онъ повсюду распространялъ слухъ, будто бы Царевичь Димитрій ушелъ отъ присланныхъ Царемъ убійцъ и скрывался въ Польшѣ. Такой слухъ вскорѣ разнесся по всему краю и во многихъ мѣстахъ былъ принятъ охотно, ибо нѣкоторыя перемѣны, введенныя новымъ Царемъ, хотя государству и весьма полезныя, возбудили неудовольствіе корыстнаго дворянства и невѣжественнаго народа.

Между-тѣмъ Гришка открылъ въ Польшѣ свое мнимое происхожденіе и выдуманныя несчастія. Многіе повѣрили сказкѣ, и честолюбивая дочь знатнаго Григорія Мнишка, столь же прекрасная, какъ и хитрая Марина, отдала ему свою руку. Этимъ онъ пріобрѣлъ себѣ большую партію въ Польскомъ дворянствѣ. Король Сигизмундъ также надѣялся, посреди такихъ

смутъ, возвратить нѣкоторыя пріобрѣтенныя Россіею области. Гёранъ (Юрій) Кнутсонъ Поссе увѣрилъ Сигизмунда, что ему, съ помощію возведеннаго имъ на престолъ Гришки, легче будетъ покорить Швецію. По-этому на сеймѣ однажды рѣшено было позволить Гришкѣ искать въ Польшѣ вспомогательныхъ силъ. Вскорѣ онъ съ значительнымъ войскомъ вступилъ въ Россію. Успѣхъ войны былъ перемѣнчивъ, но народъ болѣе и болѣе переходилъ на сторону Гришки. Въ отчаяніи Годуновъ отравилъ себя. Гришка вступилъ въ Москву, умертвилъ сына Годунова, и сѣлъ на престолъ древнихъ Царей при громкихъ кликахъ ликовавшаго народа.

Но общая радость была непродолжительна. Ослѣпленный успѣхами, Гришка совершенно предался своимъ порочнымъ наклонностямъ — и вскорѣ Москва огласилась толками о его преступленіяхъ и развратной жизни. Онъ показывалъ явное презрѣніе къ Россіи, къ ея вѣрѣ, нравамъ и законамъ, но ласкалъ Поляковъ и казаковъ. Стали подозрѣвать въ немъ тайнаго католика и самозванца, а не истиннаго Димитрія. Неудовольствіе быстро распространялось и возрастало. Едва прошелъ годъ послѣ смерти Годунова, какъ уже мятежъ вспыхнулъ въ Москвѣ. Гришку убили, Марину заключили въ монастырь, а Великимъ Княземъ провозгласили знатнаго вельможу Василія Шуйскаго.

Однакожъ вскорѣ новые бродяги произвели новые мятежи во взволнованномъ народѣ. Какой-то казакъ Петръ выдавалъ себя за побочнаго сына Царя Θеодора Іоанновича. Онъ нашелъ усердныхъ соумышленниковъ между своими земляками, но вскорѣ былъ схваченъ и повѣшенъ.

Іоаннъ, учитель изъ Сокола, сталъ выдавать себя за извѣстнаго уже Димитрія, который будто бы чудеснымъ образомъ спасся во время Московскаго бунта. Народъ толпами сталъ переходить къ нему. Марину освободили изъ монастыря, и она въ представленномъ ей человѣкѣ признала своего мужа, истиннаго Димитрія. Это обстоятельство придало болѣе достовѣрности молвѣ о спасеніи Димитрія, и такъ-какъ сверхъ того Поляки втайнѣ подстрекали народъ къ возстанію, то наконецъ положеніе Василія сдѣлалось до такой степени затруднительнымъ, что онъ принужденъ былъ искать иноземной помощи. Онъ обратился къ Шведскому королю Карлу IX-му. Карлъ проникнулъ намѣреніе Польши, которая хотѣла сперва дать Россіи Великаго Князя, а потомъ съ его помощію напасть на Швецію. И такъ онъ охотно принялъ предложеніе Царя. Условились, что Швеція пришлетъ 5 т. вспомогательнаго войска, а Василій будетъ платить ему по 32.000 рублей въ мѣсяцъ и уступитъ Швеціи Кексгольмъ въ вѣчное владѣніе.

Договоръ заключенъ былъ 28 Февраля 1609 года.

III.

Король сперва хотѣлъ назначить Мансфельда главнокомандующимъ въ Россію, но перемѣнилъ свое намѣреніе. Мансфельдъ былъ посланъ въ Лифляндію, а на мѣсто его избранъ Яковъ Делагарди. Ему тогда было только 26 лѣтъ; но его умъ, дѣятельность и познанія стоили долговременнаго опыта. Послѣдствія оправдали выборъ короля.

Делагарди немедленно отправился изъ Стокгольма на границу. Непостоянная погода не позволяла ему прямо чрезъ Аландскіе острова или чрезъ Кваркенъ * поспѣшить въ Финляндію. Это замедлило его путешествіе, но не остановило его. Въ глубокую зиму онъ по дорогамъ, часто непроходимымъ, не находя и необходимѣйшихъ потребностей, поѣхалъ сухимъ путемъ, обогнулъ Ботническій заливъ и наконецъ, послѣ множества затрудненій, 5-го Марта благополучно прибылъ въ Выборгъ.

Уже 11 числа того же мѣсяца онъ выступилъ изъ Выборга въ походъ на границу. Въ войскѣ его было около 8 т. конницы и 4 т. пѣхоты **. Изъ

* Такъ называется Ботническій заливъ въ самомъ узкомъ мѣстѣ своемъ.

** По мнѣнію многихъ, это число преувеличено.

подчиненныхъ ему военачальниковъ замѣчательны были: Тенне, Гёрансонъ, Шернпельдъ, Крюстеръ Соме, Андрей Бойе, старый Аксель, Куркъ и замѣчательнѣйшій изъ всѣхъ Эвертъ Горнъ, сынъ Карла Генриксона Горна. Эвертъ Горнъ постоянно командовалъ передовыми войсками и во всѣхъ главныхъ дѣлахъ ознаменовалъ себя мужествомъ и побѣдою.

27 Марта войско перешло границу. Приверженцы Русскихъ утверждали, что Копорье, отдавшееся Димитрію, было плохо укрѣплено и наполнено слабымъ гарнизономъ. 29 Марта Делагарди приступилъ къ крѣпости, но нашелъ, что она была со всѣхъ сторонъ надежно защищена. Не имѣя ни петардъ, ни достаточнаго числа пушекъ, ни лишняго времени, онъ оставилъ свое предпріятіе и уже 30 Марта пошелъ на Новгородъ.

Въ этомъ городѣ войскомъ командовалъ Князь Михаилъ Шуйскій. Онъ былъ молодой человѣкъ 23-хъ лѣтъ, щедро надѣленъ дарами природы, силенъ, высокаго роста и прекрасной наружности, притомъ веселъ и храбръ какъ юноша, благоразуменъ и опытенъ какъ мужъ. Эти качества, а также и родство съ Царемъ (онъ былъ его племянникъ) снискали ему въ высшей степени уваженіе соотечественниковъ. Онъ служилъ Великому Князю главною опорой, самъ заключилъ союзъ съ Шведами, и принялъ на себя начальство надъ вспомогательнымъ

войскомъ. Когда Шведы стали приближаться къ Новгороду, Михаилъ просилъ ихъ, миновавъ его, итти на Старую Русу. Онъ боялся, чтобы пришлецы не позволили себѣ какаго насилія противъ жителей. По нѣкоторомъ размышленіи, рѣшено было, чтобы Шведское войско остановилось поодаль отъ города. Но самъ Делагарди съ нѣкоторыми изъ другихъ начальниковъ вступилъ въ самый городъ. Его приняли съ величайшимъ торжествомъ. 15 т. конницы, подъ предводительствомъ знатнѣйшихъ бояръ, встрѣтили чужеземцевъ у городскихъ воротъ, и вступленіе ихъ сопровождалось звономъ во всѣ колокола, пальбою изъ пушекъ и мушкетовъ. При этомъ случаѣ молодые, но знатные вожди, Делагарди и Князь Михаилъ, положили начало тѣсной дружбѣ, основанной на взаимной любви и уваженіи. Когда Михаилъ съ трудомъ и съ угрозами наконецъ успѣлъ собрать часть обѣщаннаго Шведамъ жалованья, то они пошли на Старую Русу. Тутъ Эвертъ Горнъ съ авангардомъ въ первый разъ встрѣтилъ войска Димитрія, состоявшія частію изъ Русскихъ, частію изъ Поляковъ. Предводитель ихъ, Карнасинскій, отрядилъ 300 человѣкъ конницы, чтобы въ-расплохъ напасть на Горна, но онъ обратилъ ихъ въ-бѣгство, и преслѣдовалъ около двухъ миль (20-и верстъ). 12 Марта Делагарди съ главнымъ корпусомъ вошелъ въ Старую Русу.

Эвертъ Горнъ съ конницею изъ 40 человѣкъ, съ 200 пѣшихъ и 200 Русскихъ посланъ былъ въ

погоню за Карнасинскимъ: не ближе, какъ въ 19 миляхъ оттуда, онъ настигъ его при большой деревнѣ между Смоленскомъ и Москвою. Это было 15-го Мая поздо вечеромъ, и только рѣчка отдѣляла Шведовъ отъ непріятеля. Горнъ тотчасъ приказалъ переправляться. Поляки сопротивлялись, но Карнасинскій воспользовался случаемъ и поспѣшно обратился въ бѣгство съ главнымъ корпусомъ. Шведы между-тѣмъ перешли рѣчку, прогнали Поляковъ, убили ихъ подполковника Гёрана Силаскаго и 60 рядовыхъ, коихъ трупы остались въ деревнѣ. Шведы преслѣдовали непріятеля и изрубили около 1400 человѣкъ; семь пушекъ, всѣ знамена и часть обоза достались побѣдителямъ. Расказываютъ, будто бы Русскіе, бывшіе съ Горномъ, во время сраженія разграбили лагерь Карнасинскаго, а потомъ зажгли его, чтобы скрыть этотъ поступокъ; иначе добыча была бы гораздо больше. Побѣда эта между-тѣмъ надѣлала много шуму. Многіе города и крѣпости перешли на сторону Василія, и приверженцы Димитрія отступали отъ приближавшихся Шведовъ. Эвертъ Горнъ былъ предметомъ особенной любви и вмѣстѣ страха. Въ послѣдней битвѣ взялъ онъ въ плѣнъ много Русскихъ, преимущественно женщинъ; всѣмъ онъ далъ свободу и позволеніе возвратиться домой, и такимъ образомъ снискалъ въ высшей степени привязанность всего края. Делагарди засвидѣтельствовалъ его отмѣнную храбрость и просилъ Короля наградить его, «ибо», писалъ онъ, «хотя и всѣ участвовавшіе въ сраженіи вели

себя какъ честные люди, но господинъ Эвертъ болѣе всѣхъ способствовалъ къ счастливому окончанію дѣла.»

Делагарди узналъ, что въ Торжкѣ засѣло 3,000 людей изъ войскъ Димитрія подъ начальствомъ Поляка Александра Зборовскаго.

Эвертъ Горнъ былъ посланъ туда и съ нимъ 800 конныхъ, 200 пѣшихъ и 1,000 Русскихъ. 17-го Іюня онъ прибылъ въ городъ и неустрашимо напалъ на гораздо сильнѣйшаго непріятеля. Завязалась жестокая битва. Поручикъ Горна, Французъ Лабади, обратился въ бѣгство и былъ убитъ; но самъ Горнъ напалъ на гвардію Зборовскаго, разсѣялъ сперва ее, а потомъ и все непріятельское войско. Поляки отступили и потеряли 1000 конныхъ.

27-го Мая Делагарди вступилъ въ Торжокъ съ главнымъ корпусомъ. Незадолго предъ тѣмъ онъ получилъ письмо отъ Зборовскаго, который убѣждалъ его оставить несправедливое дѣло Василія и перейти на сторону Димитрія. Делагарди отвѣчалъ, что онъ пришелъ въ Россію не для того, чтобы разбирать, чье дѣло справедливѣе, Димитрія или Шуйскаго. Это уже обдумалъ Король его. А ему надлежало только помышлять о томъ, чтобы съ честію нести оружіе. Онъ посадилъ на колъ подателя письма, который старался произвести въ лагерѣ мятежъ.

12-го Іюня Делагарди прибылъ въ Тверь. 5 т. непріятелей стояли тамъ въ боевомъ порядкѣ подъ командою Зборовскаго. Делагарди немедля напалъ на нихъ; но въ то же время пошелъ проливной дождь, который вредилъ дѣйствію огнестрѣльныхъ орудій Шведовъ. Русскіе нападали храбро, и съ успѣхомъ дѣйствовали своими копьями. Войско Делагарди начало обращать тылъ на обоихъ флангахъ, а особливо на лѣвомъ: сперва бросилась Французская конница, потомъ Русское вспомогательное войско, Нѣмцы и наконецъ Финны; всѣ вмѣстѣ стали грабить обозъ Шведовъ. Эти между-тѣмъ, предводимые Делагардіемъ въ центрѣ, съ удивительною храбростію напали на Зборовскаго и его гвардію, разбили ихъ и преслѣдовали по городу до самаго замка. Послѣ того войска съ обѣихъ сторонъ нѣсколько отступили по причинѣ сильнаго дождя. Онъ нё переставалъ и во весь слѣдующій день. Но 14 Іюня (это былъ Ивановъ день) Делагарди на самомъ разсвѣтѣ атаковалъ городъ. Непріятели вышли ему навстрѣчу; но прежде, нежели они успѣли стать въ боевой порядокъ, Делагарди напалъ на нихъ, разсѣялъ ихъ и стремительно обратилъ въ бѣгство. Въ слѣдующую ночь онъ приказалъ итти на приступъ; но Русскіе отступили, и одинъ петардиръ застрѣленъ былъ въ голову. Шведы просили позволенія начать штурмъ при разсвѣтѣ, чтобы храбрость каждаго была на виду; но и тутъ Русскіе отступили. Гарнизонъ отчаянно стрѣлялъ съ валовъ, и Князь Михаилъ полагалъ, что лучше по-

спѣшить въ Москву и освободить Великаго Князя отъ осады, нежели тратить и время и людей на этомъ незначительномъ пунктѣ. Делагарди согласился съ нимъ, оставилъ Тверь и пошелъ на Калязинъ. Здѣсь-то вспыхнулъ мятежъ, который на-время уничтожилъ выгоды, купленныя столь блистательнымъ мужествомъ.

Войска Делагарди состояли изъ Шведовъ, Финновъ и иноземцевъ. Въ первыхъ заключалось сердце, надежнѣйшая часть его силъ. Финны, еще со временъ Класа Флеминга и такъ называемой *войны на дубинахъ*, привыкли къ самовольству и непокорности. Бродяги изъ разныхъ странъ, частію бѣглые преступники, составляли иноземное войско. Они были отважны въ бою, но между-тѣмъ только грабили и разбойничали, часто предводимые начальниками такаго же разбора, которые подстрекали ихъ къ насильствамъ, чтобъ тѣмъ пріобрѣсть болѣе выгодъ, или даже выиграть въ глазахъ собственныхъ своихъ воеводъ. До сихъ поръ эта толпа была спокойна, хотя и роптала втайнѣ. Жалованье, обѣщанное Великимъ Княземъ, часто не выдавалось, не смотря на угрозы Делагарди и неусыпныя старанія Князя Михаила. Невозможно было усилить доходы среди столь бѣднаго края. Это обстоятельство тѣмъ болѣе возбуждало негодованія, что всякій грабежъ строго былъ запрещенъ, ибо Шведы должны были вести себя какъ союзники Великаго Князя и госу-

дарства противъ Димитрія и Поляковъ; сверхъ того Русскія вспомогательныя войска часто оказывали неповиновеніе, иногда уходили. Когда войско болѣе и болѣе стало удаляться отъ знакомыхъ земель; когда чужіе нравы, народы и наименованія повсюду окружали его: тогда имъ овладѣли страхъ и безпокойство. Финны первые взволновались. Они объявили, что не обязаны далѣе углубляться въ чужую землю безъ всякой пользы для своей родины: Русскіе-де сами часто измѣняли имъ: слѣдовательно не изъ чего было позволять вести себя какъ на убой. Обѣщанное жалованье не выдавалось имъ; а до нихъ между-тѣмъ доходило, какъ сборщики податей дома притѣсняли и мучили ихъ женъ и дѣтей. Делагарди увѣщевалъ, грозилъ; Князь Михаилъ обѣщалъ — но все тщетно. Дозволили Финнамъ возвратиться домой, въ надеждѣ, что они, безъ начальниковъ, одни, не посмѣютъ пуститься въ дорогу чрезъ непріятельскую землю; но они безъ малѣйшаго страха отправились. Тогда за ними посланы были Эвертъ Горнъ, Андрей Бойе и Крюстеръ Соме; но и они не могли подѣйствовать на недовольныхъ.

Теперь и Нѣмцы и Французы стали волноваться. Они грозили перейти къ непріятелю, ежели ихъ поведутъ далѣе. Всѣ возраженія были тщетны — и наконецъ бунтовщики пошли тою же дорогой, по которой удалились Финны. Главнокомандующему и прочимъ начальникамъ осталось только одно — пойти

вслѣдъ за толпою. Делагарди, окруженный своими полковниками, поспѣшилъ къ первымъ рядамъ, отнялъ у мятежниковъ знамена, отдалъ ихъ прапорщикамъ и обнаженнымъ мечемъ гналъ каждаго на его мѣсто. Такимъ образомъ рядовыхъ силою привели къ порядку и повиновенію; но безуспѣшны были всѣ старанія вести ихъ далѣе къ Москвѣ. Тверь была оставлена непріятелемъ; туда пошелъ Делагарди, намѣреваясь въ стѣнахъ этаго города ожидать помощи изъ Швеціи. Чрезъ нѣсколько недѣль мятежъ вспыхнулъ съ новою силой. 5 Августа Делагарди призывалъ къ себѣ каждую роту порознь, надѣясь такимъ образомъ легче испугать или склонить ихъ; но все тщетно. Всѣ въ одинъ голосъ объявили, *что ежели господину Якову не угодно возвратиться на родину, то они оставятъ его одного.* Онъ принужденъ былъ слѣдовать за необузданною толпою, чтобы предупредить новые безпорядки. У Торжка Эвертъ Горнъ встрѣтилъ нѣсколько казаковъ и Поляковъ, которыхъ онъ тутъ же обратилъ въ бѣгство. Но стараніе Делагарди остановить воиновъ было такъ же безплодно, какъ и прежде. Они продолжали итти назадъ до Молдавья, гдѣ онъ наконецъ успѣлъ остановить главную часть войска. Но и отсюда нѣсколько упрямыхъ Финновъ поспѣшили домой. Делагарди увѣдомилъ Выборгскаго Намѣстника Вильдмана о ихъ поведеніи—и тотъ принялъ и наказалъ ихъ, какъ слѣдовало.

НОВЫЯ СОЧИНЕНІЯ.

I.

11. О Россійскомъ Благородномъ собраніи въ Москвѣ. Н. Д. Горчакова. *Въ* 12; 41 *стран.*

Для дворянства первопрестольной нашей Столицы и близкихъ къ ней мѣстъ Благородное собраніе представляетъ средоточіе лучшихъ удовольствій, которыхъ воспоминаніе нерѣдко остается на цѣлую жизнь неизгладимымъ. Благородное собраніе въ Москвѣ получило начало свое при Императрицѣ Екатеринѣ II. Кромѣ обыкновенныхъ увеселеній, доставляемыхъ имъ дворянству, сколько разъ оно торжествовало событія, вошедшія въ нашу исторію! Здѣсь и донынѣ первый слышится голосъ перваго нашего сословія при общей радости Россіи. Можно вообразить, какую занимательность представитъ картина, въ которой художникъ совмѣститъ всѣ достопамятные случаи, касающіеся этаго замѣчательнаго мѣста! Давно надобно было подумать о прекрасномъ предпріятіи, которое нынѣ приведено въ исполненіе къ общему удовольствію. Все, что служитъ выраженіемъ общественной жизни, все должно вести свою исторію.

12. **Дневникъ Русскаго путешественника по Европѣ. Алексѣя Зилова.** *Двѣ части. Въ 8; 195 и 214 стран.*

Частности автора, которыми онъ преимущественно занимался при составленіи дневника, отняли много достоинства у книги, изданной для публики. Но богатство предметовъ и разнообразіе впечатлѣній, преслѣдовавшихъ путешественника, сами по себѣ такаго свойства, что книга, и при недостаткахъ, общихъ сочиненіямъ сего рода, еще читается не безъ вниманія и любопытства. Разсматривая трудъ, который бы легко довести до вѣрнаго успѣха, если бы только вздумалось автору ограничиться изложеніемъ того, что онъ изучалъ дѣйствительно, мы всегда сожалѣемъ, что наши путешественники не посвящаютъ своего вниманія изслѣдованіямъ однаго какаго-нибудь предмета, а касаются слегка всего, что имъ встрѣтится.

13. **Казаки.** *Повѣсть* Александра Кузмича. *Двѣ части. Въ* 8; 217 и 305 *стран.*

Малороссійскіе нравы и эпоха Полтавской битвы соблазнили автора. Онъ увлекся ими, вообразивши, что поэзія и занимательность непремѣнно послѣдуютъ за расказомъ, въ которомъ представлено будетъ событіе изъ столь замѣчательнаго времени и посреди людей, полныхъ жизни и дѣятельности. Но

въ созданіи поэтическомъ должна явиться отдѣльная, самобытная красота жизни, независимый міръ, въ которомъ, подъ вліяніемъ эпохи и мѣстности, дѣйствуютъ люди съ собственными характерами, съ собственными цѣлями и повинуются собственнымъ страстямъ. Въ романѣ, разсматриваемомъ нами, ничего подобнаго мы не нашли. Въ немъ даже и красокъ нѣтъ, которыя бы обольщали читателя.

14. Плащь Мефистофеля. *Волшебно-фантастическій расказъ. Въ 32; 31 стран.*

Такъ-какъ этотъ расказъ не объявляетъ требованій на что-нибудь въ искуствѣ, а просто теряется въ волшебно-фантастическомъ мірѣ; то легко его и оставить тамъ безъ всякаго разбора, который бы впрочемъ ничего не доставилъ ни рецензенту, ни читателю.

15. Молодикъ, *Украинскій литературный сборникъ, издаваемый* И. Бецкимъ. *Въ 8; 318 стран.*

По заглавію этой книги надобно догадываться, что издатель намѣренъ напечатать нѣсколько номеровъ Молодика. И такъ это родъ журнала или альманаха. Но журналъ представляетъ равномѣрную и послѣдовательную картину умственной дѣятельности; альманахъ же ежегодную выставку, опредѣляющую успѣхи литературы. Цѣли Молодика мы не пони-

маемъ. Если бы въ немъ, по крайней мѣрѣ, соединены были статьи только Украинскихъ литераторовъ: тогда бы видно было, что издатель желаетъ осуществить идею мѣстности. Между-тѣмъ теперь тѣ же самые сочинители, которыхъ отрывки и статьи мелькаютъ передъ нами ежемѣсячно во всѣхъ журналахъ, тѣ же самые сочинители являются за рѣдкость и новость въ Украинскомъ Молодикѣ. Пусть бы связывали ихъ въ немъ единство предмета — его нѣтъ. Это случайное соединеніе людей, у которыхъ ничего нѣтъ общаго Такаго рода изданія были бы понятны въ литературѣ едва начинающейся, гдѣ драгоцѣнна всякая отпечатанная строчка. Но у насъ въ Россіи, благодаря успѣхамъ просвѣщенія, есть для всякой части литературы ежемѣсячныя изданія. Кто же такъ мало цѣнитъ свое время и такъ не любитъ порядка въ занятіяхъ, что остановится на безхарактерномъ сборникѣ, чтобы пробѣжать отрывки прозы или стихотвореній, выпавшихъ изъ портфелей тѣхъ авторовъ, за которыми онъ постоянно слѣдитъ въ ихъ оффиціальныхъ занятіяхъ? Уже ли судьба Русской Бесѣды и подобныхъ ей сборниковъ не убѣдила издателя, что предпріятіе такаго рода ни къ чему болѣе не служатъ съ тѣхъ поръ, какъ наша литература вошла въ формы правильныя и законныя?

16. Бѣдокуръ. *Русская сказка. Сочиненіе* Михаила Куражсковскаго. *Въ* 18; 68 *стран.*

Самое неудачное, самое жалкое подражаніе тому и языку простонародныхъ сказокъ.

17. Этимологическій Россійскій букварь, *содержащій въ себѣ всѣ первообразныя слова Русскаго языка, молитвы, басни, уроки для чтенія въ прозѣ и стихахъ. Составленный* Яковомъ Гердомъ. *Въ* 12; 152 *стран.*

Букварь нельзя назвать этимологическимъ ни въ какомъ случаѣ. Можно въ одной книжкѣ съ букваремъ помѣстить правила этимологіи, или слова, отъ которыхъ произведены другія; но все же букварь не сдѣлается отъ того этимологическимъ. Книжка, которую мы разсматриваемъ, кромѣ антилогическаго названія своего, содержитъ много несоотвѣтствующаго назначенію ея. Главное — въ ней нѣтъ Русскаго языка, о которомъ главнѣйше идетъ рѣчь. Это сборъ фразъ, напечатанныхъ Русскими буквами, но безъ Русскаго смысла. Удивительно, что за составленіе первоначальной учебной книги берутся люди, не изучившіе того языка, на которомъ они хотятъ учить другихъ. Къ сожалѣнію, такова судьба большей части нашихъ учебниковъ первоначальныхъ. Знающіе и мыслящіе люди считаютъ подобный трудъ не стоющимъ ихъ вниманія. Между-тѣмъ едва ли чѣмъ больше можно оказать людямъ существенной пользы, какъ изданіемъ истинно-хорошей первоначальной учебной книги. Она составляетъ во-

піющую необходимость нѣсколькихъ сотъ тысячь людей. Это послѣднее обстоятельство понимаютъ очень многіе, особенно книгопродавцы. И потому почти ежемѣсячно издаются такаго рода книги, какъ букварн. Но что въ нихъ толку? Пустыя перепечатки безсмысленныхъ первыхъ опытовъ. По убѣжденію смѣтливыхъ книгопродавцевъ берутся иногда за это дѣло и смышленые литераторы, но безъ малѣйшей любви къ существенному въ дѣлѣ; они набрасываютъ кое-что безъ собственной мысли, безъ убѣжденія въ истинѣ — и весь успѣхъ основываютъ частію на ловкости *моднаго книгопродавца*, частію на *старомъ имени* своемъ. Нѣтъ, не такъ должны быть составляемы даже буквари, потому-что и они должны быть хороши. Добросовѣстный, свѣдущій и уважающій дѣло свое человѣкъ долженъ обработать такую книгу по собственному, лучшему плану: долженъ облегчить это изученіе ясностію, простотою, даже пріятностію методы; долженъ соединить въ этой книгѣ все, что ближайшее и естественное имѣетъ отношеніе къ главному дѣлу. Подобно, какъ неосновательно составляются у насъ хрестоматіи, о чемъ недавно представился намъ случай говорить подробно, буквари тоже издаются въ видѣ оскорбительныхъ компиляцій — и такимъ образомъ ими только удерживаются успѣхи полезнѣйшаго и всѣмъ необходимаго искуства, а не ускоряются въ обществѣ. То, что внесено въ Этимологическій Букварь подъ названіемъ *уроковъ для чтенія*, ни сколько не обнару-

живаетъ ни знанія, ни вкуса, ни даже труда издателя.

18. **Учебная книга Англійскаго языка для Русскихъ**, *расположенная по новой методѣ, по которой всякой легко и скоро можетъ выучиться Англійскому языку. Съ приложеніемъ азбуки, нравоучительныхъ уроковъ и расказовъ съ Русскимъ надстрочнымъ переводомъ, разговоровъ и грамматическихъ упражненій. Составилъ* Генрихъ Кочманъ. *Изданіе книгопродавца* Василія Полякова. *Въ 8; 259 стран.*

Вотъ и еще доказательство, что учебныя книги у насъ издаются кое-какъ. Сочинитель украсилъ заглавіе свое заманчивыми словами: *новая метода; всякой можетъ выучиться,* и проч. Онъ обѣщаетъ *нравоучительные уроки, расказы,* и проч. Это все только и остается въ заглавіи; въ самой же книгѣ ни новаго, ни занимательнаго ничего нѣтъ. Самая неотчетливая метода, самые пустые и скучные разговоры — вотъ что въ этой книгѣ. Для издателя-книгопродавца конечно все хорошо, что съ-рукъ сойдетъ. Но для родителей и дѣтей нужно совсѣмъ другое.

19. **Англійскій языкъ**, *въ двадцати лекціяхъ*, И. Гасфельда.

Извѣстно, что г. Гасфельдъ даетъ публичные уроки Англійскаго языка. Его метода чисто практическая. Начиная съ произношенія каждой буквы того отрывка, которой составляетъ предметъ урока, учитель переходитъ постепенно къ словамъ, грамматическимъ перемѣнамъ и наконецъ къ составленію новыхъ фразъ изъ словъ, находящихся въ изучаемомъ отрывкѣ. Этой методы, зависящей отъ навыка и быстроты соображеній самаго учителя, никому нельзя передать. Такимъ образомъ изданными теперь листами сихъ уроковъ могутъ воспользоваться только ученики г. Гасфельда. Но появленіе ихъ въ публикѣ мы считаемъ полезнымъ; потому-что всякая новая и хорошо обдуманная метода наводитъ мыслящаго человѣка на другіе виды, не менѣе полезные для успѣховъ языкоученія.

20. Географія Россійской Имперіи. *составленная* Иваномъ Павловскимъ. *Двѣ части. Въ* 16.

Географія, какъ наука, основывающаяся на положительныхъ данныхъ, удобнѣе обработывается, нежели другія науки. Трудолюбивый и разсудительный человѣкъ легко доходитъ здѣсь до своей цѣли. Какъ учебная книга, Географія обыкновенно оканчивается гимназическимъ курсомъ. Но изъ нея можно сдѣлать занимательное чтеніе для всѣхъ возрастовъ. Предметъ — и обширный, и разнообразный,

и увлекательный. Г. Ивановъ составилъ хорошій учебникъ. Сравнительно съ другими въ этомъ родѣ издателями, у него много новаго. Хотя пріобрѣтенія свои онъ заимствовалъ у науки отдѣльной (Статистики); но это не лишаетъ достоинства и его книгу.

21. Дѣтская Ариѳметика *для перваго возраста. На трехъ языкахъ: Русскомъ, Французскомъ и Нѣмецкомъ. Въ 8; 12 стран.*

Для науки, называемой собственно Ариѳметикою, въ этой двенадцати-страничной, трех-язычной книжечкѣ остается только четыре странички. Изъ нихъ удѣлить надобно одну для таблицы умноженія. Не забавная ли шутка сокрыта въ такомъ предпріятіи?

22. Руководство къ преподаванію Артиллеріи *въ* Императорской *Военной Академіи. Составилъ* Михаилъ Силичь. *Въ 8; 384 стран.*

Авторъ воспользовался трудами предшествовавшихъ ему писателей по этой части и составилъ по-возможности курсъ науки полный. Но, приспособляя изданіе къ назначенію его въ руководство обучающимся, онъ умѣлъ ограничиться однимъ существеннымъ. Заслуга не маловажная въ обработываніи науки, основанной на положеніяхъ точныхъ. Книга г. Силича снабжена прекрасными чертежами, кото-

рые придаютъ ей достоинство ясности во всѣхъ отношеніяхъ.

23. Полный курсъ прикладной Анатоміи человѣческаго тѣла. *Съ рисунками. Соч.* Н. Пирогова. *Анатомія описательно-физіологическая и хирургическая. Тетрадь первая. Въ* 8; 24 *стран. Съ рисунками въ-листъ.*

Русскіе врачи безъ сомнѣнія обрадованы появленіемъ столь полезнаго для нихъ изданія, которое обработываетъ одинъ изъ первыхъ въ Европѣ ученыхъ. Но не одинъ текстъ, образецъ изложенія точнаго и полнаго, самые рисунки возводятъ это изданіе на степень замѣчательнѣйшихъ явленій учености въ Европѣ. Врачамъ остается только изучать науку въ сочиненіи столь строго-изслѣдованномъ и обогащенномъ самыми вѣрными изображеніями частей человѣческаго тѣла.

24. *Наставленіе, какъ должно поступать въ случаѣ появленія* чумы рогатаго скота. *Издано иждивеніемъ* Императорскаго *Вольнаго Экономическаго общества. Въ* 8; 16 *стран.*

Очень полезная книжка, особенно для сельскихъ жителей.

25. *Голосъ степнаго помѣщика о полюбовномъ соглашеніи на* ОТМЕЖЕВАНІЕ ЧРЕЗПОЛОСНЫХЪ ВЛАДѢНІЙ КЪ ОДНИМЪ МѢСТАМЪ. *Въ* 24; 120 *стран.*

Размежеваніе черезполосныхъ владѣній, начав-шееся съ 1836 года, еще не приводится повсемѣстно къ окончанію. Столь невѣроятное пренебреженіе соб-ственныхъ выгодъ каждаго вызвало убѣждающій голосъ одного помѣщика. Дай Богъ, чтобы онъ не былъ *голосомъ въ пустынѣ*

6. ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ОЧЕРКИ ЧАСТИ АРАКСКОЙ ДОЛИНЫ, *вошедшей въ составъ Грузино-Имеретинской губерніи. Сочиненіе* И. Шопена, *бывшаго предсѣдателя управленія по доходамъ и казеннымъ имуществамъ въ Армянской области. Изъ Трудовъ* ИМПЕРАТОРСКАГО *Вольнаго Экономическаго Общества. Въ* 8; 135 *стран.*

Собранныя г. Шопеномъ свѣдѣнія касаются преимущественно топографіи Эриванскаго и Нахичеванскаго, а отчасти и Ордубадскаго уѣздовъ. Они относятся къ періоду до 1832 года. То, что не подлежитъ быстрому измѣненію, занимательно и поучительно для каждаго любителя статистическихъ свѣдѣній, тѣмъ болѣе, что хозяйственные очерки схвачены авторомъ на мѣстѣ со всею вѣрностію.

27. *Опытъ историческаго обзора развитія* пчелово
ства въ Россіи. *Сочиненіе* А. Покорска
Жоравко. *Изъ Трудовъ* Императорскаго *Во*
наго Экономическаго Общества. Въ 8; 73 *стр*
Съ рисунками въ текстѣ.

Здѣсь самыя древнія извѣстія, почерпнут
изъ лѣтописей и грамотъ, соединены съ воззрѣні
на состояніе у насъ пчеловодства въ нынѣшнее в
мя. Такимъ образомъ эта брошюра можетъ впо
удовлетворить любознательность людей, преданны
сей части сельскаго хозяйства.

28. Лѣсной Словарь. *Часть I. Составленъ въ*
партаментѣ Корабельныхъ Лѣсовъ. Съ буквы
до Исч. *Въ* 8; 639, *V и LIV стран.*

Начало преполезнаго предпріятія. Участіе
партамента Корабельныхъ Лѣсовъ въ этомъ изда
доставило ему надлежащее совершенство — и кн
безъ сомнѣнія всѣми принята будетъ съ благод
ностію.

II.

29. Драматическій альбомъ *для любит*
театра. Книжка вторая. *Въ* 8; 43 *стран.*

30. О промышленностяхъ *вообще и вліяніи ихъ на благосостояніе народное.* 2-ое дополненіе къ первому выпуску *курса опытнаго Русскаго сельскаго хозяйства. Сочиненіе* Д. Шелехова, *помѣщика Тверской губерніи. Въ* 8; 68 *стран.*

31. Атласъ музеума Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества. Томъ II, тетради 1 и 2. *Въ* 4; 8, 12 *и* 8 *стран. Съ чертежами.*

НОВЫЕ ПЕРЕВОДЫ.

I.

6 Исторія Фридриха Великаго. *Съ 500 р*
сунками Менцеля. Въ 8; выпускъ первый.

На Нѣмецкомъ языкѣ эту исторію сочини Куглеръ. Онъ, подобно многимъ изъ нынѣшни писателей, занялся трудомъ своимъ для изданія п немъ политипажей, приготовленныхъ Менцелем Извѣстно, что у писателей сего разряда литерат ное достоинство книги въ сторонѣ. Тутъ идетъ д объ удачномъ сбытѣ товара, на пріобрѣтеніе ко раго кладется капиталъ. Русскіе давно привыкли въ чемъ не отставать отъ иностранцевъ. Не смѣе не желать успѣха предпріятію соотечественник нашихъ, тѣмъ болѣе, что предметъ сочиненія и ревода заслуживаетъ самъ по себѣ всеобщее вни ніе и конечно когда-нибудь явится въ достойн шемъ видѣ изъ-подъ пера историка геніальнаго. добно только переждать господство нынѣшней мо столь унизительной для литературы.

7. *Описаніе* Англійской Полевой Артиллеріи. *Сочиненіе* г. Якоби, *поручика гвардейской Прусской артиллеріи, дополненное замѣчаніями* г. Мазе, *капитана Французской артиллеріи. Переводъ съ Французскаго. Въ* 8; *VII, XI и* 191 *стран.*

Вотъ книга и замѣчательная и полезная, не смотря на специальное свое содержаніе. Военные люди найдутъ въ ней множество предметовъ, которые представлены въ новомъ для нихъ свѣтѣ. Труды сего рода не теряютъ цѣны ни отъ различія мѣста, ни отъ различія времени.

8. *Основанія* промышленной механики, *выбранныя изъ трудовъ Христіана, Понсле, д'Обюиссона, Коріолиса, Гашетта, Ланца и Ветанкура, Дюпена, Борниса, Гениво, Леблана и проч.* Степаномъ Флаша. *Переводъ съ Французскаго, со втораго изданія, со многими дополненіями изъ Пуансо, Памбура, Тредгольда, Эвенса, Рюльма и Арманго. Въ* 8; *V и* 589 *стран. Съ таблицами чертежей.*

Истины, изложенныя въ сей книгѣ относительно одной изъ важнѣйшихъ наукъ нашего времени, собраны изъ источниковъ столь благонадежныхъ и чистыхъ, что для Русскихъ читателей тутъ много столь же совершенно новаго, какъ и назидательнаго. Мы увѣрены, что посвятившіе себя этой отрасли

учености примутъ переводъ г. Флаша какъ лучшую энциклопедію по ихъ части.

9. Юридическая Пропедевтика. *Сочиненіе* Р. А. Штекгардта. *Переводъ Ф. Г. Толля. Выпускъ* 1. *Въ* 8; 80 *стран.*

Въ Пропедевтику входятъ предметы, требующіе поясненія прежде, нежели излагается самая наука. Въ отношеніи къ Юриспруденціи подобное введеніе конечно болѣе необходимо, нежели въ отношеніи къ другимъ наукамъ. Но мы сожалѣемъ, что Юридическую пропедевтику начали издавать выпусками. Она, какъ часть Юридическихъ наукъ, у насъ еще довольно новая, могла бы въ сферѣ своей благопріятно подѣйствовать только занимательностію цѣлаго. Теперь, не оставляя тетрадями замѣчательнаго дѣйствія, она должна будетъ ограничиться весьма тѣснымъ кругомъ читателей, не смотря на свое неотъемлемое достоинство, какъ сочиненіе однаго изъ лучшихъ профессоровъ нашихъ.

10. *Наставленіе объ* оцѣнкѣ сельскихъ имуществъ. *Сочиненіе* А. Блока. *Переводъ съ Нѣмецкаго, изданный по распоряженію Г. Министра* императорскаго *Двора. Въ* 4; 342 *и VII стран.*

Пособіе, въ которомъ давно была чувствуема потребность владѣльцами сельскихъ имуществъ. Надобно желать, чтобы подобныя наставленія приспособлены были къ разнымъ мѣстамъ Имперіи.

II.

11. Божественная комедія Данте Алигіери. *Выпускъ* четвертый. *Въ* 8; *съ* 193 *по* 266 *и съ* 16 *по* 19 *стран.*

12. Шекспиръ. *Съ Англійскаго*, Н. Кетчера. *Выпускъ* тринадцатый. Часть IV. *Въ* 12; 112 *стран.*

13. Испанскій театръ. *Переводъ съ Испанскаго*, К. Тимковскаго. *Выпускъ* вторый. *Въ* 12; *со* 105 *до* 210 *стран.*

НОВЫЯ ИЗДАНІЯ.

5. *Торжество торжествъ, или* Канонъ святыя Пасхи, *изложенный въ стихахъ, съ краткимъ начертаніемъ жизни святаго Іоанна Дамаскина, сочинителя Канона*, Григоріемъ Долгомостьевымъ. *Изданіе* второе. *Въ* 12; 72 *стран.*

6. Славянская Хрестоматія, *или избранныя мѣста изъ произведеній древняго отечественнаго нарѣчія.* Четвертое *изданіе. Въ* 8; *XV и* 552 *стран.*

7. Всеобщій пѣсенникъ, *или полное собраніе лучшихъ всякаго рода пѣсенъ. Собранный* Колотилинымъ. *Въ шести частяхъ. Въ* 12; 112, 127, 142, 71, 152 *стран.*

ПРЕДЧУВСТВІЕ.

Не гляди на меня
Такъ, родная моя!
Пусть трепещется грудь молодая
И колѣна дрожатъ,
И палятъ и знобятъ
Меня жаръ или хладъ,
И порой я какъ будто нѣмая!...
Видно *то*, что во мнѣ,
Ужъ по горней странѣ
Встосковалось и хочетъ на волю...
Хочетъ вверхъ поскорѣй,
Гдѣ привольнѣй, свѣтлѣй,
Гдѣ провидитъ мнѣ лучшую долю!...
Тамъ не литься слезамъ.
Нѣтъ страданія *тамъ*:
Для дѣтей *тамъ* дворецъ есть чудесной!
Не скорби жъ, мать моя,
Что не станетъ меня:
Я *туда*, гдѣ *отецъ* нашъ небесной!

Авдотья Глинка.

15-е Марта
1843.

ГАЛИЛЕЙ ФАНЪ МОЛЯ И РАБЛЕ ФАНЪ ЭЙКГУТА *.

Глядите, какъ хорошъ, какъ томенъ онъ,
Сей юноша, смотрящій молча въ даль,
И головой приникнувшій свѣтлорусой
Къ изображенію всемірной сферы!
Какъ много думъ таится въ этомъ взорѣ!
Какъ грустію подернулось чело!
То Галилей... Онъ занятъ ужъ заранѣ
Призваніемъ своимъ, безсмертной тайной,
Разгаданной потомъ за цѣну мукъ,
Гоненія, тюрмы. Объ ней онъ мыслитъ —
И труженикъ усталый оперся
На сей предметъ его любимой думы,
Причину и залогъ его страданій.
Фанъ Моль творецъ его изображенья.

Францискъ Рабле... Чудесное явленье
Чудесныхъ дней и вѣка *Возрожденья*:
Монахъ, аббатъ, алхимикъ, и посолъ,
И медикъ, и писатель геніальный,
Другъ королей и папъ, и бичь ханжей,
И жертва злобы ихъ.. Францискъ Рабле,

* Надъ этими картинами въ *My home* поставлены №№ XV и XX. Соврем. Т. XXX, стран. 122.

Испытанный и счастіемъ примѣрнымъ,
И тяжкою, суровою судьбой,
Но завсегда безсмѣнно сохранившій
Свой свѣтлый умъ, веселый, кроткій нравъ,
Терпѣніе и бодрость крѣпкой воли,
Кто показалъ въ твореньяхъ и на дѣлѣ
Силена смѣхъ, Зоила остроту
Съ величіемъ и мудростью Сократа. .
Да и лицемъ, игрой природы странной,
На древняго Сократа онъ похожъ —
И Греческій философъ ожилъ въ немъ,
Духовный праотецъ, въ потомкѣ дальнемъ:
Окладъ лица, черты однѣ и тѣже,
И тотъ же лучь во взорахъ, въ тайной мысли.
Фанъ Эйкгутомъ написанъ образъ сей.

Графиня Е. Ростопчина.

ЭПИЛОГЪ *MY HOME.*

Вотъ всѣ они, жильцы мои и гости,
Мой пестрый кругъ, отъ всѣхъ концевъ земли,
Огъ всѣхъ вѣковъ собравшійся ко мнѣ!
Вотъ всѣ они, кого мечта моя,
Разугадавъ, такъ живо полюбила...
Придетъ пора—и комнаты уютной
Нестанетъ... и замрутъ пустыя стѣны...
И голосъ мой, и шумъ моихъ шаговъ,
И память обо мнѣ—все здѣсь умолкнетъ...
И Богъ вѣсть, гдѣ сама очнуся я!..
И разнесутъ, разбросятъ по угламъ
Свидѣтелей счастливаго *теперь*...
И этому *теперь* ударятъ часъ
Нещаднаго, безмолвнаго забвенья...
Но я—я ничего не позабуду,
Я ничего тогда не разлюблю!
Со мной они—безгласные друзья —
Останутся, хранясь въ воображеньи,
Когда—земной превратности послушны —
Всѣ прочіе друзья мнѣ измѣнятъ...
И времени полетъ ихъ не коснется,
И перемѣны въ нихъ я не увижу;
Ихъ взоры отъ меня не отвернутся;
Улыбку ихъ не смѣнитъ гордый хладъ.

Смотря на нихъ, завидую... желаю
Все невозможное... все то, что намъ
Здѣсь не дано—и дружбы неизмѣнной,
И прочныхъ благъ, и мирныхъ, ровныхъ дней...
Завидую... Спокойно, невредимо
Чего они въ теченьи многихъ лѣтъ
На бурномъ свѣтѣ семъ не пережили?
Чего еще не могутъ пережить?...
Охотно бы, съ восторгомъ бы сейчасъ
На участь ихъ свою я промѣняла...
И потушивъ, и убаюкавъ сердце,
Осталась, какъ они, въ блестящей рамѣ,
Спокойна... и привѣтна... и мертва.

Графиня Е. Ростопчина.

РОЗЫ.

Какъ хороши, какъ свѣжи были розы
Въ моемъ саду! какъ взоръ прельщали мой!
Какъ я молилъ весенніе морозы
Не трогать ихъ холодною рукой!

Какъ я берегъ, какъ я лелеялъ младость
Моихъ цвѣтовъ завѣтныхъ, дорогихъ!
Казалось мнѣ, въ нихъ разцвѣтала радость;
Казалось мнѣ, любовь дышала въ нихъ.

Но въ мірѣ мнѣ явилась дѣва рая,
Прелестная, какъ Ангелъ красоты;
Вѣнка изъ розъ искала молодая —
И я сорвалъ завѣтные цвѣты.

И мнѣ въ вѣнкѣ цвѣты еще казались
На радостномъ челѣ красивѣе, свѣжей;
Какъ хорошо, какъ мило соплетались
Съ душистою волной каштановыхъ кудрей!

И заодно они цвѣли съ дѣвицей!
Среди подругъ, средь плясокъ и пировъ,

Въ вѣнкѣ изъ розъ она была царицей:
Вокругъ нея вились и радость и любовь.

Въ ея очахъ веселье, жизни пламень;
Ей счастье долгое сулилъ, казалось, рокъ:
И гдѣ жъ она?... въ погостѣ бѣлый камень,
На камнѣ — розъ моихъ завянувшій вѣнокъ.

И. Мятлевъ.

1837.

ДАФНА.

ПОВѢСТЬ ОВИДІЯ.

(*Превращ. кн.* 1. *ст.* 452—567.)

Первая Феба любовь—Пенеева дочь; и не случай
Слѣпо ее породилъ, а жестокое мщенье Эрота.
Делоса богъ, недавней побѣдой надъ зміемъ надменный,
Видя однажды Эрота, сводящаго лукъ тетивою:
«Что тебѣ», молвилъ, въ оружіи грозномъ, изнѣженный отрокъ?
Этотъ доспѣхъ не тебѣ, а моимъ развѣ плечамъ приличенъ,
Кто и звѣрямъ и врагу наносить можетъ вѣрныя язвы,
Кто подъ тучею стрѣлъ низложилъ передъ симъ лишь надменность
Столько земли тяготившаго чревомъ зловреднымъ Пиѳона!
Ты будь доволенъ и тѣмъ, что безвѣстнымъ мнѣ свѣточемъ можешь
Страсть возбуждать; а славы себѣ не присвоивай нашей!»
Сынъ Венеры въ отвѣтъ: «Пусть твой лукъ поражаетъ все въ мірѣ;
Мой же — тебѣ, Аполлонъ; и сколько тебя уступаетъ
Прочая тварь, столько слава твоя ниже славы Эрота!»

Это сказавъ, встрепеталъ онъ крылами и, воздухъ разсѣкши,
Смѣло взлетѣлъ на одѣтую тѣнью вершину Парнаса.
Тамъ изъ среды стрѣлоноснаго лука извлекъ двѣ стрѣлы онъ
Разнаго свойства: одна любовь гонитъ, другая — раждаетъ.
Та, что раждаетъ любовь, остріемъ позолоченнымъ блещетъ;
Та, что гонитъ, тупа и конецъ ея трости—свинцовый.
Эту Эротъ въ сердце Нимфы Пенейской вонзилъ, а другою
Ранилъ Делійскаго бога, вогнавъ ее въ самыя кости.
Вдругъ Фебъ любить сталъ; а та, и названья любви убѣгая,
Бродитъ въ дремучихъ лѣсахъ и добычею ловли звѣриной
Сердце свое веселитъ—совмѣстница Фебы безбрачной.
Волосы Дафны, безъ всякой уборки, повязкой лишь сжаты;
Много у ней жениховъ; но она, жениховъ всѣхъ чуждаясь,
Мужа не хочетъ, невинная, знать, и въ лѣсахъ непроходныхъ
Ни о Гименовомъ ложѣ, ни о любви не помыслитъ.
Часто отецъ говорилъ: «Ты, дочь милая, зятя должна мнѣ!»
Часто отецъ говорилъ: «Ты должна мнѣ, родимая, внучатъ!»
Но у Дафны, боявшейся брачныхъ огней какъ проступка,
Яркимъ румянцемъ стыда загорались отъ словъ тѣхъ ланиты.

Ласково шею отца обвивая руками: «Родитель!
Милый родитель!» она отвѣчала, «оставь навсегда мнѣ
Дѣвство мое: и Діанѣ отецъ предоставилъ то прежде!»
Тотъ уступалъ; но вотще! красота воспрещаетъ, о дѣва!
Быть, чѣмъ желаешь, и волѣ твоей самый видъ твой— противникъ!
Делій любитъ, и встрѣтившись съ Дафной, желаетъ съ ней брака;
Вслѣдъ за желаньемъ — надежда въ душѣ: и ему лгутъ гаданья!
Точно какъ сушь на поляхъ, по снятьи колосьевъ, пылаетъ;
Какъ изгороды горятъ, если путникъ небрежный свой светочь
Иль близко къ нимъ поднесетъ, или броситъ подъ нихъ передъ свѣтомъ:
Точно такъ пламенемъ богъ сталъ объятъ; такъ онъ всѣмъ уже сердцемъ
Таетъ въ огнѣ и безплодную страсть услаждаетъ надеждой.
Видя, какъ волосы дѣвы небрежно вкругъ шеи віются:
Что было бъ, мнитъ онъ, когда бъ ихъ убрать? видитъ блескъ лучезарный
Звѣздамъ подобныхъ очей; видитъ крошки-уста, отъ которыхъ
Взора нельзя оторвать, выхваляетъ въ ней пальцы, кисть дланей,
Плеча ея, и отъ плечъ до локтей почти голыя руки.
Скрытое кажется лучшимъ еще. Но, быстрѣй легкихъ вѣтровъ,

Дафна бѣжитъ, и любовника зовъ не удержитъ бѣгущей.
«Нимфа, Пенеева дочь, умоляю, постой: я — не врагъ твой!
Нимфа, постой! Такъ лишь лань ото льва, такъ лишь агнецъ отъ волка,
Такъ отъ орла на трепещущихъ крыльяхъ лишь голубь несется:
Каждый изъ нихъ—отъ врага; а меня влечетъ страсть за тобою!
Ахъ! берегись, чтобы ницъ не упасть, иль о терньe не ранить
Ногъ, не рожденныхъ для язвъ: да не буду виной твоей боли!
Почва, по коей бѣжишь, неровна; о, молю тебя, тише
Мчись ты, удерживай бѣгъ: я и самъ буду слѣдовать тише.
Прежде узнай хоть, кому ты мила: я не горъ этихъ житель,
Я не суровый пастухъ; за стадами овецъ, за волами
Я не хожу. Не знаешь въ своемъ безразсудствѣ, не знаешь,
Чьей избѣгаешь любви: потому и бѣжишь ты! Мнѣ — Дельфы,
Островъ Кларъ, Тенедосъ и область Патарская служатъ.
Зевсъ — мнѣ отецъ; чрезъ меня все, что было, что есть и что будетъ,
Можно узнать; чрезъ меня согласуются съ пѣніемъ струны.
Мѣтокъ стрѣлы моей летъ; но увы! одна стрѣла въ мірѣ
Мѣтче моей, и она-то свободную грудь мнѣ пронзила.

Я изобрѣлъ врачевство; я подателемъ помощи всюду
Въ мірѣ слыву, и сила всѣхъ травъ моей власти покорна.
Горе! изъ нихъ ни одна не приноситъ любви изцѣленья!
Горе, что средства, полезныя всѣмъ, лишь владыкѣ — не въ пользу!»
Онъ продолжалъ бы еще; но пугливая Дафна все дальше
Мчалась, его самаго и слова безъ конца ихъ оставивъ.
Что жъ? и тогда показалась прекрасной она: встрѣчный вѣтеръ,
Ткани упорной одежды клубя, обнажалъ ея тѣло;
Зефиръ игривый назадъ отвѣвалъ распущенные кудри;
Бѣгъ лишь умножилъ красу — и юноша-богъ ужъ не въ силахъ
Долѣе ласки вотще расточать, и нещадно гонимый
Силой Эрота, ускореннымъ бѣгомъ преслѣдуетъ Нимфу.
Словно когда Галльскій песъ, завидѣвшій на полѣ зайца,
Ищетъ проворствомъ добычи себѣ, а добыча—спасенья:
Песъ, какъ бы впиться готовый въ нее, уже держитъ поживу
Въ мысляхъ своихъ, и протянутой мордой чуть-чуть не захватитъ;
Тотъ же не знаетъ и самъ, пойманъ ли онъ, и изъ лютыхъ
Звѣря зубовъ исторгая себя, близкій зѣвъ покидаетъ.
Такъ и съ четой: одинъ скоръ надеждой, другая — боязнью.
Но кто преслѣдуетъ, тотъ, окриляемый страстью самою,

Вдвое быстрѣе и отдыха чуждъ, и уже догоняетъ
Стыду ее и дыханьемъ небрежные кудри волнуетъ.
Дафна, лишенная силъ, истомленная скоростью бѣга,
Вся поблѣднѣла, и глядя на волны Пенея: «Подай мнѣ
Помощь, отецъ!» говоритъ, «коль вы, рѣки, могучи какъ боги!
Или земля раступись подо мной, или, бѣдъ всѣхъ причина,
Образъ, которымъ столь нравлюся я, измѣнись превращеньемъ!»
Только свершила мольбу, онѣмѣнье ей члены объемлетъ;
Нѣжныя перси ея одѣваются тонкой корою;
Листья растутъ изъ волосъ; изъ раменъ поднимаются вѣтви;
Ногу, недавно столь быструю, корни недвижные держатъ;
Верхъ возстаетъ изъ чела: остается все та же краса въ ней.
Фебъ, сохранившій любовь, приложа къ стволу правую руку,
Чувствуетъ ею еще, какъ подъ новой корой бьется сердце.
Вѣтви, какъ члены, руками обвивъ, уста прижимаетъ
Къ дереву онъ; но и дерево устъ отвращается Феба.
«Если», сказалъ тогда богъ, «ты подругой моей быть не можешь,
То хотя деревомъ будешь моимъ! Отсель навсегда ты,
Лавръ, у меня въ волосахъ, и на лирѣ моей, и на тулѣ.»
Ты обвивать будешь Римскихъ вождей, когда клики веселья
Станутъ тріумфъ возглашать, провожая ихъ ходъ въ Капитолій;
Ты и у вратъ Римскихъ Августовъ, вмѣсто вѣрнѣйшаго стража,

Будешь стоять, заключая возвышенный дубъ по срединѣ;
И какъ на юной моей головѣ не острижены кудри,
Такъ будь и ты украшаемъ неблекнущей зеленью вѣчно!»
Кончилъ Пеанъ. Тогда лавръ свои только-что взросшія вѣтви
Долу склонилъ, и вершиной кивнулъ, какъ главой, въ знакъ согласья..

М. Деларю.

ЛЕОНОРА КЪ ФАННИ.

(Продолженіе «Семейства».)

Итакъ ты скоро воротишься къ намъ, милая Фанни. Ахъ! мнѣ все еще это не вѣрится; я такъ счастлива, такъ рада, а между-тѣмъ я боюсь... но это вздоръ; пріѣзжай, пріѣзжай только скорѣе, и все будетъ прекрасно. Я чувствую, что мнѣ стоитъ только посмотрѣть тебѣ въ глаза—и все передо мной станетъ ясно... О вы, мои добрые глаза!— Габріэль и я называемъ ихъ всегда «наши голубые».— Какъ давно я васъ не видала. Цѣлые два года! Я теперь не понимаю, какъ я такъ долго могла жить безъ тебя; но правда и то, что мы никогда не были совершенно разлучены. Я слѣдовала за тобою въ большой свѣтъ, я разъѣзжала съ тобой по баламъ и концертамъ, я наслаждалась съ тобой твоими удовольствіями, твоимъ торжествомъ. Ахъ! какъ я рада, что я научилась любить тебя! Съ тѣхъ поръ я жила двойною жизнью, я была счастлива тобой. Теперь ты возвращаешься къ намъ; но будемъ ли мы опять такъ счастливы вмѣстѣ, какъ были прежде?

Ахъ, прости, прости мнѣ этотъ вопросъ! Мною овладѣваетъ иногда какое-то безпокойство. Ты говоришь такъ часто о большомъ свѣтѣ, объ удовольствіяхъ и

наслажденіяхъ, которыхъ—ты не найдешь дома. И потомъ всѣ твои новые знакомые—ахъ, Фанни! какъ бы они ни были любезны и занимательны, они не могутъ любить тебя, какъ мы, какъ я! А этотъ маіоръ Р***! Мнѣ страшно его, Фанни. Я нахожу очень естественнымъ, что *онъ* любитъ тебя; но.... но *ты*, Фанни! мнѣ больно, что и *ты* такъ любишь его. Ахъ, моя милая, добрая Фанни, не привязывайся къ нему слишкомъ, пока не...; но я огорчаю тебя, а мнѣ бы этаго не хотѣлось. Пріѣзжай, пріѣзжай только поскорѣе домой! У насъ такъ много чего расказать тебѣ, о чемъ спросить тебя, о чемъ поговорить съ тобой. Я надѣюсь, что теперь тебѣ понравится дома еще лучше, нежели прежде: мы придумали кое-какія украшенія. Ты опять будешь раздѣлять съ нами наши пріятныя бесѣды за столомъ, будешь сидѣть съ нами за завтракомъ, который я такъ люблю, и за чаемъ, который для тебя пріятнѣйшее время: въ эту пору, помнишь! мы собирались и вмѣстѣ проводили вечера такъ весело и иногда такъ дурачились. Сегодня поутру я вынула изъ шкапа твою чайную чашку, и поцѣловала на краешкѣ то мѣсто, гдѣ сошла позолота. Мы опять будемъ вмѣстѣ читать, Фанни; будемъ вмѣстѣ думать и говорить о прочитанномъ; вмѣстѣ будемъ гулять и вмѣстѣ наслаждаться прохладою и тишиною въ лѣсу. И кабы мы могли такимъ образомъ итти неразлучно по пути жизни, стараясь совершенствовать самихъ себя и способствовать къ счастію другъ друга и всѣхъ окружающихъ

насъ, смиренно благодаря Бога за то, что Онъ намъ ниспосылаетъ, и восхищаясь его твореніями — какъ прекрасно было бы это! И можемъ ли мы лучше провесть нашу молодость, лучше наслаждаться жизнію?

Я знаю, что эта тихая жизнь не для всякаго, и что ею можно наслаждаться не во всякую пору жизни. Бури неизбѣжны. И для меня была пора страданій, тревогъ и внутреннихъ бореній. Теперь, слава Богу, все прошло! И чувство, возмущавшее мое спокойствіе, освѣтило мой жизненный путь. Оно расширило міръ души моей, оно послужило къ моему исправленію, и теперь, когда я уже перестала желать сильныхъ и необыкновенныхъ ощущеній, я каждый день лучше научаюсь цѣнить сокровища, окружающія меня въ тихомъ семейномъ быту. О! я вижу, что истинное счастіе можно найти только во вседневныхъ мелочахъ жизни. Кто постигъ это, для того нѣтъ ни однаго потеряннаго часа, нѣтъ минуты, въ которую онъ не находилъ бы случая благодарить Провидѣніе. Необходимое условіе счастія есть миръ — миръ внутренній и внѣшній. Миръ—солнце, при свѣтѣ котораго сверкаетъ и малѣйшая росинка жизни.

О, кабы я могла освѣтить лучемъ его одно сердце, которое...; я должна приготовить тебя къ перемѣнѣ, къ большой потерѣ въ нашемъ домѣ. Ты знаешь, что съ нѣкотораго времени такъ безпокои-

ло меня. Это не могло продолжаться. Петрею должно было удалить: того требовало спокойствіе Луизы и Якоби, столько же, какъ и ея собственное. Она сама это видѣла, и когда мы узнали о возвращеніи къ намъ Якоби, она открыла свое сердце родителямъ. Это было благородно и похвально съ ея стороны и принято ими съ обыкновенною ихъ добротою и благоразуміемъ. Папенька самъ свезъ ее къ своему другу, епископу Б. Да хранитъ ее Богъ! — Я плачу за нее, но надѣюсь, что все къ лучшему. Въ пылкомъ сердцѣ ея бьетъ свѣжій цѣлительный ключь, и пребываніе въ деревнѣ (любимый ея образъ жизни), перемѣна мѣстности, людей, занятій навѣрное....

Я была прервана — прибытіемъ Якоби! О, слава Богу, что Петрея теперь подъ сѣнью лѣсовъ Фурудальскихъ. Слава Богу и для ея бѣднаго сердца, и для Якоби съ Луизой, которые въ ея присутствіи не смѣли бы быть счастливыми. Теперь они наслаждаются такимъ полнымъ блаженствомъ. Послѣ шести лѣтъ ожиданія, постоянной любви и надеждъ, Якоби наконецъ достигъ цѣли своихъ желаній — соединенія съ Луизой и пастората! Послѣднимъ онъ обязанъ — кромѣ собственнаго достоинства — своему любезному покровителю, несравненному, единственному Генералу О***. Онъ своимъ вліяніемъ склонилъ двухъ изъ самыхъ значительныхъ помѣщиковъ въ большомъ Т..мъ приходѣ подать свои голоса въ пользу Якоби, который, не смотря на свою молодость,

по какому-то случаю внесенъ былъ въ число кандидатовъ. Итакъ онъ получаетъ одинъ изъ самыхъ лучшихъ и большихъ пасторатовъ въ цѣломъ Епископствѣ, и наша Луиза будетъ почтенной пасторшей; а со временемъ — какъ она сама предсказываетъ — «пробстинной (женою старшаго пастора).» Одно неудобство при всемъ этомъ счастливомъ стеченіи обстоятельствъ: Луиза и Якоби будутъ жить такъ далеко отъ насъ; а они всегда желали, чтобы Якоби достался приходъ городской. Тогда бы мы продолжали жить вмѣстѣ, и отбытіе Луизы изъ родительскаго дома не такъ было бы замѣтно для насъ, но. . .«но на землѣ не существуетъ совершеннаго счастія!» говоритъ со вздохомъ наша добрая, умная *старшая*. Такъ-какъ избирательное собраніе назначено въ началѣ весны, и Якоби долженъ вступить въ должность вскорѣ послѣ своего назначенія, то онъ желаетъ отпраздновать свадьбу около Троицына дня, чтобы ему молодую супругу провезти въ свою пастушью хижину по пути, усѣянному цвѣтами и оживленному пѣніемъ ласточекъ. Гофмаршальша шутя говоритъ имъ, чтобы они только не стали настоящими номадами. Въ самомъ дѣлѣ трудно найти кого-нибудь, кто бы такъ любилъ коровъ, телятъ, барановъ и вообще всѣхъ домашнихъ животныхъ и птицъ, какъ Луиза. Будущіе супруги впередъ занимаются устройствомъ своего хозяйства, и Габріэли ничто такъ не забавляетъ, какъ отрывочныя фразы ихъ разговоровъ, доходящія до ея ушей, когда они, сидя на маленькой софѣ въ

библіотекѣ, говорятъ попеременно о любви и о хозяйствѣ. Но они бесѣдуютъ не только объ одномъ этомъ; сердце Якоби исполнено самаго пламеннаго человѣколюбія, а батюшка удѣлилъ намъ всѣмъ — болѣе или менѣе — своего усердія къ общей пользѣ, хотя Габріэль и увѣряетъ, что ей досталась отъ него только самая крошечная частичка.

Весело смотрѣть на нашихъ влюбленныхъ, какъ они вмѣстѣ отправляются за покупками и всегда возвращаются домой предовольные своими пріобрѣтеніями. Луиза находитъ такъ несравненно прекрасными всѣ вещи, которыя она припасаетъ, и восхищается наравнѣ глиняной и серебряной посудой. Когда я вижу, какъ они съ Якоби, подобно двумъ птичкамъ, собираютъ понемногу, изъ чего свить себѣ гнѣздышко, и щебечутъ при всякой соломенкѣ, которую имъ удастся заготовить для него, то мнѣ всегда кажется, что веселѣе поселиться въ бѣдной хижинѣ, устроенной собственными трудами, нежели въ пышныхъ хоромахъ, приготовленныхъ чужими руками. Въ первомъ случаѣ уже впередъ знакомишься со всѣми своими вещьми, привыкаешь къ нимъ, дружишься съ ними, и къ этому вѣрно никто такъ не способенъ, какъ наша Луиза. Мы теперь всѣ очень заняты приготовленіемъ къ свадьбѣ; но папенька по-видимому не радуется этому событію....оно удалитъ одну дочь изъ круга его любезныхъ. Онъ такъ любитъ видѣть насъ всѣхъ вокругъ себя. Я внутренно радуюсь и

благодарю его за это. A propos! Мы готовимъ ему на старость кое-что очень пріятное, а вмѣстѣ съ нимъ и маменькѣ. Ты помнишь большое заросшее мѣсто за нашимъ садомъ, которое хозяинъ его не разсудилъ ни обработать, ни подарить намъ; это мѣсто намѣреваемся мы..... но я раскажу тебѣ это изустно! Петрея заразила насъ всѣхъ, даже нашу старшую своею страстью къ большимъ предпріятіямъ, и....какое сладостное чувство заниматься счастіемъ тѣхъ, которые такъ нѣжно, такъ неутомимо занимаются нашимъ счастіемъ!

Теперь нѣсколько словъ о нашихъ друзьяхъ и знакомыхъ.

Тѣ и другіе очень часто освѣдомляются о тебѣ. Дядя Мунтеръ ворчитъ, что ты не ѣдешь; междутѣмъ онъ (обыкновенно по середамъ и субботамъ) завтракаетъ съ нами, бранитъ наши сухари и — убираетъ ихъ съ большимъ апетитомъ. Съ нѣкотораго времени я нахожу, что онъ сталъ любезнѣе прежняго; нравъ его сдѣлался мягче; что до его сердца, оно всегда было мягко. Онъ другъ и докторъ всѣхъ бѣдныхъ. Недавно онъ купилъ себѣ маленькую дачу за милю отъ города. Это мѣсто будетъ, какъ онъ говоритъ, отрадою его старости и называется «Стариковская роза.» Не правда ли, какое милое названіе?

Анета П. не довольна житьемъ у своей сварливой невѣстки; она не жалуется, но взоръ ея, блѣдность, и все въ ней показываетъ, что она очень несчастна. Намъ надобно привлечь ее къ себѣ, Фанни, и постараться примирить ее съ судьбою.

Тутъ входитъ Габріэль и проситъ, чтобы я въ своемъ письмѣ оставила мѣсто для ея каракуль! Признаться, это для меня не малая жертва: но можно ли ей въ чемъ-нибудь отказать? По мнѣ такъ нѣтъ; и потому я должна поскорѣе окончить мое письмо.

Ты найдешь у насъ новаго знакомца —молодаго барона Роджера Л.; но не думай, чтобы онъ былъ помѣшанъ, какъ тебѣ съ перваго взгляда можетъ показаться. Онъ сынъ друга батюшки, и живетъ у насъ въ домѣ, чтобы подъ его руководствомъ приготовиться къ службѣ. Онъ, что называется «diamant brute» и ему недостаетъ полировки во многихъ отношеніяхъ. Между-тѣмъ, если не ошибаюсь, его дикій нравъ начинаетъ дѣлаться болѣе ручнымъ. Малѣйшее слово маменьки затрогиваетъ его чувство, и онъ страхъ-какъ боится попасть въ немилость къ нашей маленькой госпожѣ; за то проповѣди нашей старшей не производятъ на него особеннаго впечатлѣнія. Ему только девятнадцать лѣтъ. Старая Бригитта боится его и не смѣетъ пройти мимо его изъ опасенія, чтобы онъ не вспрыгнулъ на нее. Ахъ , и

она принадлежитъ къ тѣмъ многимъ, которые отъ всего сердца радуются твоему пріѣзду. Она ужасно боится, чтобы ты не вышла замужъ и не осталась въ «этой норѣ», какъ она называетъ Стокгольмъ.

Генрихъ останется съ нами на Рождество. Тебѣ непремѣнно надобно пріѣхать, чтобы расшевелить его. Онъ нынче совсѣмъ не такъ веселъ, какъ бывало. Я подозрѣваю, что причиною его грусти несогласіе его съ Шернгёкомъ. Ахъ! зачѣмъ эти двое никогда не могутъ понимать другъ друга? Надобно прибавить, что у Генриха ничего нѣтъ въ виду. Дай Богъ, и для него и для маменьки, чтобы ему повезло!

Петрея воротится къ намъ не прежде, какъ послѣ Луизиной свадьбы. Когда-то мы будемъ опять всѣ вмѣстѣ дома? Только тогда, мнѣ кажется, жизнь вполнѣ прекрасна и радостна. Но будемъ ли мы когда-нибудь опять *всѣ* вмѣстѣ?

Сара? Ахъ! вотъ уже слишкомъ четыре года нѣтъ объ ней ни слуху, ни духу, и всѣ наши старанія и попытки узнать что-нибудь о ней остались безуспѣшны. Можетъ быть, ея ужъ и въ живыхъ нѣтъ. Много слезъ мы пролили за нее. О, кабы она воротилась къ намъ! Теперь мы были бы счастливѣе вмѣстѣ, нежели прежде; я чувствую это. У нея было доброе, благородное сердце; но она совратилась съ

пути истины. — Я слышу приближеніе тихихъ шаговъ маменьки. Я предчувствую, что она несетъ мнѣ добрую вѣсточку...

Ахъ, да! я угадала! Это письмо отъ тебя, милая Фанни! Ты еще не можешь назначить дня твоего отъѣзда; — какъ это скучно! Но ты будешь скоро назадъ — и за то слава Богу! Ты любишь Стокгольмъ; и я также! Въ Стокгольмѣ тебѣ было весело, и мнѣ бы хотѣлось обнять его за это, а еще болѣе за то, что онъ тебя отпускаетъ и позволяетъ намъ обнять тебя. Я дошла до конца страницы, а на слѣдующую абонировалась Габріэль. Оставляю тебя, и буду теперь писать къ той, которая оставила насъ со слезами, но которая, я надѣюсь, возвратится къ намъ съ улыбкою.

Отъ Габріэли.

Рано утромъ.

Не успѣла написать тебѣ вчера вечеромъ и должна встать до разсвѣта, чтобы сказать тебѣ, что только твое возвращеніе можетъ утѣшить меня въ отсутствіи Петреи. Мы всѣ ужасно скучаемъ по нашей розочкѣ! Кромѣ твоихъ родныхъ, я знаю еще однаго человѣчка, который скучаетъ по тебѣ. Надобно сказать тебѣ, что мы съ дядей Мунтеромъ нынче почти подружились. Дружба наша завязалась въ чистомъ полѣ; потому-что въ комнатѣ онъ никогда

не бываетъ слишкомъ любезенъ. Но на гуляньѣ высказывается его прекрасная душа. Петрея и я пускались съ нимъ въ далекія странствованія. Тогда онъ становился веселъ и привѣтливъ; тогда онъ собиралъ съ нами травы, расказывалъ о разныхъ семействахъ въ царствѣ прозябаемомъ, объ особенной жизни и исторіи многихъ растеній. Знаешь, какъ весело знать немножко обо всемъ этомъ! кажется, какъ будто самъ роднишься со всѣми этими семействами. Ахъ! часто мнѣ приходитъ тогда на умъ, какъ много въ жизни прекраснаго и занимательнаго, и мнѣ кажется, что *нельзя* не быть счастливымъ въ здѣшнемъ мірѣ, если только умѣешь видѣть и постигать всѣ чудеса, которыми онъ наполненъ, и тогда я какъ птичка завожу пѣсни отъ одной радости, что живу. Между-тѣмъ дядя Мунтеръ и я отчаянно предались садоводству. Къ Рождеству мы намѣреваемся произвести на свѣтъ сирени бѣлыя и лиловыя; — прошу не шутить! Однако я иногда чуть не плачу отъ сожалѣнія, что носу моей доброй Петреи не достанется понюхать ихъ. Теперь я должна кончить, потому-что — тебѣ надобно знать — я на неопредѣленное время взяла на себя надзоръ за завтракомъ; итакъ я иду *взглянуть* на него; Бергстремъ къ счастію распоряжается такъ, что мнѣ больше ничего не остается дѣлать. Потомъ я пойду посмотрѣть на мою махровую розу, не вышло ли на ней новой почки, а тамъ пойду посмотрѣть на мою мамочку; а тамъ мнѣ непремѣнно надобно бросить изъ окошка взглядъ на листья

въ саду, которые прощально киваютъ мнѣ, готовясь падать съ вѣтвей; на солнышко, которое теперь всходитъ такъ ярко и свѣтло, надобно также бросить взглядъ — лучь изъ солнца моихъ глазъ, изъ глубины моего признательнаго сердца; и чтобъ исполнить всѣ эти важныя дѣла и обязанности для блага государства, я должна проститься съ тобой, любезная Фанни!

ПЕТРЕЯ КЪ ЛЕОНОРѢ.

Изъ гостинницы въ Д.

Насталъ вечеръ; папенька ушелъ со двора, чтобы сдѣлать нужныя распоряженія къ нашему завтрашнему путешествію водой. Я осталась одна; за грязными окошками гостинницы стелется густой туманъ; въ глазахъ моихъ также туманъ; сердце тяжело и полно; — я должна поговорить съ тобой. О Леонора! итакъ совершилось; горестный шагъ сдѣланъ, — я разлучена съ своимъ домомъ, съ своими родными; долго не увижу вашихъ ласковыхъ взоровъ, не услышу твоего отраднаго голоса, — и все это потому, что я не достойна этаго счастія, потому, что я возмутила миръ моего семейства; да, Леонора, напрасно ты стараешься извинить меня и примирить съ собою; я знаю, что я преступна, что я желала, что я хотѣла — по крайней мѣрѣ тогда - - о! какъ бы я хотѣла теперь, какъ при прощаніи съ Луизой, прижать полы ея платья къ моимъ губамъ и сказать ей «прости, прости!» Я сама себя приговорила, сама себя изгнала. я бѣгу... бѣгу, чтобы не возмущать болѣе его и ея счастія. Я была тучей на ихъ небѣ; а зачѣмъ тутъ быть тучѣ? Пускай вѣтеръ разсѣетъ ее! О Леонора! какое горькое, невыразимо-горькое чув-

ство, съ сердцемъ исполненнымъ благодарностію, не имѣть возможности сдѣлать для того, кого любишь, ничего лучшаго, какъ—скрываться отъ него, уничтожать себя. Но лучше это, въ милліонъ разъ лучше зарыться въ землю, нежели огорчить его и ее! Поистинѣ, если бъ было нужно для ихъ счастія, я бы могла какъ зерно истлѣть подъ землею, чтобы потомъ подняться для нихъ зернистымъ колосомъ, — это было бы для меня сладостно и отрадно, Леонора! Прославляютъ тѣхъ, кто умираетъ для любви, для чести, для религіи, для какой-нибудь высокой и благородной цѣли. Зачѣмъ это? Не милость ли Божія даритъ такую смерть? Это жизнь въ смерти. Есть жизнь подобная смерти, смерти, которая тянется долгими безконечными днями... быть въ тягость себѣ самой, никого не радовать своимъ существованіемъ... о какъ это горько! Зачѣмъ стремленіе къ блаженству, къ наслажденію, какъ вѣчная жажда, томитъ душу человѣческую, если мы какъ Танталъ не можемъ прикоснуться къ освѣжительному источнику? — Леонора! Глаза мои горятъ, голова болитъ, сердце бушуетъ. Я недовольна собою, я не добра, не покорна. Въ душѣ моей хаосъ. Немного земли на голову и на грудь — вотъ что облегчило бы меня.

На пароходѣ.

Благодарю, благодарю тебя, Леонора, за твою подушку; я на ней истинно отдохнула. Вчера вечеромъ я думала, что не на шутку заболѣю, я то

лихорадочно дрожала, то горѣла; у меня ужасно болѣла голова; я чувствовала ломъ во всѣхъ костяхъ. Но когда я положила голову на твою маленькую подушку, когда я приникла къ тонкой наволочкѣ, которую твоя золотая ручка искусно украсила шитьемъ; тогда мнѣ было, какъ будто бы твой духъ что-то мнѣ нашептывалъ изъ нея; я стала вдругъ спокойна, все дурное во мнѣ утихло, такъ внезапно, такъ чудесно; я спала сладко, и поутру, когда меня разбудили, я очень удивилась, чувствуя себя здоровою тѣломъ, спокойною духомъ. Это — дѣйствіе твоей подушки, Леонора; я поцѣловала ее и поблагодарила тебя. О, да! добрые люди сообщаютъ частицу своей жизни, своей силы всему, что имъ принадлежитъ. Я чувствовала это въ нынѣшнюю ночь.

Мы пошли на пароходъ. Морской волшебникъ прогремѣлъ и полетѣлъ по морю. Я въ первую минуту помнила только, что онъ уноситъ меня отъ васъ и, нагнувшись надъ балюстрадою, плакала. Тогда я почувствовала прикосновеніе двухъ рукъ, которыя осторожно и нѣжно обняли меня: это былъ батюшка; онъ окуталъ меня въ теплый плащъ; на груди его я подняла голову. Утро было ясное; бѣлыя, огненныя облака носились, гонимыя утреннимъ вѣтромъ надъ синею глубиною; волны пѣнясь разбивались о пароходъ; по обѣимъ сторонамъ разстилались зеленые луга и густыя рощи; горизонтъ разширялся. Я стояла лицемъ къ вѣтру и открытому

пространству; морская пѣна брызгала мнѣ въ губы и глаза; легкій трепетъ пронималъ меня, и я чувствовала, что жизнь прекрасна. Да, въ этотъ утренній лучезарный часъ, и на свѣжемъ живительномъ вѣтрѣ, я чувствовала, какъ злые демоны оставляли мою душу, туманъ разсѣевался, дурнота проходила. Я упивалась утреннимъ вѣтромъ, я открыла сердце для жизни, я хотѣла бы открыть ей и всѣмъ милымъ мнѣ мои объятія и сказать имъ тайное предчувствіе души моей! Любовь къ вамъ, мои дорогіе, вылечитъ меня, дастъ мнѣ силу жить вамъ на радость.

Другой день на пароходѣ.

Я бы желала знать, можетъ ли глубокая душевная скорбь устоять противъ долгаго морскаго путешествія. Есть что-то необыкновенно крѣпящее и какъ будто обновляющее въ этой жизни, въ этомъ движеніи, въ этомъ свѣжемъ вѣтрѣ. Онъ свѣваетъ пыль съ глазъ души, и даетъ ей способность лучше видѣть себя и все въ мірѣ; удаляешься отъ своего прежняго *я*, и идешь впередъ, чтобы возстать на новомъ берегу, среди новыхъ отношеній; начинаешь какъ будто новую жизнь.

Вчера была буря. Кромѣ батюшки, я одна изъ всѣхъ пассажировъ была здорова. Поэтому я могла помогать больнымъ. Правда, что это имѣло свои непріятности. Правда, что я иногда падала съ графиномъ или гофманскими каплями въ рукахъ; но за то

я видѣла разныя смѣшныя сцены, разныя особенности человѣческой природы; я смѣялась, дѣлала свои замѣчанія, забывала самое-себя и была въ ладу со всѣмъ человѣчествомъ. Я бы очень годилась въ прислужницы на пароходѣ.

Подъ вечеръ буря утихла и на морѣ и на пароходѣ. Я сидѣла одна на палубѣ почти до полуночи. Волны еще пѣнились около пріятно-качающагося парохода, и вѣтеръ свистѣлъ въ канатахъ; вслѣдъ за блестящей маленькой звѣздочкой взошелъ полный мѣсяцъ надъ моремъ и освѣтилъ темное пространство своимъ блѣднымъ, чуднымъ свѣтомъ. Какъ это было невыразимо-прекрасно! Во мнѣ пробудились чувства, мысли невыразимыя, полныя любви и грусти и чего-то еще высшаго, сильнѣйшаго: то было какое-то стремительное желаніе, котораго я не умѣю назвать. Я хотѣла— — сама не знаю чего. Но я знаю, чего я не хочу, чего я боюсь. Я боюсь спокойной, чопорной жизни, въ которую я опять должна вступить; приличія, формы, общественная жизнь, все это сжимаетъ духъ мой и возбуждаетъ его къ крайностямъ. Вмѣсто того, чтобъ сидѣть въ избранномъ обществѣ и пить чайную воду въ «high life,» я предпочла бы странствовать по морю вокругъ свѣта, питаться стрекозами въ пустынѣ и носить платье изъ верблюжьей шерсти. Послѣднее должно быть очень покойно въ сравненіи съ нашими узкими дамскими платьями. Жизнь такъ разнообразна въ своихъ

явленіяхъ. «Волшебное кольцо» міра—какъ мнѣ найти дорогу и мѣсто въ тебѣ? Леонора! Прости, что я такъ много говорю о себѣ самой. Ты избаловала меня этимъ, ангелъ мой! Послѣ обѣда мы прибудемъ въ Фурудаль.

Фурудаль.

Вотъ мы на сушѣ. Я бы желала быть на морѣ. Выхожу изъ гостиной, гдѣ я претерпѣла кораблекрушеніе. Злой геній всегда заставляетъ меня говорить или дѣлать что-нибудь не кстати. Сегодня вечеромъ я запутала нитяный клубокъ Епископши и расказала глупый анекдотъ о близкомъ ея родственникѣ. Я хотѣла сказать острое словцо, а это мнѣ никогда не удавалось и не удается.

Люди здѣсь по-видимому добрые. Епископъ, маленькій, блѣдненькій человѣчекъ, съ какимъ-то ангельскимъ выраженіемъ въ голосѣ и взорѣ, но...; но со мной ему не время заниматься. Онъ живетъ въ своихъ книгахъ и должностныхъ дѣлахъ: къ тому же онъ почти всегда въ городѣ. Епископша, которая живетъ всегда здѣсь за городомъ, очень слаба здоровьемъ. Я буду за нею ухаживать и читать ей вслухъ. Это меня радуетъ. Дай Богъ, чтобъ она меня полюбила! Оба обошлись очень ласково съ дочерью моего отца, хотя я думаю, что она показалась имъ вовсе не любезною. И то сказать, что въ ихъ глупой гостиной была нестерпимая жара, а у

меня лицо горѣло отъ вѣтра, и я была красна какъ піонъ. Это одно ужъ можетъ привесть человѣка въ отчаяніе. Все это вздоръ, но все-таки непріятно. Досадно никогда не нравиться тѣмъ, которымъ желала бы нравиться. . . . .

Я разобрала чемоданъ, въ которомъ вы все такъ искусно уложили для меня; — то новыя, то подновленныя платья валились ко мнѣ на колѣни одно за другимъ — сестрицы! это ваши труды. Туалетъ мой въ порядкѣ на цѣлую зиму! Какія вы добрыя! Я тотчасъ узнала Луизину работу. О, я не могу удержаться отъ слезъ! Мои любезные! мое родное пепелище!

Нѣсколько дней спустя.

Сосны шепчутся тихо и освѣжительно. Я возвращаюсь съ гулянья. Горы, лѣса, одиночество съ природой — — восхитительно!

О Леонора! Я хочу начать новую жизнь. Я хочу освободиться отъ своего прежняго *я*, отъ тщеславія, причудъ, себялюбія! Всѣ лестные знаки памяти, всѣ записки и сувениры, какіе были получены мною отъ мущинъ и отъ дамъ, я уничтожила. Посылаю тебѣ при семъ маленькую сумму денегъ, вырученную за драгоцѣнности, которыя я продала съ нѣкоторыми собственными издѣліями. Купи на нее

для Луизы и Якоби что-нибудь такое, что бы имъ было пріятно. Но ради Бога, не дай имъ догадаться, что это отъ Петреи; я серіозно прошу тебя о томъ. Если бъ я могла продать самоё-себя за приличную цѣну и обогатить ихъ, то.....

У меня здѣсь много свободнаго времени, и я знаю, какъ воспользоваться имъ. Я буду много гулять; буду странствовать по лѣсамъ и полямъ, въ бурю, въ снѣгъ, во всякую погоду, до того, что устану, по крайней мѣрѣ тѣломъ. Можетъ быть, тогда душа моя успокоится!.. Вотъ все, что нужно для моего счастія. И что нужды, если я и не буду счастлива, только бы я сдѣлалась добра и чиста душою! Ахъ, кабы только пора испытанія, — жизнь, была не такъ продолжительна! Леонора, добрый мой ангелъ, молись за меня!

Будьте всѣ счастливы! Всѣмъ нѣжный поклонъ отъ

твоей Петреи.

P. S. Носъ мой низко кланяется Габріэли и является здѣсь лично, съ надлежащей обстановкой, для засвидѣтельствованія ей своего почтенія. Ей не надобно думать, что я упала духомъ. Посылаю также маленькую балладу или романсъ. Мнѣ напѣлъ его вчера лѣсъ, и всякій мелодическій звукъ, который жизнь напѣваетъ душѣ моей, долженъ отозваться — дома. О! какъ я всѣхъ васъ люблю!

—

И теперь, покуда наша Петрея въ деревенскомъ уединеніи приготовляется къ новой жизни, покуда снѣгъ падаетъ на землю, чтобы приготовить ее къ новой веснѣ, мы возвратимся въ знакомое наше жилище въ городѣ и раскажемъ, что тамъ происходитъ.

РАЗГОВОРЪ.

Якоби уѣхалъ. Насталъ Октябрь съ своими вихрями, съ своими долгими вечерами, столь мрачными и тягостными для тѣхъ, кому они не освѣщаются свѣтлыми мыслями и привѣтливыми взорами.

Въ одинъ вечеръ, когда Генрихъ сошелъ внизъ пить чай, онъ былъ необыкновенно блѣденъ. На вопросы сестеръ о причинѣ этой блѣдности, онъ отвѣчалъ, что у него болитъ голова и прибавилъ полушутя, полусеріозно: «Не худо будетъ освободиться когда-нибудь отъ этаго тяжелаго тѣла! — Оно такъ мѣшаетъ!»

«Какъ ты можешь такъ говорить!» сказала Луиза, «лучше оставаться при немъ и напрягать его умѣренно, а не просиживать надъ книгами по цѣлымъ ночамъ и потомъ страдать головною болью по цѣлымъ днямъ!»

«Благодарю всепокорнѣйше за мораль, ваше величество! Но если мое тѣло не хочетъ служить моей душѣ, а хочетъ поработить ее себѣ, то я не могу не ссориться съ нимъ и не досадовать на него.»

«Въ куколкѣ зрѣетъ бабочка!» сказала съ остроумной улыбкой Габріэль, сыпля розовые листочки на двѣ куколки, которыя должны были зимовать на ея цвѣтахъ.

«Правда!» сказалъ Генрихъ, «но какъ ея скорлупа тяготитъ крылышки бабочки! Меня тяготитъ земная кукла! Какъ душа могла бы жить, дѣйствовать, наслаждаться, если бы ея не было! Какъ бы можно было чувствовать и мыслить въ свѣтлыя минуты! Какъ наши понятія были бы ясны! наши чувства божественно-живы! Хотѣлось бы прижать весь міръ къ груди своей, прозрѣть все своимъ взоромъ, проникнуть все своимъ огнемъ. О, какая полнота, какой свѣтъ! . . . .
. . . .

«Милый Генрихъ!» сказала Луиза съ неудовольствіемъ, «ты, кажется, самъ не знаешь, что̀ говоришь.»

«Да,» продолжалъ Генрихъ, не обращая вниманія на слова сестры, «такъ можно чувствовать, но только одну минуту. Въ слѣдующую кукла опять закрывается и всею своею тяжестью напираетъ на ваше существо своею земной пыльной скорлупой, и мы нѣмѣемъ, засыпаемъ и падаемъ съ поднебесья на землю. Тогда видишь въ книгахъ одни печатныя

слова, не находишь въ душѣ ни мысли, ни чувства, и ощущаешь холодность и нерасположеніе къ людямъ, къ которымъ за минуту передъ тѣмъ сердце горѣло любовью. Есть отъ чего притти въ отчаяніе!»

«Гораздо лучше лечь въ постель и выспаться», сказала Луиза, «тогда пройдетъ и головная боль и тяжесть.»

«Но это преглупое лекарство по мнѣ!» сказалъ Генрихъ улыбаясь. «Несносно, что нужно такъ много спать! И къ чему можетъ быть годенъ сонный колпакъ? «Les hommes puissants veillent et veulent!» говоритъ справедливо Бальзакъ. И такъ-какъ моя жалкая, тяжелая натура требуетъ такъ много сна, то изъ меня вѣроятно никогда не выйдетъ ничего великаго. И все, что есть чуднаго, восхитительнаго въ эти минуты ясновидѣнія души, именно причиною, что человѣкъ чувствуетъ себя такимъ ничтожнымъ, когда онѣ улетятъ. Ахъ! я понимаю, что есть люди, которые стараются вызывать или удерживать ихъ внѣшними раздражительными средствами, и огнемъ вина пробуждать огонь души.»

«Поэтому ты понимаешь то, что очень дурно и неблагоразумно!» сказала Луиза. «Этимъ-то пробужденіямъ мы и обязаны такимъ множествомъ пьяницъ и негодяевъ въ Швеціи, что страшно ходить по улицамъ!»

«Я не защищаю этаго, милая Луиза!» отвѣчалъ Генрихъ съ кроткою улыбкой, вызванной ревностью сестры, «но не менѣе того я могу понимать и, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, извинять это. Жизнь бываетъ иногда такъ тягостна, а минуты вдохновенія придаютъ ей такую полноту: они похожи на мгновенные проблески вѣчной жизни!»

«Они дѣйствительно то̀ и есть!» сказала Леонора, которая со вниманіемъ слушала брата и которой кроткіе глаза наполнились слезами при его словахъ. «Такую ясность и полноту жизни мы вѣрно будемъ чувствовать, когда высвободимся изъ куклы, изъ оковъ не только тѣла, но и души. Можетъ быть, эти минуты даются намъ на землѣ для того, чтобы привлечь насъ къ небесной родинѣ и познакомить съ ея воздухомъ.»

«Это прекрасная мысль. Леонора! Если эти проблески въ самомъ дѣлѣ откровенія нашей внутренней, настоящей, здѣсь покамѣстъ окованной жизни, то, Боже мой! какъ прекрасно... Но ахъ! долгія, безконечныя минуты затмѣнія — что же онѣ такое?»

«Испытаніе нашего терпѣнія, приготовленіе!» отвѣчала нѣжно улыбаясь Леонора. «Къ-тому же вѣдь и свѣтлыя минуты опять къ намъ являются и восхищаютъ насъ своимъ свѣтомъ, и тѣмъ чаще, чѣмъ далѣе мы подвигаемся въ совершенствованіи

себя. Но надобно имѣть терпѣніе и съ самимъ собою, Генрихъ; надобно учиться ждать въ этой жизни и самаго себя!»,

«За такія слова я долженъ поцѣловать у тебя ручку, сестрица! Ахъ! да, если...»

«Оставьте ваши нѣжности и прекрасныя чувства, и придите-ка пить чай!» воскликнула наша старшая сестра. «Вотъ тебѣ, Генрихъ, чашка крѣпкаго и горячаго чаю, отъ которой у тебя пройдетъ головная боль! А сегодня вечеромъ и завтра поутру тебѣ бы надобно принять по столовой ложкѣ моего эликсира!»

«Отъ этаго оборони меня Господи!... Vi ringrazio, carissima sorella! Aber, aber, прелестная Габріэль! Капля портвейна придала бы чаю еще болѣе крѣпости, не уподобляя меня однако тѣмъ несчастнымъ, которыхъ Луиза такъ боится. Спасибо, сестричка! Fermez les yeux, o Mahomet!» И сдѣлавъ поклонъ Луизѣ, Генрихъ поднесъ чашку къ губамъ.

Позже вечеромъ Генрихъ стоялъ у окошка въ библіотекѣ и смотрѣлъ въ даль, освѣщенную луннымъ сіяніемъ. Къ нему подошла Леонора и остановила на немъ тотъ кроткій, нѣжно-вопросительный взоръ, который вызываетъ сердечныя изліянія и который составлялъ отличительную черту Леоноры.

«Ты такъ блѣденъ, Генрихъ!» сказала она съ безпокойствомъ.

«Странно!» сказалъ онъ, какъ будто смѣясь надъ самимъ собой. «Посмотри, Леонора, на сосны, вонъ тамъ на кладбищѣ; какъ верхи ихъ гнутся и качаются отъ вѣтра! Я не понимаю почему, но это киваніе наводитъ на меня ужасную тоску. Оно какъ будто отзывается въ сердцѣ!»

«Это вѣрно отъ того, что ты нездоровъ, Генрихъ! Не пойти ли намъ прогуляться? Такая прекрасная лунная ночь! На свѣжемъ воздухѣ, можетъ быть, тебѣ будетъ легче.»

«Ты пойдешь со мной, Леонора! Въ самомъ дѣлѣ, это прекрасная мысль.»

Габріэли эта мысль вовсе не понравилась. Она называла брата и сестру Самоѣдами, Лапландцами, Эскимосами и пр. за то, что они могли находить удовольствіе гулять на открытомъ воздухѣ въ зимнюю ночь. Не смотря на то, они отправились, весело разговаривая и держась объ руку.

«Не слишкомъ ли вѣтрено для тебя?» спросилъ Генрихъ заботливо, стараясь защитить сестру отъ вѣтра.

«Вѣтеръ не холодный,» отвѣчала Леонора, «и мнѣ такъ весело опираться на твою руку, прислушиваясь къ его завыванію и смотря на снѣжныя хлопья, которые онъ разноситъ по воздуху и которые при лунномъ сіяніи похожи на маленькихъ домовыхъ.»

«Мнѣ самому весело Ахъ! когда я съ тобой и съ сестрами вообще, я всегда такъ спокоенъ, такъ счастливъ; но есть другіе, которые, съ нѣкотораго времени, я самъ не знаю почему, часто мучатъ и раздражаютъ меня.»

«Ахъ, Генрихъ! не самъ ли ты немного виноватъ въ томъ?»

«Ты вѣрно думаешь о Шернгёкѣ, Леонора?»

«Да!»

«Я также! можетъ быть, ты права; я сознаюсь, что я часто былъ несправедливъ къ нему и безразсудно горячился. Но онъ самъ же возбуждалъ меня къ тому. Зачѣмъ онъ такъ часто и такимъ оскорбительнымъ образомъ давалъ мнѣ чувствовать свое превосходство надо мною, такъ часто отравлялъ радость, которую мнѣ доставляли мои опыты и почти всегда обходился со мной холодно и презрительно?»

Леонора молчала; луна освѣтила слезинку на ея глазахъ. Съ возрастающимъ жаромъ продолжалъ Генрихъ:

«Я бы могъ такъ горячо любить его! Своимъ необыкновеннымъ характеромъ, своею энергіею, однимъ словомъ—всею своею особою онъ имѣлъ на меня сильное вліяніе, даже сильную власть надо мною. Но онъ ее употребилъ во зло, онъ былъ суровъ ко мнѣ, когда сердце мое съ горячностію стремилось къ нему. Онъ избавилъ меня отъ многихъ заблужденій, но и подавилъ во мнѣ многія чистыя и прекрасныя чувства. Къ этимъ чувствамъ принадлежала преданность моя къ нему, и онъ отвергъ ее отъ себя. Я раскажу тебѣ, какъ все это случилось, Леонора, и что было причиною тѣхъ отношеній, въ которыхъ мы теперь находимся. Ты знаешь, что года три тому назадъ, когда я былъ въ университетѣ, около меня образовался родъ литературной партіи — кругъ молодыхъ друзей, которые, можетъ быть, слишкомъ высоко цѣнили мое поэтическое дарованіе и вовлекли меня въ то же заблужденіе. Я сдѣлался любимцемъ тѣхъ обществъ, въ которыхъ проводилъ жизнь мою. Можетъ быть, я возгордился этимъ; можетъ быть, въ стихотвореніяхъ, которыя я тогда издалъ, проявлялось слишкомъ много самоувѣренности и ложное, одностороннее направленіе. Не смотря на то, они обратили на себя вниманіе публики. Вскорѣ явилась на нихъ критика, которая обратила на себя еще бо-

лѣе вниманія своей энергіей, строгостью и, вмѣстѣ съ тѣмъ, язвительнымъ остроуміемъ. Оно не щадило ни моихъ твореній, ни меня самого какъ поэта. Эта критика вооружила противъ меня почти всѣхъ моихъ приверженцевъ. Она мнѣ показалась слишкомъ строгою и одностороннею, какъ и до сихъ поръ еще кажется, хотя я теперь лучше, нежели тогда, чувствую ея справедливость. Безыменный сочинитель этой критики противъ меня былъ—Шернгёкъ; и онъ не отпирался. По его словамъ, онъ имѣлъ въ виду не столько самаго меня, сколько направленіе, все болѣе и болѣе распространяющееся, той партіи, которой я былъ какъ будто главою. Уже прежде я началъ отъ него удаляться и освобождаться изъ-подъ власти его, которая тяготила меня, а это новое столкновеніе не могло сблизить насъ. Его строгая критика сдѣлала меня внимательнымъ къ моимъ недостаткамъ, но я не знаю, не произвела ли бы она на меня вреднаго дѣйствія, если бы я около самаго этаго времени не воротился домой, и въ родномъ пепелищѣ, подъ благотворнымъ вліяніемъ родныхъ, не почерпнулъ новыхъ силъ и не принялъ лучшаго направленія. Тогда же батюшка, по своей несравненной добротѣ и въ заговорѣ со всѣми вами, продалъ половину своей библіотеки, чтобы доставить мнѣ средства ѣхать въ чужіе краи; да, вы сдѣлали меня другимъ человѣкомъ; и теперь цѣль всѣхъ моихъ помышленій, всѣхъ моихъ предпріятій—доказать вамъ, что я не недостоинъ васъ. Ахъ, да! Я люблю васъ такъ горячо, такъ несказан-

но! Но съ Шернгёкомъ все кончено! Любовь моя къ нему превратилась въ ожесточеніе!»

«О Генрихъ, Генрихъ! Не говори этаго. Шернгёкъ—добрый, благородный человѣкъ, хоть онъ иногда и слишкомъ строгъ. Но я могу тебя увѣрить, что онъ любитъ тебя столько же, какъ и насъ всѣхъ; вся бѣда только въ томъ, что вы не хотите понять другъ друга; и Генрихъ! намедни ты самъ же былъ несправедливъ къ нему! Ты показывалъ ему явную непріязнь.»

«Теперь уже я не могу преодолѣть это чувство, Леонора! Оно сильнѣе меня. Я не знаю, какой злой духъ поселился въ сердцѣ моемъ, но знаю только, что онъ *тамъ*. Только-что я увижу Шернгёка, меня какъ будто что-то больно кольнетъ; грудь моя сжимается, и я чувствую, будто кипучій свинецъ разливается по жиламъ моимъ, когда онъ дотронется до меня.»

«Генрихъ! милый Генрихъ! это ужасно!» сказала Леонора съ горестію. «Сдѣлай еще опытъ надъ собою. Преодолѣй это чувство и протяни Шернгёку руку въ знакъ примиренія.»

«Теперь уже поздно, Леонора! Еще если бъ Шернгёкъ желалъ этаго, то оно было бы не такъ трудно. Но какая ему нужда до меня? Онъ никогда

меня не любилъ, никогда не уважалъ ни моихъ трудовъ, ни моего дарованія. Можетъ быть, онъ и правъ; можетъ быть, я самъ и нѣкоторые слишкомъ пристрастные друзья до сихъ поръ цѣнили мой талантъ слишкомъ высоко. Можетъ быть, мнѣніе Шернгёка на счетъ моихъ способностей справедливо. Много ли я до сихъ поръ сдѣлалъ? Мнѣ теперь кажется иногда, что я не уйду далеко впередъ, что силы мои очень ограничены и что я уже скоро перестану цвѣсти. Шернгёкъ напротивъ того только еще начинаетъ; онъ изъ тѣхъ людей, которые тихо, но тѣмъ вѣрнѣе идутъ въ гору. Я теперь лучше, нежели когда-либо вижу его превосходство надо мною и знаю, что онъ оставитъ меня далеко за собой, и это сознаніе мучитъ меня!»

«Но къ чему теперь эти мрачныя мысли и чувства, милый Генрихъ, теперь именно, когда у тебя такія блестящія надежды на будущность? Твое прекрасное стихотвореніе, твое сочиненіе, написанное для преміи, и которое вѣрно сдѣлаетъ тебѣ честь, выгодная должность, которую ты имѣешь въ виду, и кругъ занятій, соотвѣтствующій твоимъ склонностямъ, все это еще мѣсяца два тому назадъ такъ оживляло тебя; —почему же ты теперь вдругъ такъ упалъ духомъ?»

«Я самъ не знаю!» отвѣчалъ Генрихъ;» «но съ нѣкотораго времени во мнѣ произошла большая перемѣна; я потерялъ вѣру въ счастіе. Мнѣ все кажет-

ся, что мои прекрасныя надежды исчезнутъ какъ сонъ.»

«А если бы это и случилось,» сказала Леонора съ нѣжностію и вперивъ въ брата кроткій испытующій взоръ,» не могъ ли бы ты найти счастіе, спокойствіе—подъ родительскимъ кровомъ, въ занятіяхъ, съ твоими любимыми науками, съ твоими родными, которые любятъ тебя только для тебя самаго?»

Генрихъ прижалъ къ сердцу руку Леоноры, но не отвѣчалъ ничего. Сильный порывъ вѣтра заставилъ ихъ остановиться.

«Какая непріятная погода!» сказалъ Генрихъ, покрывая сестру своимъ плащемъ.

«Однако вѣдь это твоя любимая погода», отвѣчала она шутя.

«То есть, *была* прежде. Теперь она мнѣ больше не нравится. Можетъ быть, это отъ того, что она соотвѣтствуетъ тому, что такъ мучитъ меня вотъ здѣсь!» Тутъ Генрихъ притянулъ руку Леоноры подъ плащь и положилъ ее къ себѣ на грудь. Она была очень взволнована; біеніе сердца было такъ сильно, что почти можно было слышать его.

«Ахъ, Боже мой! что это?» воскликнула Леонора испугавшись. «У тебя это часто бываетъ?»

«Иногда, съ нѣкоторыхъ поръ. Но не безпокойся и ради Бога не говори ничего объ этомъ маменькѣ и Габріэли: я совѣтовался съ Мунтеромъ, и онъ далъ мнѣ лекарство противъ этаго; онъ думаетъ, что это не опасно. Сегодня біеніе сердца не оставляло меня ни на минуту—и, можетъ быть, отъ того-то я и былъ немного ипохондрически настроенъ; прости мнѣ, Леонора, что я мучилъ тебя своей хандрой! Теперь я чувствую себя гораздо лучше и веселѣе; наша маленькая прогулка такъ оживила меня. Я боюсь только, не простудилась ли ты; въ такомъ случаѣ тебѣ не избѣжать Луизина эликсира! Однако къ нашимъ воротамъ подъѣзжаетъ, кажется, дорожный экипажъ и чуть ли не останавливается у нихъ. Ужъ не Фанни ли это? — Такъ и есть; карета остановилась;—это вѣрно Фанни!»

«Фанни, Фанни!» воскликнула Леонора съ выраженіемъ искренней радости, и съ этими словами Генрихъ и Леонора пустились бѣжать къ воротамъ такъ скоро, что когда Фанни вышла изъ кареты, они приняли ее въ свои объятія.

ФАННИ.

Къ пріятнѣйшимъ событіямъ, случавшимся въ счастливомъ семействѣ, конечно можно причислить — возвращеніе кого нибудь изъ его любимыхъ членовъ послѣ продолжительнаго отсутствія. Такъ, послѣ своихъ странствованій, пчелка возвращается въ свой вѣрный улей съ богатымъ запасомъ меду. Сколько тутъ есть, о чемъ расказать другъ другу, чего послушать, посмотрѣть, чѣмъ порадоваться вмѣстѣ! Тучи, помрачавшія семейное небо, разсѣеваются, все превращается въ свѣтъ и радость и — худой знакъ, если съ обѣихъ сторонъ не находятъ, что похорошѣли и усовершенствовались; потому-что если все идетъ ладно, то каждый шагъ въ жизни есть нѣкоторымъ образомъ совершенствованіе.

Ясно сіяло солнце въ Франкскомъ семействѣ при возвращеніи Фанни. Чувство взаимной привязанности, выражавшееся въ обниманіяхъ, улыбкахъ, слезахъ, смѣхѣ, ласковыхъ привѣтствіяхъ, и безконечныхъ изъявленіяхъ любви и радости не дало сперва никому опомниться, и первый часъ свиданія пролетѣлъ въ веселомъ упоеніи. Но когда все успокоилось и начали разсматривать другъ друга, всѣ

мысли и взоры остановились на Фанни. Можно сказать, что красота ея была теперь въ полномъ цвѣтѣ, и въ ея взорахъ, ея обращеніи, ея движеніяхъ была обворожительная живость, которая никогда прежде въ такой степени не обнаруживалась въ ней. Ея новомодная одежда, какая-то развязность, какая-то пріятная непринужденность, отличающая высшее столичное общество, произвели свое волшебное дѣйствіе на ея друзей, и особенно восхитила се Габріэль, которая слѣдовала за прелестной своей сестричкой глазами, сіявшими отъ удовольствія.

Бергстремъ далъ волю своимъ чувствамъ въ кухнѣ, воскликнувъ: Ну, ужъ нечего сказать, наша мамзель Фанни настоящая богиня!» Бѣлокурая Улла никогда не сходилась съ нимъ такъ безусловно въ мнѣніи, какъ на этотъ разъ.

Одна Леонора смотрѣла на Фанни нѣжными, но не совсѣмъ спокойными взорами. Въ наружности и обращеніи Фанни было что-то свѣтское, что-то такое, что заставило ее подозрѣвать, не произошла ли съ милой сестрой ея большая и неблагопріятная перемѣна. Скоро оказалось, что Леонора не ошиблась. Фанни не успѣла пробыть нѣсколько часовъ дома, какъ уже можно было замѣтить, что она не принимала участія въ домашнихъ обстоятельствахъ; что родители, братъ, сестра, друзья, были уже для нея не тѣмъ, чѣмъ были прежде. И въ самомъ дѣлѣ

всѣ ея душевныя и умственныя способности были теперь сосредоточены на одномъ предметѣ, который овладѣлъ всѣми ея мыслями и чувствами, и этотъ предметъ былъ — маіоръ Р*** Его красота, блестящія дарованія, любезность, любовь, общества, гдѣ она встрѣчалась съ нимъ, балы, на которыхъ они танцовали вмѣстѣ, обстоятельства, при которыхъ они разыгрывали роли, все романическое развитіе ихъ связи — вотъ образы, которыми нынче исключительно было занято ея сердце и которые кружились въ ея воображеніи, разгоряченномъ отъ успѣховъ въ свѣтѣ. Строгій взоръ ея отца, когда она назвала маіора Р***, не позволилъ ей повторить это имя еще разъ въ его присутствіи въ первый вечеръ, проведенный ею съ семействомъ. Но когда она потомъ осталась одна съ сестрами, когда насталъ часъ веселой болтовни, который между друзьями длится обыкновенно съ вечера вплоть до другаго утра, тогда Фанни дала свободу чувствамъ, которыми ея душа была наполнена. Теперь она подробно расказала весь свой романъ въ послѣднемъ году; въ немъ играли роль многіе соперники, но маіоръ Р*** былъ его героемъ, сама Фанни не безъ самодовольствія представляла себя обожаемой героиней, побѣдительницей всѣхъ соперницъ. Она такъ углубилась въ эти событія, такъ увлеклась своимъ расказомъ, что не замѣтила ни смущенія, ни безпокойства, ни принужденныхъ улыбокъ, ни потупленныхъ взоровъ, которые онъ возбуждалъ. Только тогда, когда Фанни съ ли-

цемъ, сіяющимъ отъ радости, повѣрила сестрамъ тайну, что маіоръ Р*** скоро пріѣдетъ въ городъ, гдѣ онъ сбирался провести Рождество у родственниковъ, и что онъ будетъ просить руки ея у родителей, только тогда Фанни пришла въ себя. Луиза говорила съ жаромъ противъ маіора Р***, удивлялась, что Фанни можетъ любить «такаго человѣка» и жалѣла о ней. Луиза не ожидала этаго отъ своей сестры. Фанни, глубоко оскорбленная, горячо защищала Р*** и говорила о нетерпимости и предразсудкахъ. Негодованіе Луизы отъ этаго еще болѣе усилилось; Габріэль заплакала, Луиза съ нею; Фанни казалась имъ почти погибшею. Леонора была спокойнѣе, не сказала ни однаго слова, которое могло бы оскорбить чувства Фанни, но глубоко вздыхала и съ тихой грустью глядѣла на милую, заблудшую сестру. Когда она увидѣла, какой трагическій оборотъ беретъ разговоръ, она сказала съ выраженіемъ свойственныхъ ей кротости и спокойствія:

«Не будемъ болѣе говорить объ этомъ сегодня; это только возмущаетъ нашу радость. Вѣдь Фанни остается теперь съ нами, и у насъ будетъ довольно времени все обдумать хорошенько и обо всемъ переговорить — авось все уладится и устроится, какъ нельзя лучше. А покамѣстъ, не пора ли намъ лечь спать? Фанни вѣрно устала отъ дороги, и «нашимъ голубымъ» не надобно плакать въ первый вечеръ!»

Совѣтъ Леоноры былъ принятъ. Луиза, Фанни и Габріэль обнялись при взаимныхъ «прости!» и разстались на ночь. Леонора была рада, что осталась одна съ сестрой, и спокойно и съ участіемъ слушала ея расказы цѣлую ночь. Добрая Леонора!

Маіоръ Викторъ Р*** былъ всѣмъ извѣстенъ, какъ человѣкъ, привыкшій играть женскими сердцами, и Лагманъ осуждалъ его за то съ необыкновенною для мущины строгостію, особенно потому, что въ этомъ случаѣ играло главную роль не легкомысліе сердца, а легкомысліе эгоизма. За десять лѣтъ передъ тѣмъ Р*** женился на молодой, богатой дѣвушкѣ, родственницѣ Лагмана. Единственный недостатокъ молодой шестнадцатилѣтней супруги состоялъ въ томъ, что она слишкомъ нѣжно и слѣпо любила своего мужа, и онъ воздалъ ей за эту любовь такою жестокостью и невѣрностью, что бѣдная молодая Амалія изнемогла духомъ и, пробывъ только годъ замужемъ, умерла съ печали, завѣщавъ своему недостойному мужу все имущество, которымъ она могла располагать. Съ помощію этаго наслѣдства Р*** продолжалъ вести тотъ блестящій, легкомысленный образъ жизни, который онъ велъ прежде. Онъ всегда былъ у ногъ какой-нибудь модной красавицы; нѣсколько разъ былъ объявленнымъ женихомъ, но потомъ бралъ назадъ свое слово, ни мало не заботясь ни о славѣ, ни о сердцѣ молодой дѣвушки, которую заставлялъ страдать; напротивъ того онъ втайнѣ

гордился своими жертвами и наслаждался нанесенными имъ кровавыми ранами; это льстило неутолимому его самолюбію. Свѣтъ отдавалъ справедливость его пріятной, блестящей наружности и обращенію, но люди съ благородными чувствами, — какъ мужчины, такъ и женщины—гнушались имъ, какъ человѣкомъ не имѣющимъ истиннаго достоинства. Мысль о союзѣ его любимой дочери съ такимъ человѣкомъ произвела сильное волненіе въ душѣ Лагмана.

Итакъ вотъ какіе толки о любимомъ предметѣ Фанни встрѣтили ее при возвращеніи ея домой. Всѣ были предубѣждены противъ него. Все, что Фанни говорила въ его извиненіе, было тщетно; увѣренія въ его глубокой, неизмѣнной привязанности явно отвергались, и ея собственная любовь, которою для нея украсился весь міръ, которая дала вкусить ей самыя восхитительныя чувства и открыла предъ нею небо блаженства — эта любовь была предметомъ сокрушенія и слезъ; ее почитали несчастіемъ и почти паденіемъ! Фанни, оскорбленная въ глубинѣ души, удалилась отъ своихъ родныхъ, обвиняя ихъ въ эгоизмѣ и несправедливости. Луиза, можетъ быть, немного заслуживала эти упреки, но Леонора была чиста, какъ Божій ангелъ; она скорбѣла о любви Фанни, и потому сердце Фанни закрылось и для нея.

Охлажденіе, происшедшее отъ этаго между Фанни и ея семействомъ, еще усилилось, когда Маіоръ

Р*** вскорѣ послѣ Фанни пріѣхалъ въ городъ. Онъ былъ высокій, красивый мущина, лѣтъ тридцати-пяти, съ величавой, но вмѣстѣ съ тѣмъ легкомысленной наружностью; лице у него было веселое и цвѣтущее, взоръ ясный и смѣлый; большая привычка къ свѣту и неподражаемая легкость и самоувѣренность сообщали его обращенію и разговору ту неодолимую власть, которая въ обществѣ бываетъ необходимымъ слѣдствіемъ этихъ преимуществъ.

Когда онъ въ первый разъ посѣтилъ Франкское семейство, Лагманъ обмѣнялся съ нимъ взглядомъ, въ которомъ оба прочитали, что они не нравятся другъ другу. Но Маіоръ подавалъ видъ, будто ничего не замѣчаетъ, былъ веселъ и развязенъ; разговаривая, всегда преимущественно обращался къ Элизѣ, почти не говорилъ съ Фанни, но много смотрѣлъ на нее. Послѣ перваго холоднаго привѣтствія Лагманъ удалился въ свой кабинетъ. Видъ этаго человѣка былъ ему непріятенъ. Леонора была учтива, даже ласкова къ Маіору. Ей такъ хотѣлось любить того, кого любила Фанни. Ассесоръ Мунтеръ присутствовалъ при этомъ посѣщеніи; но посмотрѣвъ съ минуту на взоры, какіе Р*** бросалъ на Фанни, видя ихъ волшебную власть надъ нею и прочитавъ въ одномъ робкомъ взорѣ, который она подняла на того, кого любила, все, что происходило въ ея сердцѣ, онъ молча и поспѣшно удалился.

Р*** не часто видѣлся съ Фанни въ домѣ ея родителей; казалось, что взоръ Лагмана своимъ могуществомъ удалялъ его оттуда; но за то онъ старался каждый день видѣться съ нею гдѣ-нибудь. Онъ попадался ей навстрѣчу, когда она ходила со двора; провожалъ ее домой изъ церкви; семейство безпрестанно получало приглашенія то на балы, то на пикники, и Фанни, которая прежде чувствовала себя такъ хорошо дома, которая часто предпочитала вечернюю бесѣду въ родномъ кругу свѣтскимъ удовольствіямъ, Фанни теперь не любила оставаться дома и, казалось, ей было весело только въ тѣхъ собраніяхъ и на тѣхъ вечерахъ, гдѣ отличался Маіоръ Р··· и гдѣ она была предметомъ его вниманія. Но именно для устраненія этихъ свиданій прочіе члены семейства желали быть какъ можно менѣе въ обществѣ. Не смотря на то, Фанни не удерживали отъ выѣздовъ, и Леонора была всегда вѣрной ея спутницей. Лагманъ былъ мраченъ и встревоженъ; Элиза кротка и любезна; что касается до самой Фанни, то она была до такой степени раздражительна во всемъ, что касалось ея любви, что малѣйшее противорѣчіе ея желаніямъ заставляло ее горько плакать и причиняло ей истерическіе припадки. Друзья ея все болѣе и болѣе замѣчали, какъ сильно и исключительно было чувство, привязывавшее ее къ Р···, и огорчались тѣмъ. Внезапное его появленіе, шаги, голосъ приводили ее въ содраганіе Всѣ прежнія отношенія любви и дружбы потеряли власть надъ ея сердцемъ.

Случается иногда, что люди — столько же отъ физическихъ, сколько отъ моральныхъ-причинъ — вдругъ совершенно измѣняются. Раздражительность, вспыльчивость, необдуманность, угрюмость внезапно смѣняютъ до того кроткій и мягкій нравъ, и, будто мановеніемъ волшебнаго жезла, прекрасное существо вдругъ превращается въ вѣдьму. Естественнымъ слѣдствіемъ такаго превращенія бываетъ обыкновенно охлажденіе и перемѣна друзей этаго существа; и много нужно человѣку доброты, много мудрости, чтобы пребывать твердымъ въ своей любви, своей вѣрѣ, чтобы ждать терпѣливо минуты, когда любимое существо освободится отъ сковывающей его волшебной силы, когда заблудшій воротится на путь истины, и между-тѣмъ располагать его къ тому нѣмыми ласками, кроткими взглядами, нѣжными заботами. Безъ того онъ можетъ быть никогда бы не воротился. Я говорю *много мудрости*, и точно, потому-что истинный другъ не теряетъ изъ виду небесный образъ своего друга; онъ видитъ его сквозь всѣ случайныя затмѣнія и тогда, когда этотъ образъ сокрытъ отъ всѣхъ и даже отъ самаго заблудшаго существа. Онъ вѣруетъ въ него, любитъ его, живетъ для него и говоритъ самъ себѣ: «Подожди! потерпи! это пройдетъ, и онъ (или она) опять воротится къ намъ.» И тотъ, у кого есть такой другъ, не можетъ не воротиться.

Такъ кроткая, любящая Леонора не покидала своей измѣнившейся сестры.

Присутствіе Генриха дѣйствовало въ эту пору благотворно на все семейство; казалось, къ нему возвратилась прежняя его милая веселость для того, чтобы изгладить всѣ непріятныя впечатлѣнія, возмущавшія его родныхъ. Онъ сталъ чаще выѣзжать со своими въ общество, и не выпускалъ изъ виду Р*** и сестры своей.

Въ непродолжительномъ времени Р*** открылся въ любви и предложилъ Фанни свою руку Родители послѣдней уже заранѣе приготовились къ этому кризису и опредѣлили, какъ поступить въ такомъ случаѣ. Они не хотѣли сдѣлать свою дочь несчастною рѣшительнымъ сопротивленіемъ ея сердечнымъ желаніямъ; но положили назначить ей и Маіору годовой срокъ испытанія, въ продолженіе котораго они не должны были имѣть между собою никакихъ сношеній, не переписываться и считать себя съ обѣихъ сторонъ свободными располагать своею судьбою. Только по окончаніи этаго срока могла быть опять рѣчь о женитьбѣ въ такомъ случаѣ, если и онъ и она будутъ еще желать того. Элиза, которая усерднымъ и умнымъ исполненіемъ своихъ обязанностей пріобрѣтала болѣе и болѣе власти надъ мужемъ, успѣла склонить его къ этому примирительному средству, и старалась внушить ему надежду, которой она сама предавалась,

а именно, что или Фанни во время испытанія убѣдится въ ничтожности Маіора, уступитъ желаніямъ и нѣжности своихъ родныхъ и одолѣетъ свою любовь, или же Маіоръ, облагороженный любовью Фанни и постоянный въ своихъ чувствахъ, сдѣлается достойнымъ ея. Одна изъ самыхъ любимыхъ аксіомъ Лагмана была: что всѣ люди способны къ исправленію; а самое дѣйствительное средство къ тому—возвышенная любовь.

Лагманъ рѣшительно и нѣжно говорилъ объ этомъ дѣлѣ съ своею дочерью, ясно представилъ ей все, какъ было, не скрывая, какъ горестна была для него всегда мысль объ этомъ бракѣ и предоставилъ ей рѣшить по собственному чувству справедливости, слишкомъ ли много отъ нея требовали, положивъ годовую отсрочку для испытанія.

Фанни много плакала; но, глубоко тронутая добротою своихъ родителей, она согласилась на желанія ихъ и обѣщала, хотя съ прискорбіемъ, покориться имъ.

Маіору, который сватался письменно, Лагманъ написалъ откровенный и благородный, хотя вовсе не сладкій отвѣтъ, въ которомъ онъ также требовалъ отъ него, чтобы онъ, какъ честный человѣкъ, ни подъ какимъ видомъ не старался склонять Фанни къ нарушенію даннаго ею родителямъ обѣщанія,

чѣмъ онъ повредилъ бы счастливымъ отношеніямъ ея къ семейству. Это письмо — которое отецъ далъ прочитать Фанни и которое, при тщетныхъ ея просьбахъ выпустить нѣкоторыя, какъ ей казалось, слишкомъ строгія, а по его мнѣнію слишкомъ кроткія выраженія, стоило ей новыхъ слезъ—было отослано въ тотъ же день, и все успокоилось.

Вѣроятно Фанни смиренно покорилась бы родительской волѣ, которой исполненіе они старались какъ можно болѣе облегчить ей своею безпредѣльною добротой, если бы не записка отъ Маіора, посланная ей на другой день, которая совершенно разстроила и взволновала ее. Онъ горько жаловался на «несправедливость, жестокость и тиранство» отца Фанни, въ страстныхъ выраженіяхъ говорилъ о своей любви, своихъ невыразимыхъ страданіяхъ, своемъ отчаяніи. Фанни отъ этаго письма занемогла, однако болѣе духомъ, нежели тѣломъ, и пожелала видѣть Ассесора. Домашній другъ и врачь тотчасъ же явился къ ней.

«Любите ли вы меня?» былъ первый вопросъ Фанни, когда они остались одни.

«Люблю ли я васъ, Фанни?» отвѣчалъ онъ, и взоръ его вѣрно пробудилъ бы хоть сколько-нибудь нѣжности во всякомъ сердцѣ, не такъ настроенномъ, какъ было въ ту минуту сердце Фанни.

«Если вы любите меня; если вы не хотите, чтобы я не на-шутку занемогла,» продолжала Фанни, говоря скоро и съ жаромъ, «то вы должны доставить это письмо къ Маіору Р*** и принесть мнѣ собственноручной его отвѣтъ. Отецъ мой и всѣ здѣсь предубѣждены противъ него; никто не знаетъ его такъ, какъ я! Положеніе мое можетъ привесть меня къ отчаянію, если вы не сжалитесь надо мною. Но вы должны помогать мнѣ тайно!... Вы не хотите! Если вы меня любите, вы возьмете это письмо и....»

«Требуйте отъ меня, чего хотите, Фанни, но только не этаго. Я долженъ отказать вамъ именно потому, что я такъ горячо люблю васъ. Этотъ человѣкъ поистинѣ недостоинъ васъ; онъ не заслуживаетъ...»

«Ни слова противъ него! Я знаю его лучше, нежели всѣ вы;—я одна знаю его; но вы всѣ враги его, враги моего счастія. Еще разъ прошу васъ, умоляю со слезами! Ужели я требую слишкомъ много? Благодѣтель, другъ мой, ужели вы не хотите исполнить просьбу вашей Фанни?»

«Позвольте мнѣ поговорить съ вашимъ батюшкой!»

«Объ этомъ? О нѣтъ, нѣтъ! Это невозможно!»

«Въ такомъ случаѣ я не могу исполнить вашей просьбы. Фанни! Мнѣ больно — больнѣе нежели я могу выразить, что я долженъ отказать *вамъ* въ чемъ-нибудь. Но въ этомъ дѣлѣ я не хочу марать себѣ рукъ, не хочу быть орудіемъ вашего несчастія. Прощайте!»

«Постойте, постойте! еще одно слово! Чего вы опасаетесь за меня?»

«*Всего* съ человѣкомъ такаго характера, какъ Р***.»

«Вы ошибаетесь въ немъ, ошибаетесь во мнѣ!»

«Я знаю его и знаю васъ, Фанни, и потому я скорѣе брошусь въ огонь для васъ, нежели соглашусь служить вамъ при перепискѣ съ нимъ. Это мое послѣднее слово!»

«Вы не хотите! Вы не любите меня и у меня нѣтъ болѣе друга!»

«О Фанни, Фанни! не говорите этаго! Вы грѣшите! Вы не знаете... требуйте отъ меня, чего хотите, требуйте моей жизни. — Ахъ! вы виноваты, что она потеряла для меня всю свою цѣну—требуйте....»

«Пустыя слова!» прервала Фанни, и съ видомъ нетерпѣнія и отвернувшись прибавила: «я не прошу

васъ ни о чемъ болѣе, Ассесоръ Мунтеръ! Извините, что я обезпокоила васъ!»

Ассесоръ съ минуту смотрѣлъ на нее молча, потомъ вдругъ приложилъ руку къ лѣвому боку, какъ будто почувствовалъ сильную боль въ этомъ мѣстѣ, и вышелъ, держась болѣе обыкновеннаго на бокъ.

Неожиданная, счастливая перемѣна произошла вскорѣ послѣ того въ отношеніяхъ между Фанни и ея родителями. Фанни сдѣлалась спокойнѣе. Маіоръ Р*** уѣхалъ къ знакомымъ на мызу по сосѣдству отъ города, съ тѣмъ, чтобы провесть тамъ праздники Рождества. Въ тотъ же вечеръ Фанни, не выходившая нѣсколько дней изъ комнаты, пошла къ чаю въ библіотеку; всѣ приняли ее съ изъявленіями радости. Лагманъ встрѣтилъ ее съ распростертыми объятіями, обласкалъ, посадилъ на софу возлѣ матери, самъ подалъ ей чашку чаю — однимъ словомъ, ухаживалъ за нею съ нѣжностью и заботливостью влюбленнаго. Фанни видимо была не равнодушна къ этимъ доказательствамъ любви, но она принимала ихъ безъ изъявленія удовольствія. Яркій румянецъ смѣнялся съ блѣдностію на ея щекахъ, и иногда казалось, что слеза — слеза раскаянія готова была навернуться на ея глазахъ.

Между-тѣмъ съ этой минуты почти совершенно водворилась въ семействѣ прежняя гармонія, прежнее спокойствіе. Никто не произносилъ никогда имени Маіора Р***, и какъ при появленіи весны трава растетъ и листочки распускаются, не смотря на то, что небо еще задернуто сѣрой пеленой и носятся сѣверные вѣтры, такъ отъ дыханія весны въ Франкскомъ семействѣ незамѣтно стали возникать пріятныя впечатлѣнія и радостныя минуты. Надобно было видѣть мать! Она, какъ сердце семейства, была въ безпрестанномъ движеніи, всѣмъ показывала участіе, заботилась, чтобы всѣ были довольны и счастливы, распространяла вокругъ себя любовь, радость, утѣшеніе! Всѣ ея слова и поступки дышали кротостію и добродушіемъ. А между-тѣмъ она сама была вовсе не спокойна. Къ заботамъ о дочеряхъ присоединилось теперь безпокойство о будущности и счастіи Генриха. Она понимала его желанія, его мысли и чувства такъ, какъ никто ихъ не понималъ; и потому взоры ихъ такъ часто встрѣчались въ сладкомъ сочувствіи; потому въ тѣ дни, когда приходила Стокгольмская почта, Элиза болѣе и болѣе блѣднѣла по мѣрѣ того, какъ приближался часъ полученія писемъ. Она ожидала извѣстій важныхъ для Генриха.

«Милая Элиза!» говорилъ Лагманъ тономъ нѣжнаго упрека, «къ чему это безпокойство, эти безразсудныя опасенія? Я согласенъ, что было бы очень радостно для насъ всѣхъ, если бы Генрихъ полу-

чилъ мѣсто, котораго онъ ищетъ. Но если онъ его и не получитъ—бѣда не велика! черезъ нѣсколько времени онъ можетъ получить другое. Вѣдь онъ еще молодъ и можетъ ждать, какъ и многіе другіе. А его поэма — если ее и не признаютъ геніальнымъ произведеніемъ и не почтутъ достойною преміи, такъ и тутъ бѣды нѣтъ. Богъ съ ней! Неудачи его въ поэзіи, можетъ быть, сдѣлаютъ изъ него дѣльнаго практическаго человѣка. Признаюсь, мнѣ бы это было гораздо болѣе по сердцу, и если бъ отъ меня зависѣло, я бы бросилъ въ огонь и мѣсто, котораго онъ ищетъ, и поэму его, чтобы ты изъ нихъ не чахла и не растроивала себѣ нервы. Обѣщай мнѣ вести себя благоразумнѣе въ будущій почтовый день и не принимать такой плачевной мины; въ противномъ случаѣ я обѣщаю тебѣ, что разсержусь не нашутку и не покажу тебѣ ни однаго письма!»

Но дѣтямъ своимъ отецъ сказалъ: «Ужели у васъ не станетъ довольно ума и изобрѣтательности, чтобы развлечь мать вашу въ несчастные дни прихода почты? Генрихъ! отъ тебя зависитъ успокоить ее. И если ты не убѣдишь ее, что, каковъ бы ни былъ жребій твой на землѣ, ты будешь умѣть нести его съ твердостію, то я буду думать, что ты недостоинъ всей нѣжности, какую она питаетъ къ тебѣ.»

Генрихъ сильно покраснѣлъ; Лагманъ продолжалъ: «А ты, Габріэль! я никогда болѣе не буду на-

зыват. тебя моей маленькой умницей, если ты къ завтрашнему почтовому дню не приготовишь какой-нибудь замысловатой загадки, которая бы такъ озадачила маменьку, что бъ ей некогда было думать ни о чемъ другомъ.»

Слѣдующій день отличался необыкновенною живостію. Никогда Генрихъ не завязывалъ такихъ интересныхъ разговоровъ, никогда Элизу такъ не завлекали споры и разсужденія молодежи. Когда пришла почта, мать была занята отгадываніемъ загадки, которую Генрихъ и Габріэль старались какъ можно болѣе запутать своими забавными остротами и шутками, показывая видъ, какъ будто они хотятъ помочь отгадать ее.

Эта загадка, не смотря на то, что она принадлежала не къ «самымъ лучшимъ» произведеніямъ Габріэли, всѣхъ очень позабавила и дала поводъ Генриху къ самымъ взбалмошнымъ выдумкамъ. Мать однако не дала сбить себя съ толку и, смѣхомъ своимъ стараясь заглушить крикъ рѣзвой молодежи, воскликнула, что слово загадки —

СЧАСТІЕ.

«Счастіе!» повторилъ Лагманъ, входя въ комнату съ письмами и газетами — «если я не ошибаюсь, вы здѣсь пустились въ пророчества. Габріэль, моя душа, вотъ тебѣ награда за то. Прочитай это вслухъ маменькѣ!» И онъ положилъ передъ нею газету.

Габріэль начала читать, но вдругъ остановилась на первыхъ словахъ, вскочила, и, хлопая въ ладоши, воскликнула:

«Генрихъ получилъ первую премію за свою поэму!»

«А вотъ и письма, Генрихъ!» сказалъ Лагманъ, «ты назначенъ....» Голосъ Лагмана былъ заглушенъ радостными восклицаніями всѣхъ присутствовавшихъ. Генрихъ лежалъ въ объятіяхъ своей матери, окруженный плачущими отъ радости и ликующими сестрами. Лагманъ шагалъ взадъ и впередъ по комнатѣ; потомъ онъ остановился передъ блаженствовавшей группой и воскликнулъ: «Вотъ такъ! вотъ такъ! а когда же моя очередь будетъ? Элиза! благодарю тебя за него! А ты, сынокъ, поди-ка сюда и дай мнѣ

сказать тебѣ.....»; но внутреннее волненіе не позволило ему продолжать, онъ молча обнялъ сына, молча отвѣчалъ на нѣжныя ласки дочерей.

Многія частныя письма изъ Стокгольма содержали въ себѣ лестныя похвалы молодому поэту и поздравленія съ его успѣхами; молодые друзья Генриха воспѣвали его въ торжественныхъ пѣсняхъ.

Столько счастія вдругъ было уже почти слишкомъ много. Первыя минуты по полученіи этихъ вѣстей прошли въ тихой радости и въ какомъ-то душевномъ умиленіи, потомъ эта радость превратилась въ шумную веселость и обнаруживалась громкими взрывами со всѣхъ сторонъ. Все пришло въ движеніе, чтобы праздновать этотъ день и чествить героя празднества, и пока отецъ семейства занялся приготовленіемъ пунша (весь домъ долженъ былъ пить за здоровье Генриха), прочіе члены семейства занялись планами для поѣздки въ Стокгольмъ. Всѣ непремѣнно хотѣли присутствовать при врученіи Генриху золотой медали, и быть свидѣтелями празднества по этому случаю. Фанни одушевилась прежнею своею очаровательною живостью, описывая подобное празднество, на которомъ она была въ Шведской Академіи.

Генрихъ много говорилъ про Стокгольмъ. Онъ горѣлъ желаніемъ показать матери и сестрамъ прекрасную столицу. Онъ говорилъ, что имъ непремѣнно

надобно побывать въ каменной галлереѣ, въ театрахъ, видѣть и слышать прекрасную Г , очаровательную Женни Л., также осмотрѣть дворецъ, гульбища, окрестные виды, церкви, прекрасныя статуи на площади — только одну изъ нихъ Генрихъ охотно бы опрокинулъ—вообще насладиться всѣми увеселеніями и чудесами Стокгольма!

Мать радостно улыбалась при мысли о поводѣ къ поѣздкѣ въ Стокгольмъ; отецъ соглашался на это и на все возможное; лица молодежи сіяли радостію; пуншъ благоухалъ счастіемъ. Молодой баронъ Л., который очень любилъ Генриха, а еще болѣе шумъ и веселіе , воспользовался этимъ случаемъ, чтобы хорошенько побѣситься. Онъ хотѣлъ со всѣми вальсировать, Луизѣ не было отъ него покоя; «маленькая госпожа» безпрестанно должна была кружиться съ нимъ, — правда, что она въ радости своей совсѣмъ была не прочь отъ этаго — даже самъ Лагманъ не избавился отъ него; напослѣдокъ онъ началъ вальсировать со столами и стульями; пуншъ не способствовалъ къ успокоенію его разыгравшейся веселости.

Лагману было очень досадно, что онъ въ этотъ самый день долженъ былъ разстаться съ своимъ семействомъ; но важныя дѣла требовали того: ему надобно было ѣхать въ тотъ же вечеръ дня на три или на четыре. Не смотря на то, что онъ оставлялъ своихъ въ полномъ благоденствіи и счастіи, казалось,

что эта короткая разлука была для него тягостнѣе обыкновеннаго. Совсѣмъ распростившись съ своими, онъ опять воротился — а это было вовсе не въ его родѣ—еще разъ обнялъ жену; покружился въ медвѣжьей шубѣ, какъ будто для шутки, съ дочерьми, и поспѣшно вышелъ, давъ порядочный толчокъ молодому Л., который въ припадкѣ своей бѣшеной веселости вздумалъ представить собаку, нападающую на медвѣжью шкуру. Когда потомъ Лагманъ изъ саней бросилъ еще послѣдній взглядъ на окно библіотеки и знаками прощался съ женой и дочерьми, тѣ съ удивленіемъ замѣтили, что на глазахъ его были слезы.

Но радость настоящаго и пріятная перспектива будущаго заняли оставшихся дома. Вечеръ прошелъ весело и шумно. Баронъ Л. пилъ пуншъ съ домашними слугами, до того, что у него и у нихъ зашумѣло въ головѣ, и Луизины увѣщанія дѣйствовали въ этомъ случаѣ, какъ капли воды на огонь.

Генрихъ былъ благородно веселъ. Лучезарное выраженіе его прекраснаго, одушевленнаго лица напоминало Аполлонову голову.

«Куда дѣвались твои мрачныя предчувствія, Генрихъ?» шепнула ему на ухо Леонора съ нѣжною улыбкою. — «мнѣ кажется, въ эту минуту ты бы могъ обнять даже — Шернгёка!»

«Весь міръ!» сказалъ Генрихъ, прижимая сестру къ груди своей. «Я такъ счастливъ!»

Но въ семействѣ былъ кто-то, чувствовавшій себя еще счастливѣе Генриха, а именно — мать его! Когда она смотрѣла на его прекрасное, сіяющее лице, и думала, чѣмъ онъ уже былъ и чѣмъ онъ еще могъ быть, думала о лаврахъ, которыми со-временемъ увѣнчается эта драгоцѣнная голова, о будущности, ожидавшей ея любимца, ея лѣтній цвѣтокъ— о! тогда въ душѣ ея разцвѣтало во всей полнотѣ своей сладостное чувство счастливой матери; сердце ея расширялось отъ несказаннаго блаженства, и это блаженство было такъ велико, что оно переходило въ страхъ; ей казалось, что оно, для земнаго существованія, слишкомъ велико.

А между тѣмъ — мы говоримъ это съ радостнымъ чувствомъ благодарности—земное существованіе способно переносить обильную долю не-земнаго блаженства и переносить его долго, не подавляя и не испаряя его. Такое блаженство любитъ скрываться въ тиши и неизвѣстности; и потому свѣтъ мало знаетъ о немъ и мало вѣритъ въ него. Но, благодаря Бога, въ такомъ счастіи нѣтъ недостатка во всякое время и во всѣхъ краяхъ міра и—(мы шепчемъ это на ухо счастливымъ и порадуемся съ ними)—весьма рѣдко случается въ дѣйствительной жизни, какъ въ книгахъ для эффекта, чтобы за сильнымъ приливомъ счастія слѣдовало —

НЕСЧАСТІЕ.

Послѣ весело проведеннаго вечера настала ночь, и всѣ члены семейства Франкъ сладко покоились въ объятіяхъ сна, когда вдругъ въ полночь они пробудились отъ ужаснаго крика: «пожаръ! пожаръ!» Домъ горѣлъ, и они увидѣли вокругъ себя дымъ и пламя: съ такою неимовѣрною быстротою распространился огонь. Все пришло въ ужасное смятеніе; мать и дѣти, господа и слуги искали, кликали другъ друга. Полу-одѣтые и не успѣвъ ничего спасти, всѣ домашніе собрались на площади, куда стремились толпы народа, и пожарныя трубы начали дѣйствовать при сильномъ звонѣ колоколовъ и дикихъ, глухихъ звукахъ пожарной трещетки, обходившей всѣ улицы города. Генрихъ велъ съ собою молодаго Л, у котораго отнялся отъ испуга языкъ и который сильно потерпѣлъ отъ огня. Мать дикимъ и вопрошающимъ взоромъ посмотрѣла вокругъ себя: вдругъ вскрикнула «Габріэль!» и съ пронзительнымъ крикомъ отчаянія бросилась въ домъ, объятый пламенемъ. Въ ту же минуту множество людей окружило молодыхъ дѣвицъ и такимъ образомъ помѣшало имъ слѣдовать за матерью: изъ толпы народа вырвались двое мущинъ и съ быстротою молніи кинулись за нею.

Одинъ изъ нихъ былъ ея прекрасный—въ эту минуту более нежели когда либо прекрасный сынъ; другой походилъ на изображенія циклоповъ—такъ, какъ намъ представляетъ искуство этихъ уродовъ—въ ихъ подземельныхъ кузницахъ, но у него было два глаза, и они горѣли огнемъ, не уступавшимъ тому, съ которымъ онъ готовился вступить въ борьбу. Оба исчезли въ пламени. Настала минута безмолвія. Трещетка перестала шумѣть, народъ не переводилъ духа; молодыя Франкъ молча ломали себѣ руки; а пожарный колоколъ уныло сопровождалъ тщетныя усилія пожарныхъ трубъ; пламя продолжало клубиться. Вдругъ въ толпѣ народа раздалось восклицаніе, и сердца всѣхъ присутствовавшихъ забились отъ радости при видѣ матери, Генрихомъ вынесенной на рукахъ изъ пламени, которое шипя старалось овладѣть потерянной добычей; и—опять радостные клики! Другой, циклопъ, т. е. Ассесоръ, показался въ окнѣ втораго этажа, и въ клубахъ густаго дыма мелькала бѣлой точкой женщина, которую онъ прижималъ къ груди. Тотчасъ приставили лѣстницу, и Іеремія Мунтеръ весь черный и обгорѣлый, но съ чувствомъ высшаго блаженства положилъ обмершую, но невредимую Габріэль въ объятія матери и сестеръ. Потомъ онъ воротился съ Генрихомъ въ домъ и имъ удалось спасти конторку Лагмана, гдѣ хранились важныя бумаги. Еще были спасены кое-какія бездѣлицы; но болѣе ничего. Домъ былъ деревянный и сгорѣлъ до тла, не смотря на всѣ усилія потушить

огонь; но такъ-какъ онъ стоялъ отдѣльно, то онъ сгорѣлъ одинъ, и сосѣдственныя строенія остались невредимы.

Когда Генрихъ, изнуренный отъ напряженія силъ, воротился къ своимъ, они были въ скромномъ жилищѣ Ассесора, находившемся также на площади. Казалось, что Іеремія вдругъ превратился въ десять Мунтеровъ, чтобы снабдить своихъ гостей всѣмъ нужнымъ. Старая его ключница совершенно потеряла голову и отъ пожара и отъ появленія нежданыхъ гостей въ скудномъ пепелищѣ ея господина. Но *онъ* былъ на всѣ руки; самъ варилъ кофе, самъ стлалъ постели и притомъ, казалось, забывалъ свои довольно значительныя обжоги. Онъ шутилъ надъ собою и надъ своими вещьми, отирая по временамъ слезинку, вызванную несчастіемъ его друзей. Онъ нѣжно и распорядительно заботился обо всемъ и обо всѣхъ. Луиза и Леонора помогали ему съ большимъ спокойствіемъ духа.

«Полно тебѣ шалить, кофейникъ, и перекипать съ-радости, что въ кои-вѣки разъ удалось тебѣ служить для дамъ!» ворчалъ Ассесоръ.; «вотъ вамъ, мамзель Леонора, капли для маменьки и Фанни! Сестрица Луиза! Сдѣлайте милость, возьмите въ свое распоряженіе всю мою кладовую! А ты, молодецъ!» сказалъ онъ Генриху, схвативъ его вдругъ за руку и смотря ему пристально въ глаза, «поди-ка со

мной, у меня есть до тебя нужное дѣло!» И въ самомъ дѣлѣ нельзя было терять ни минуты. Сильный приливъ крови къ груди подвергалъ юношу ежеминутной опасности. Ассесоръ сорвалъ съ него сертукъ и пустилъ ему кровь въ ту самую минуту, когда онъ уже былъ готовъ упасть въ обморокъ.

«Эдакая дрянь!» сказалъ Ассесоръ съ досадою, когда Генрихъ опять пришелъ въ себя, «не стыдно ли? малый ты — хоть куда, а между-тѣмъ такая дрянь! Вотъ такъ! Теперь ты внѣ опасности! Смерть хотѣла сыграть съ нами шутку въ нынѣшнюю ночь, но мы ей не поддались! Пойдемъ-ка теперь ухаживать за нашими дамами, какъ вѣжливые рыцари. Однако подожди минутку! мнѣ надобно обмыть себѣ лице, чтобы ужъ не слишкомъ походить на рыцаря «печальнаго образа.»

ПОСЛѢДСТВІЯ.

На другое утро солнце ярко освѣщало блестящія, покрытыя снѣгомъ крыши домовъ, окружавшихъ площадь, и окрашивало прелестнѣйшими оттѣнками огненнаго, желтаго и синяго цвѣта облако дыма, которое тихо подымалось изъ развалинъ сгорѣвшаго дома; а въ пеплѣ, которымъ былъ обсыпанъ снѣгъ на площади и на кладбищѣ, стаи воробьевъ прыгали и весело щебетали.

Мать и дочери со слезами на глазахъ смотрѣли на дымное пожарище, но никто не предавался горести. Только Фанни много плакала, но причина ея слезъ заключалась въ страданіи, ей одной извѣстномъ. Она знала, что Маіоръ Р*** провелъ предъидущую ночь въ городѣ, а между-тѣмъ она его еще не видѣла!

Съ наступленіемъ утра жилище Ассесора очень оживилось и наполнилось посѣтителями. Многія семейства явились съ предложеніемъ безпріютнымъ пристанища въ своемъ домѣ; молодыя дѣвушки приносили платья и бѣлье, слуги снабжали тѣмъ же погорѣвшихъ слугъ; кто посылалъ красивые сервизы, кто мебель; отъ булочника принесли большія корзи-

ны съ хлѣбомъ, отъ пивовара пива; посылали вина и пр. и пр. То было одно изъ прекраснѣйшихъ явленій общественной жизни, которое показывало, какимъ уваженіемъ и любовью пользовалось семейство Франкъ.

Фру Гунилла пришла предложить свои услуги съ такою добротою, съ такимъ усердіемъ; она была готова ссориться со всѣми, кто хотѣлъ оспоривать у нея удовольствіе увезть въ своемъ экипажѣ своихъ старыхъ друзей и пристроить ихъ въ квартирѣ, которую она для нихъ на скорую руку приготовила. Ассесоръ уже болѣе не спорилъ съ нею о томъ, но молча смотрѣлъ на уѣзжавшихъ гостей и со слезами на глазахъ слѣдовалъ за каретой, увозившей Фанни изъ его дома. Тамъ все теперь казалось ему такъ мрачно и пусто.

Въ этотъ самый день, вечеромъ, отецъ былъ опять въ кругу своихъ и съ радостными слезами прижималъ ихъ къ груди своей. Подлинно съ радостными—потому-что онъ всѣхъ ихъ видѣлъ опять передъ собою! Нѣсколько дней послѣ того онъ писалъ къ одному изъ друзей своихъ:

«Теперь только, послѣ этаго несчастнаго событія, я узналъ, какими сокровищами я обладаю въ женѣ и дѣтяхъ, узналъ, сколько у меня преданныхъ друзей и сосѣдей. Я благодарю Бога за то, что онъ

наградилъ меня такою женой, такими дѣтьми, такими друзьями. Послѣдніе снабдили меня уже всѣмъ нужнымъ—даже съ избыткомъ! Весной я опять начну отстроивать мой домъ на прежнемъ мѣстѣ. Отъ чего произошелъ пожаръ, я не знаю, да и не хочу знать. Случившееся несчастіе послужитъ урокомъ на будущее время. И то хорошо. Мой домъ обѣднѣлъ, но остался по-прежнему богатъ любовію; а она все переноситъ, все исцѣляетъ. «Богъ далъ, Богъ и взялъ: да будетъ благословенно Его имя!»

Лагманъ дѣйствительно не хотѣлъ слышать никакихъ догадокъ или предположеній на счетъ причины пожара. Это однако не мѣшаетъ намъ сообщить читателю наши собственныя. По всей вѣроятности пожаръ начался въ комнатѣ барона Л , и онъ самъ въ своемъ полупохмѣльѣ былъ виною несчастія. Вѣроятно онъ внутренно сознавался въ томъ, но достовѣрно , что сколько это событіе , столько же и обращеніе съ нимъ семейства Франкъ произвели большую перемѣну въ его характерѣ и склонностяхъ. Скоро послѣ того за нимъ пріѣхалъ его отецъ и повезъ его — онъ послѣ пожара жестоко страдалъ глазами—въ Копенгагенъ, чтобы посовѣтоваться тамъ съ искусными глазными врачами. Что до насъ, то мы увидимся съ нимъ не прежде , какъ въ гораздо позднѣйшій періодъ нашего расказа.

Молодыя дѣвицы Франкъ занялись теперь серьёзно планами, о которыхъ была рѣчь уже прежде, и которые состояли въ томъ, чтобы стараться пріобрѣсть себѣ самостоятельное положеніе, и при настоящихъ обстоятельствахъ облегчить заботы родителей, не будучи никому въ тягость. Фанни желала, на первый случай, принять полученное ею приглашеніе погостить на мызѣ по сосѣдству той, гдѣ находился въ то время Маіоръ Р***. Аксельгольмъ распростеръ свои объятія, раскрылъ сердце и отворилъ флигеля для принятія членовъ Франкскаго семейства. Въ предложеніяхъ для колонизацій не было недостатка; но Лагманъ просилъ такъ убѣдительно покамѣстъ оставить все это и не покидать роднаго дома. «Мѣсяца черезъ два, когда настанетъ весна, пожалуй дѣлайте что хотите, сказалъ онъ; но теперь — останемтесь всѣ вмѣстѣ! Мнѣ непремѣнно надобно видѣть васъ вокругъ себя, чтобъ быть увѣреннымъ, что вы дѣйствительно въ-живыхъ. Я не могу перенесть мысли растаться въ эту минуту съ кѣмъ бы то ни было изъ васъ.»

А между-тѣмъ эта мысль какъ бы на зло ему начала скоро мучить его. Здоровье Генриха, съ самой ночи пожара, было постоянно не хорошо; біеніе сердца, которое онъ почувствовалъ тогда же, не оставляло его съ тѣхъ поръ ни на минуту, и къ этому страданію присоединились теперь сильные припадки одышки и спазмовъ, которые, не смотря на

всѣ употребленные противъ нихъ средства, скорѣе усиливались, нежели уменьшались. Это безпокоило Лагмана тѣмъ болѣе, что онъ теперь любилъ и цѣнилъ своего сына болѣе прежняго. Только теперь, послѣ пожара, замѣтна стала истинная *горячность* между отцомъ и сыномъ.

Прекрасна мысль Магометанъ: что когда ангелъ смерти приближается къ человѣку, крылья его напередъ бросаютъ тѣнь на избраннаго. Съ самаго начала болѣзни Генриха душа его какъ будто омрачилась суровой тѣнью, и въ первое время усиленія болѣзненныхъ припадковъ, эта тѣнь все болѣе и болѣе распространялась надъ нимъ. Ахъ! горько, тяжело было юношѣ, одаренному всѣмъ, что сулитъ счастіе въ земной жизни, и только вступавшему на поприще, манившее его свѣжими лаврами и розами любви, тяжело было ему отвратить свой взоръ отъ этой улыбающейся будущности и слышать слова, которыя его бьющееся сердце днемъ и ночью какъ будто нашептывало ему: «Тебѣ должно умереть! Я не перестану биться, пока не раскроется твоя могила.» Но для людей съ такою душей, какая была у Генриха, переходъ отъ мрака къ свѣту не долгъ. Въ немъ было то, что побуждаетъ человѣка говорить Подателю жизни и смерти:

«Когда нашъ смертный приговоръ
Начертанъ Божіей рукою,

Тогда цѣлуемъ мы его
И преклоняемся главою.» *

Разъ у Генриха былъ длинный разговоръ наединѣ съ Ассесоромъ Мунтеромъ, его заботливымъ, искуснымъ врачемъ. Когда онъ оставилъ больнаго, на глазахъ его были слезы. Что до Генриха, то онъ, воротившись къ своимъ, былъ блѣднѣе обыкновеннаго, но во всемъ его существѣ выражалось какое-то тихое, торжественное спокойствіе. Съ этой минуты его расположеніе духа совершенно перемѣнилось. Онъ сдѣлался тихъ, спокоенъ, даже веселъ и необыкновенно любезенъ. Глаза его приняли какое-то чудно-ясное выраженіе. Тѣнь слетѣла съ его души.

Но эта тѣнь ложилась все мрачнѣе и мрачнѣе на ту, которая съ самаго начала Генриховой болѣзни такъ перемѣнилась, что ея нельзя было узнать: то была — мать Генриха. Правда, она разговаривала и дѣйствовала и исполняла свои обязанности по-прежнему, но томительная тоска снѣдала ея душу; казалось, что она жила въ другомъ мірѣ, и все, что не относилось, болѣе или менѣе, къ ея сыну, теряло для нея всякое значеніе или даже становилось ей въ тягость. Дочери ея заботливо старались удалить отъ нея все, что отвлекало ее отъ больнаго. Благодаря имъ, она могла посвятить себя совершенно своему

* Wird in dem Urtheilsspruch uns Deine Handschrift klar,
Mit einem Kuss darauf beugt unser Haupt sich dar.»

любимцу, и много сладостныхъ минутъ протекло еще для матери и сына, которымъ, можетъ быть, суждено было скоро разстаться — надолго.

Генриху было запрещено всякое умственное напряженіе, да и самая болѣзнь не позволяла ему этаго. Онъ долженъ былъ отказаться отъ своихъ любимыхъ ученыхъ занятій; но пылкій умъ его, который не могъ оставаться въ бездѣйствіи, искалъ утоленія въ вѣчно-юныхъ источникахъ поэзіи. Онъ много занимался поэтомъ, который въ продолженіе своей краткой жизни много пѣлъ и страдалъ, который изъ своего терноваго вѣнка умѣлъ возрастить прелестнѣйшія «Саронскія Лиліи.» Стихотворенія Стагнеліуса сдѣлались любимымъ чтеніемъ Генриха; онъ самъ положилъ на музыку многія изъ его пѣсень, и мать пѣла ему ихъ въ длинные зимніе вечера,—мать своимъ пѣніемъ умѣла угодить ему всегда лучше сестеръ —и онъ внутренно восхищался благородной силой, которая у этаго поэта уцѣлѣла, торжествуя посреди страданій жизни.

Около этаго времени домашніе замѣтили, что Генрихъ, въ присутствіи матери, часто заговаривалъ о смерти, выставляя свѣтлую ея сторону. Казалось, онъ этимъ хотѣлъ незамѣтно приготовить ее къ разлукѣ, которая, можетъ быть, уже была недалека, и заранѣе облегчить ея тягость. Элиза прежде любила такіе разговоры; она любила все, что проливало

свѣтъ на мрачныя картины жизни, но теперь она блѣднѣла каждый разъ, когда рѣчь заходила объ этомъ предметѣ; въ глазахъ ея изображалось безпокойство, и она съ какимъ-то страхомъ старалась перемѣнить разговоръ.

Разъ вечеромъ, когда семейство собралось для дружеской бесѣды въ-сумеркахъ и Ассесоръ былъ тутъ же, рѣчь зашла о снахъ, а потомъ о состояніи человѣка во время сна. Генрихъ напомнилъ о сравненіи древними сна съ смертію; онъ находилъ, что оно было вѣрно не столько по сходству однаго состоянія съ другимъ, сколько по сходству пробужденія отъ обоихъ.

«А въ чемъ же ты преимущественно полагаешь это сходство?» спросила Леонора.

«Въ сохраненіи и возрожденіи сознанія, памяти, всѣхъ душевныхъ способностей при наступленіи утра послѣ темной ночи.»

«Прекрасно,» сказалъ Ассесоръ, «и возможно! но какъ *намъ знать* о томъ?»

«Какъ?» отвѣчалъ Генрихъ съ одушевленіемъ во взорѣ; — «изъ Откровенія! Можно ли сомнѣваться въ томъ послѣ символа, который былъ намъ данъ въ смерти и воскресеніи одпаго изъ человѣковъ, въ

появленіи его послѣ сна въ мрачной юдоли, совершенно тѣмъ же, съ той же волею, той же любовію, съ яснымъ воспоминаніемъ о самыхъ незначительныхъ, равно какъ и о самыхъ важныхъ обстоятельствахъ его прежней жизни на землѣ. Какимъ свѣтлымъ, утѣшительнымъ лучемъ это событіе озарило мрачный порогъ вѣчности! Оно соединило два міра; оно провело мостъ черезъ мрачную пропасть; благодаря ему, странникъ можетъ приближаться къ этой пропасти безъ ужаса, и умирающій можетъ прощаться съ друзьями такъ же спокойно, какъ если бъ онъ уходилъ ко сну!»

Тутъ чья-то рука судорожно обняла Генриха и голосъ матери его съ какимъ-то отчаяніемъ шепталъ ему: «О Генрихъ, милый Генрихъ! не уходи, не оставляй насъ!.....» И она безъ чувствъ припала къ его груди.

Съ этихъ поръ Генрихъ, въ присутствіи матери, не заводилъ болѣе разговоровъ , которые такъ сильно на нее дѣйствовали. Напротивъ того онъ старался успокоивать и развеселять ее, и сестры усердно ему въ томъ помогали. У нихъ вовсе не было охоты выѣзжать въ свѣтъ и принимать участіе въ обществѣ, но онѣ иногда принуждали себя къ тому частію въ угодность брату, который желалъ этаго, а частію и для того, чтобы запасаться расказами, которые забавляли и занимали и брата и мать. Такія донесенія произ-

водились обыкновенно въ Генриховой комнатѣ, и сколько было при томъ смѣху! Ахъ! въ семействѣ, соединенномъ узами искренней дружбы, унынію такое плохое житье; не успѣетъ притти, какъ его ужъ опять гонятъ вонъ. Казалось, Фанни въ это время забывала свое собственное горе, чтобы и ей участвовать въ томъ вѣнкѣ успокоенія и нѣжности, который семейство общими с[illegible]ами сплетало для своего любимца; даже Лагманъ отрывался теперь чаще прежняго отъ своихъ занятій и присоединялся къ семейному кругу. Рѣдкій больной пользуется всѣми пріятностями и удобствами, какими былъ окруженъ Генрихъ. Онъ самъ это чувствовалъ. При ослабленіи отъ болѣзни, на прекрасныхъ глазахъ его часто выступали слезы, и онъ говорилъ: «Я счастливъ! слишкомъ счастливъ! Какое блаженство любить! Это *истинное* блаженство! Это лѣтняя пора души. И теперь, при моихъ страданіяхъ, я такъ богатъ, такъ счастливъ вашей любовью!» И онъ протягивалъ руку то матери, то сестрамъ и прижималъ ихъ руки къ губамъ и къ груди своей.

Одно время Генриху стало лучше; онъ страдалъ гораздо менѣе. Семейство встрепенулось отъ радости — и казалось, что самъ Генрихъ начиналъ вѣровать въ жизнь. Онъ опять могъ ходить гулять, упиваться свѣжимъ зимнимъ воздухомъ, который онъ такъ любилъ. Лагманъ ходилъ часто съ нимъ, и умилительно было смотрѣть, какъ отецъ, полный жизни и

здоровья, тихо велъ домой своего больнаго, но прекраснаго сына, и соразмѣрялъ свои обыкновенно скорые шаги съ медленными шагами юноши. Какое чудное выраженіе было во взорахъ обоихъ!

Много говорятъ о возвышенности материнской любви;—но любовь отцовская чуть ли не возвышеннѣе еще, не трогательнѣе, и мнѣ кажется, что человѣкъ, взлелѣянный нѣжнымъ, добродѣтельнымъ отцомъ, можетъ съ большею набожностію и полнѣйшимъ разумѣніемъ возносить къ небу общую всему человѣческому роду молитву: «Отче нашъ!»

Прошло нѣсколько недѣль. Одна короткая знакомая Франковъ должна была около этаго времени ѣхать съ дочерью въ тотъ самый городъ, гдѣ гостила Петрея, и очень желала, чтобы Габріэль—лучшій другъ молодой Амаліи—ѣхала съ нею. Габріэль охотно бы воспользовалась этимъ случаемъ повидаться съ своей любезной сестрою и вмѣстѣ съ тѣмъ повеселиться, но теперь, когда Генрихъ былъ боленъ, она и думать о томъ не хотѣла и никакъ не рѣшалась разстаться съ нимъ. Но Генрихъ самъ настаивалъ, чтобы Габріэль приняла предложеніе, которое обѣщало ей такъ много удовольствія. «Развѣ вы не видите,» сказалъ онъ, «что Габріэль чахнетъ, смотря на меня, а это вовсе не нужно, особенно теперь, когда мнѣ лучше и я скоро совсѣмъ выздоровѣю. Поѣзжай, поѣзжай только, милая Габріэль, я прошу

тебя о томъ! Ты въ отсутствіи будешь радовать насъ своими письмами, а когда ты къ Святой воротишься съ Петреей, тогда—тогда ты найдешь здѣсь уже не больнаго и не страждущаго брата: я до тѣхъ поръ совсѣмъ буду здоровъ!» Къ этой просьбѣ присоединились убѣжденія другихъ—особенно живой Амаліи—и наконецъ Габріэль дала себя уговорить. Въ полной увѣренности, что оставляетъ брата уже внѣ опасности, она при отъѣздѣ плакала, но и шутила. «Маленькая госпожа» въ первый разъ покидала родительскій домъ.

О Маіорѣ Р*** не было ни слуху, ни духу, и хотя Фанни не открывала своихъ чувствъ, казалось, что она была теперь спокойнѣе прежняго, и семейство начинало успокоиваться на счетъ ея будущности. Лагманъ, который изъявлялъ ей нѣжную признательность за ея поведеніе, старался предупреждать ея малѣйшія желанія, и согласился даже на то, чтобы она въ самомъ началѣ весны переселилась къ М...мъ. Онъ надѣялся, что Маіора тогда уже не будетъ тамъ. Но ему скоро предстояло горестное разочарованіе.

Въ одинъ темный вечеръ, въ началѣ Марта мѣсяца, два человѣка стояли подъ деревомъ на Маріинскомъ кладбищѣ и тихо разговаривали.

«Какой ты ребенокъ, Фанни,» сказалъ одинъ—«съ твоей борьбой и нерѣшимостью. И какъ мало-

душна твоя любовь! Хочешь ли знать, душа моя, какъ говоритъ истинная любовь? Послушай!

Pourquoi fit-on l'amour, si son pouvoir n'affronte
Et la vie et la mort, et la haine et la honte!
Je ne demande pas, je ne veux pas savoir
Si rien a de ton coeur terni le pur miroir,
Je t'aime! tu le sais! Qu' importe tout le reste!»

«О Викторъ!» отвѣчала Фанни дрожащимъ голосомъ, «если меня можно въ чемъ нибудь упрекнуть, то это конечно не въ недостаткѣ любви къ тебѣ. Ахъ! я чувствую и я доказываю своимъ поведеніемъ, что ты для меня дороже отца и матери, брата и сестеръ, дороже всего въ мірѣ. Я знаю однако, что я не хорошо поступаю; сердце мое возстаетъ противъ меня самой,—но я не могу противостоять твоей власти!»

«Вѣдь недаромъ же меня и зовутъ Викторомъ, мой ангелъ! Само небо признало мою власть. И я *твой* Викторъ, не такъ ли, душа моя?»

«Ахъ, да!» отвѣчала Фанни со вздохомъ. «Но теперь, Викторъ, не испытывай болѣе моей слабости, не старайся болѣе видѣться со мною; весной—черезъ мѣсяцъ я ѣду къ М...мъ; не требуй....»

«Не требуй такихъ обѣщаній отъ Виктора, Фанни! онъ не любитъ брать на себя тягостныя обяза-

тельства; — но ты, Фанни — ты должна уступить мнѣ, — иначе я буду думать, что ты меня не любишь! Ужели ты можешь отказать мнѣ сдѣлать нѣсколько шаговъ, чтобы потѣшить мои взоры, мое сердце, чтобы видѣть, чтобы слышать меня—нѣтъ Фанни! ты меня не любишь!»

«Я? Я люблю, я обожаю тебя. Я бы все могла перенести ради тебя, все, даже угрызенія совѣсти,—но мои родители—братъ и сестры! о, ты не знаешь, какъ мнѣ тяжело ихъ обманывать! Они такъ добры, такъ благородны—а я! Любовь къ нимъ еще все борется съ любовію къ тебѣ. Не требуй отъ меня слишкомъ много, Викторъ! И теперь прощай, мой другъ! Черезъ мѣсяцъ мы опять увидимся.»

«Еще одну секунду! Уже ли, Фанни, ты можешь меня такъ оставить? Гдѣ у тебя мое кольцо?»

«Близъ сердца моего! Тамъ оно хранится днемъ и ночью! Прощай, ради Бога пусти меня!»

«Скажи еще разъ, что ты любишь меня болѣе всего на свѣтѣ! Что ты не хочешь принадлежать никому, кромѣ меня!»

«Никому, кромѣ тебя! Прощай же!» Съ этими словами, Фанни силой вырвалась изъ объятій Маіора и, какъ будто чѣмъ то испуганная, скорыми шагами

пошла по кладбищу. Маіоръ тихо пошелъ за нею. Вдругъ появилась какая-то черная фигура, какъ будто вышедшая изъ гробовъ, и, поровнявшись съ Маіоромъ, пошла близехонько возлѣ него. Маіоръ вздрогнулъ, холодный трепетъ пробѣжалъ по его тѣлу; эта высокая, безмолвная фигура, въ темнотѣ и на кладбищѣ, походила на привидѣніе и наводила невольный страхъ; и такъ какъ она продолжала, по видимому съ намѣреніемъ, итти близехонько возлѣ Маіора, то онъ остановился и рѣзкимъ тономъ спросилъ: «Кто вы такіе?»

«Отецъ Фанни!» отвѣчала фигура глухимъ, но сильнымъ голосомъ,—и при тускломъ свѣтѣ фонаря, повернувшагося въ ту сторону отъ вѣтра, Маіоръ увидѣлъ черные глаза Лагмана, устремленные на него съ выраженіемъ угрозы и гнѣва. Въ первую минуту онъ было-смутился, но сейчасъ же оправился и сказалъ съ тѣмъ высокомѣрнымъ легкомысліемъ, которымъ отличалось все его обращеніе: «Въ такомъ случаѣ я оставляю ее въ добрыхъ рукахъ!» Съ этими словами онъ повернулъ въ-сторону и исчезъ въ темнотѣ.

Лагманъ слѣдовалъ за своею дочерью, но не приближался къ ней. Когда онъ пришелъ домой, на лицѣ его изображалась глубокая, болѣзненная скорбь; никогда еще онъ не казался такъ огорченъ. И въ

самомъ дѣлѣ бодрый духъ Лагмана въ первый разъ въ жизнь измѣнилъ ему.

Въ это самое время Шернгёкъ неожиданно прибылъ въ городъ. Онъ слышалъ о несчастіи, постигшемъ семейство Франкъ, слышалъ о поступкѣ Генриха при этомъ случаѣ, о его болѣзни въ слѣдствіе того, и хотѣлъ еще разъ повидаться съ нимъ передъ отъѣздомъ въ чужіе краи. Это посѣщеніе, для котораго Шернгёкъ нарочно проѣхалъ двадцать миль, удивило и глубоко тронуло Генриха, и когда Шернгёкъ вошелъ къ нему, онъ встрѣтилъ его съ выраженіемъ искреннѣйшей радости. Шернгёкъ пожалъ его протянутую руку и внезапная блѣдность покрыла его мужественное лице, когда онъ увидѣлъ перемѣну, какую кратковременная болѣзнь произвела въ наружности Генриха.

«Ахъ, какъ ты добръ, что пріѣхалъ навѣстить меня, Шернгёкъ! Благодарю тебя!» сказалъ Генрихъ съ чувствомъ. «Иначе намъ бы вѣроятно ужъ не привелось свидѣться въ этомъ мірѣ. А между-тѣмъ мнѣ хотѣлось еще сказать тебѣ пару словъ на прощанье.» Оба молчали съ-минуту.

«Что же ты хотѣлъ сказать мнѣ, Генрихъ?» спросилъ наконецъ Шернгёкъ съ какимъ-то страннымъ, безпокойнымъ выраженіемъ въ лицѣ.

«Я хотѣлъ поблагодарить тебя!» отвѣчалъ Генрихъ со всею искренностію, «поблагодарить за твою строгость ко мнѣ и сказать тебѣ, что я теперь вполнѣ сознаю, сколько она была справедлива и сколько она принесла мнѣ пользы. Я хотѣлъ поблагодарить тебя за это доказательство истинной дружбы, и я теперь вполнѣ убѣжденъ, что ты поступилъ такъ потому, что искренно желалъ мнѣ добра. Это впечатлѣніе, это воспоминаніе—вотъ все, что я хочу унесть съ собой изъ нашего знакомства, разставаясь съ этимъ міромъ. Ты не могъ любить меня, но я самъ былъ тому причиной. Прежде это меня огорчало, теперь я примирился и съ этою мыслію. Однако, какъ утѣшительно было бы для меня узнать, что мои недостатки, мое поведеніе съ тобой въ послѣднее время не оставили въ тебѣ слишкомъ непріятнаго впечатлѣнія, что ты будешь вспоминать обо мнѣ съ дружескимъ расположеніемъ, когда меня не будетъ!»

Сильная краска выступила на лицѣ Шернгёка, глаза его блестѣли. «Генрихъ!» отвѣчалъ онъ, «я чувствую въ эту минуту болѣе, нежели когда либо, что я до сихъ поръ не отдавалъ тебѣ справедливости. Все, что я узналъ о тебѣ въ послѣднее время, открыло мнѣ глаза и—Генрихъ! могу ли я еще надѣяться на твою дружбу? Мою ты пріобрѣлъ навсегда!»

«О! какъ прекрасна эта минута!» сказалъ Генрихъ отъ полноты сердца. «Всю жизнь я жаждалъ

ея, и вотъ я наконецъ вкусилъ ее, тогда какъ . . . . но благодарю Бога и за то!»

«Но зачѣмъ,» сказалъ Шернгёкъ съ жаромъ, «зачѣмъ говоришь ты съ такою увѣренностію о твоей смерти? Я напротивъ того думаю и надѣюсь, что твое положеніе совсѣмъ не такъ опасно. Позволь мнѣ поговорить о тебѣ съ искусными иностранными врачами. Или знаешь что! поѣзжай со мной лечиться у К.... Онъ славится искуствомъ лечить грудныя болѣзни. Позволь мнѣ свезти тебя къ нему. Ты навѣрное можешь и долженъ выздоровѣть!»

Генрихъ печально покачалъ головою. «Вотъ его сочиненіе!» сказалъ онъ, указывая открытую книгу на окнѣ. «Изъ него я знаю совершенно свое положеніе. Смотри, Нильсъ Габріэль!» продолжалъ онъ съ прекрасною улыбкою, положивъ одну руку на плечо друга, а другою указывая на небо, между-тѣмъ какъ большіе глаза его, съ нѣкотораго времени сдѣлавшіеся еще больше (передъ смертію глаза обыкновенно становятся больше и яснѣе), были обращены на Шернгёка, «смотри! вонъ твоя звѣзда! Она всходитъ! Тебѣ навѣрное предстоитъ свѣтлая дорога! Но когда эта звѣзда освѣтитъ своими лучами твою славу, я уже буду въ могилѣ;—я не стараюсь обманывать себя на этотъ счетъ; было время, эта мысль огорчала меня; — теперь нѣтъ! Въ минуты сожалѣнія о томъ, что я такъ мало успѣлъ совершить на землѣ,

я буду утѣшаться мыслію, что ты совершишь тѣмъ болѣе; и здѣсь ли или въ другомъ мірѣ, я всегда буду радоваться твоимъ успѣхамъ, твоему счастію!»

Шернгёкъ молчалъ. Крупныя слезы текли по его щекамъ, и онъ съ жаромъ прижалъ Генриха къ груди своей.

Онъ боялся, чтобы этотъ разговоръ не повредилъ больному и старался дать ему болѣе спокойное направленіе. Но сердце Генриха было слишкомъ полно; оно кипѣло жизнью и чувствами, могло найти успокоеніе только въ изліяніи ихъ. Казалось, что отношенія молодыхъ людей вдругъ совсѣмъ перемѣнились. Теперь Генрихъ управлялъ разговоромъ и наставлялъ Шернгёка, который со вниманіемъ и съ видимымъ участіемъ слушалъ молодаго поэта, высказывавшаго свои мысли и чувства съ такою свободою, на какую онъ прежде никогда не рѣшался въ присутствіи своего рѣзкаго критика.

Такъ-то человѣкъ, стоящій на рубежѣ царства смерти, пріобрѣтаетъ новыя права, новую важность. Изъ устъ его какъ будто слышатся откровенія духовъ — обитателей таинственнаго края, и потому люди мудрые и сильные на землѣ внимаютъ съ уничиженіемъ невѣжды и съ простотою дитяти вдохновеннымъ словамъ умирающаго.

Приходъ Лагмана далъ разговору другой оборотъ. Шернгёкъ вскорѣ завелъ рѣчь о послѣднемъ сочиненіи Генриха; онъ говорилъ о немъ, обращаясь преимущественно къ Лагману, съ глубокимъ знаніемъ дѣла и съ искреннею, жаркою похвалою, которая поразила и несказанно обрадовала Генриха.

Большое наслажденіе слышать себѣ похвалы, разумѣется заслуженныя, отъ человѣка, о которомъ мы высокаго мнѣнія, особенно если этотъ человѣкъ скупъ на похвалы. Генрихъ испыталъ это чувство въ полной мѣрѣ; къ наслажденію слышать себѣ одобреніе отъ Шернгёка присоединилось и другое, почти еще высшее. Генрихъ былъ понятъ имъ и отъ того самъ лучше понималъ себя. Ему казалось, что въ эту минуту онъ въ первый разъ постигъ свое назначеніе въ жизни, и могъ отдать себѣ отчетъ въ своихъ желаніяхъ и способностяхъ. Источникъ жизни сильно закипѣлъ въ груди его. «Ты мнѣ возвращаешь здоровье, Нильсъ Габріэль! Ты мнѣ возвращаешь жизнь!.» воскликнулъ онъ! «О, я хочу выздоровѣть! хочу жить, чтобы приняться за свои прежнія занятія съ новымъ рвеніемъ, съ лучшимъ сознаніемъ своихъ силъ. До сихъ поръ я еще ничего не сдѣлалъ! Но теперь, теперь бы я могъ..... Я чувствую, что я ожилъ; я никогда не чувствовалъ себя такъ хорошо...! Я теперь навѣрное выздоровѣю, или, можетъ быть — судьба сберегла это сладкое ощущеніе на послѣднюю минуту моей жизни!»

Вечеръ прошелъ пріятно и весело въ домашнемъ кругу. Блаженные Ангелы на небесахъ не могутъ быть прекраснѣе и веселѣе, какъ Генрихъ былъ въ этотъ вечеръ. Непринужденно шутилъ онъ съ матерью, съ сестрами, даже съ Шернгёкомъ и былъ однимъ изъ самыхъ веселыхъ дѣйствующихъ лицъ за ужиномъ, къ которому Луиза представила лимонный кремъ, своей собственной работы, чѣмъ «наша старшая» не мало гордилась. Она даже почти была убѣждена, что Генрихъ только ему былъ обязанъ обновленіемъ своей жизни и что въ немъ была чудотворная сила. Но увы!

Въ самую ту минуту, когда Генрихъ шутилъ съ Луизой объ этой выходкѣ, веселость его внезапно была прервана жестокимъ припадкомъ болѣзни.

Эти страданія, продолжавшіяся безпрерывно трое сутокъ, погрузили больнаго въ безпамятство и, казалось, быстро приближали его къ цѣли, которую рука милосердія положила тѣлеснымъ страданіямъ. На вторые сутки Генрихомъ овладѣла тоска *перемѣщенія*, которая у больныхъ обыкновенно бываетъ знакомъ, что душа готовится къ своему великому перемѣщенію. Лагманъ на своихъ рукахъ переносилъ сына изъ одной комнаты въ другую, изъ постели въ постель. Никто изъ семейства почти не смыкалъ глазъ въ эти ужасные сутки. Мать провожала своего любимца изъ комнаты въ комнату, изъ постели въ

постель и, прислонясь къ его подушкѣ, или сидя на кровати у ногъ его, не спускала съ него глазъ, въ которыхъ не было слезъ, но выражалась глубокая тоска, и, нѣжно улыбаясь ему, когда ей казалось, что онъ узнаетъ ее, она шепотомъ, но почти безпрестанно произносила его имя.

На третій день, вечеромъ, Генрихъ пришелъ въ себя. Онъ узнавалъ своихъ, ласково разговаривалъ съ ними и благодарилъ ихъ. Онъ замѣтилъ на лицахъ ихъ блѣдность и утомленіе и неотступно просилъ ихъ итти отдохнуть. Ассесоръ, который былъ тутъ же, сталъ также упрашивать и увѣрялъ, что, судя по всѣмъ признакамъ, Генрихъ самъ подкрѣпится тихимъ сномъ. Онъ обѣщалъ самъ провесть эту ночь у больнаго. Отецъ и дѣвицы дали себя уговорить; но когда дѣло дошло до матери, то она вмѣсто отвѣта только махнула рукой съ горестной улыбкой, которою она какъ будто хотѣла сказать: «напрасно объ этомъ и говорить!»—«Вѣдь ты мнѣ позволишь остаться у тебя, Генрихъ?» сказала она умоляющимъ голосомъ. Онъ улыбнулся, взялъ ея руку и положилъ на сердце; въ ту же минуту онъ закрылъ глаза и скоро заснулъ тихимъ, освѣжительнымъ сномъ. Ассесоръ сидѣлъ молча и смотрѣлъ то на мать, то на сына; но скоро онъ принужденъ былъ оставить ихъ, получивъ зовъ скорѣе явиться къ опасному больному. Онъ ушелъ съ тѣмъ, чтобы воротиться еще ночью. Ассесора Мунтера

прозвали въ городѣ «ночнымъ докторомъ,» потому-что онъ одинъ являлся съ готовностью днемъ и ночью, когда только имѣли надобность въ его помощи.

Мать свободно вздохнула, когда осталась наконецъ наединѣ съ своимъ сыномъ. Она сложила руки и подняла глаза къ небу съ выраженіемъ, уже не походившемъ на то, какое видно было на лицѣ ея въ предыдущіе дни. То была уже не та тревожная, близкая къ роптанію горесть, но глубокое, совершенное, благоговѣйное, хотя скорбное смиреніе. Потомъ она наклонилась къ больному и—вотъ слова, вырвавшіяся шепотомъ изъ глубины ея любящаго сердца:

«Поди, мое милое дитя, поди! Я тебя не хочу болѣе удерживать, потому-что это только мучитъ тебя Пусть придетъ избавитель твой! Твоя мать не будетъ болѣе оспоривать тебя у него. Пускай онъ придетъ, какъ добрый Ангелъ, и положитъ конецъ твоимъ страданіямъ, и я—я буду покорна! Поди, мой первенецъ, мой лѣтній цвѣтокъ, поди! Для матери твоей, можетъ быть, уже никогда болѣе не разцвѣтетъ новое лѣто, но—нѣтъ нужды! — Поди, прими успокоеніе! Та, которая лелѣяла тебя въ колыбели, не отравитъ послѣднихъ минутъ твоихъ своими жалобами. Благослови тебя Господь, и благословенъ будь Тотъ, Кто мнѣ даровалъ тебя и Кто теперь отзываетъ тебя въ лучшую обитель. Когда-

нибудь и я приду къ тебѣ, другъ мой. Поди же и жди меня, дитя мое!—ты усталъ, страшно усталъ, —тяжело было твое послѣднее странствованіе;—пора тебѣ отдохнуть. Приди же, добрый избавитель, приди, благая смерть, и прикоснись къ его сердцу; но легко, легко! Прекрати его муки, его страданія;—онъ никогда не огорчалъ своихъ родителей!»

Въ эту минуту Генрихъ открылъ глаза и остановилъ на матери ясный, спокойный взоръ.

«Слава Богу! Я теперь не чувствую никакой боли!» сказалъ онъ.

«Слава и благодареніе Богу, дитя мое,» сказала она. Мать и сынъ смотрѣли другъ на друга съ улыбкою неземной любви; они теперь совершенно понимали другъ друга.

«Когда меня не станетъ,» сказалъ онъ слабымъ, прерывающимся голосомъ, — «то скажите это какъ можно осторожнѣе Габріэли! Она такъ чувствительна, и—не крѣпка здоровьемъ.—Не говорите ей этаго—въ холодную и пасмурную погоду;—но—когда будетъ сіять теплое солнышко, — и все около нея будетъ весело, свѣтло, тогда—тогда, скажите ей—что меня не стало. Передайте ей мое послѣднее прости и — скажите. что умирать не страшно!—Что тамъ также есть солнце.» Онъ замолчалъ, но на устахъ

его была улыбка, и глаза его сомкнулись будто отъ усталости. Потомъ онъ сказалъ тихо: «Спой мнѣ что-нибудь, маменька. Я усну спокойнѣе. *Стучатся! Иду!*»

Этими словами начиналась пѣсня, которую Генрихъ сочинилъ за нѣсколько дней передъ тѣмъ во время ночи, проведенной безъ сна и въ страданіяхъ, и которую онъ самъ положилъ на музыку. Геній поэзіи покинулъ его въ послѣднее время его болѣзни; онъ чувствовалъ и скорбѣлъ о томъ, но душа его была все та же и во всей своей красотѣ отразилась въ пѣснѣ, которую мать, по просьбѣ сына, начала пѣть дрожащимъ голосомъ: *

«Стучатся, иду! Но передъ уходомъ въ край тишины, дай, ангелъ смерти, еще разъ возгласить пѣснь, послѣднюю пѣснь благодаренья и прощанья!

«Благодарю, милосердый Отецъ небесный, за сладкій даръ жизни; за то, что посреди земныхъ печалей и радостей, я научился познавать и славословить Тебя!

«Благодарю за жизнь, благодарю и за смерть, полагающую предѣлъ трудамъ и страданіямъ; какъ сердцу ни больно, оно чувствуетъ отраду, когда принадлежитъ Тебѣ!

* Для сохраненія всей возможной точности въ переводѣ этой умилительной пѣсни, она здѣсь передается прозою.

«Много цвѣтовъ бросилъ Ты на тропу испытанія, — много усладительныхъ лилій мира; но всѣхъ ихъ прекраснѣе вѣра въ Тебя и молитва: «да будетъ воля Твоя!»

«Прости, чудная земля,—ты, которая меня носила и питала! Простите и вы, милые друзья! Простите, забудьте вины мои! Смерть приближается, сердце жжетъ!»

«Жжетъ!» воскликнулъ Генрихъ болѣзненно. «Страшно! Маменька, маменька!» Онъ водилъ вокругъ себя безпокойные взоры.

«Я здѣсь, мой другъ!» сказала она, наклонясь къ нему.

«Ахъ! это только мнѣ и нужно!» сказалъ онъ опять спокойно. «Пой, маменька!» прибавилъ онъ тихо, закрывая глаза; «я такъ усталъ!»

Мать запѣла:

«Мы разстаемся, — но когда-нибудь я опять увижу васъ, да, мы вновь соединимся тамъ, гдѣ друзья болѣе не разлучаются, гдѣ нѣтъ печальныхъ и плачущихъ.»

«Благодарю, благодарю васъ—ахъ, я уже васъ не вижу болѣе! Меркнетъ въ потухающихъ глазахъ, меркнетъ! но—за предѣлами ночи я въ вышинѣ вижу разсвѣтъ!»

«О, если бъ ты знала, какъ становится свѣтло! Ахъ, какъ божественно!» сказалъ онъ, умирая, и поднялъ руки; но онѣ скоро опять опустились. Лице юноши перемѣнилось; смерть слегка коснулась его сердца и біеніе его остановилось. Но на мать сошло чудное вдохновеніе; глаза ея ярко засіяли, и никогда еще голосъ ея не былъ такъ прекрасенъ, такъ звученъ, какъ теперь, когда она опять запѣла:

«Ты зовешь! Повинуюсь, Отецъ небесный, гласу Твоему! Простите, простите, о милые! муки мои кончились — уже я вижу Бога! слава и хвала Вѣчному!»

Пѣніе прервало безпокойный сонъ Лагмана и слышанные имъ звуки показались ему почти неземными. Онъ долго прислушивался, пока могъ убѣдиться, что это былъ дѣйствительно голосъ жены его, и съ невыразимымъ страхомъ поспѣшилъ въ комнату больнаго. Онъ вошелъ въ самую ту минуту, когда Элиза кончала послѣдній стихъ; при видѣ того, что представилось глазамъ его, онъ воскликнулъ: «Боже мой!» и всплеснулъ руками.

Элиза перестала пѣть. Ужасное сознаніе, какъ острый мечь, пронзило ея сердце. Она увидѣла передъ собой бездыханное тѣло своего сына, и съ слабымъ крикомъ отчаянія упала какъ мертвая у смертнаго одра.

(Продолженіе въ слѣдующемъ №)

О СОВРЕМЕННИКѢ ВЪ 1844 ГОДУ.

Вышедшія въ нынѣшнемъ 1843 году девять книжекъ Современника конечно оправдали въ глазахъ читателей рѣшительность Редакціи, которая, вмѣсто прежнихъ четырехъ, печатаетъ нынѣ въ годъ двенадцать номеровъ Современника. Произведенія лучшихъ нашихъ Литераторовъ и Ученыхъ, Стихотворенія и Библіографія — все является своевременно. Для нынѣшней Русской публики, столь внимательной къ успѣхамъ отечественной Литературы, особенно важно послѣднее обстоятельство. Появленіе каждой замѣчательной книги на Русскомъ языкѣ требуетъ немедленнаго о ней отзыва, потому-что внутри Имперіи съ такою же любознательностію слѣдуютъ за развитіемъ ума и талантовъ, какъ и въ обѣихъ нашихъ Столицахъ. Удовлетвореніе этой потребности вѣка есть главная обязанность журналовъ.

Современникъ, и въ нынѣшнемъ своемъ видѣ, не перемѣнилъ того характера сужденій, который доставилъ ему одобреніе благомыслящихъ читателей. Сужденія Современника безпристрастны, положительны и столько умѣренны, сколько требуетъ того первая въ общежитіи обязанность — благоприличіе. Вы-

боръ прочихъ статей основанъ на понятіи Редакціи о вкусѣ, слогѣ и занимательности содержанія.

Въ будущемъ 1844 году Современникъ явится также въ 12 номерахъ, изъ которыхъ каждый отправленъ будетъ читателямъ въ 1-ое число мѣсяца. Цѣна изданія прежняя: *въ Санктпетербургѣ безъ доставки на домъ* — 7 р. 15 к. сер. (25 р. асс.); *съ пересылкою же на домъ и въ другіе города* — 8 р. 60 к. сер. (30 р. асс.). Подписка принимается: 1) въ Газетной Экспедиціи Санктпетербургскаго Почтамта; 2) въ Санктпетербургскомъ Университетѣ у издателя Д. С. С. Петра Александровича Плетнева; 3) у книгопродавцевъ: Иванова, Юнгмейстера и Полеваго.

НОВЫЯ СОЧИНЕНІЯ.

I.

32. Очеркъ Всеобщей Исторіи древняго міра, *составленный студентами* Императорскаго *Дерптскаго университета. Въ* 8; 484 *стр.*

На эту книгу надобно смотрѣть съ двухъ сторонъ: во-первыхъ какъ на новое пособіе къ изученію Древней Исторіи; во-вторыхъ, какъ на опытъ молодыхъ людей въ сочиненіи на Русскомъ языкѣ, который еще недавно былъ для нихъ почти иностраннымъ языкомъ. Въ первомъ отношеніи книга представляетъ сочиненіе, замѣчательное по строгой системѣ, полнотѣ происшествій, не обремененной излишествомъ подробностей и мелочей, по духу изъясненія событій, проникнутому религіею и чистою философіей. Послѣ множества учебниковъ Исторіи эта книга должна быть признана пособіемъ нелишнимъ; потому-что въ ней многое соображено съ самыми новыми воззрѣніями Европейскихъ мыслителей на науку. Во второмъ отношеніи она есть явленіе, отрадное для Министерства Народнаго Просвѣщенія и всѣхъ, кто принимаетъ живое участіе въ судьбѣ Русскаго языка. Его распространеніе въ Остзейскихъ

провинціяхъ доставляетъ имъ возможность участвовать непосредственно въ трудахъ Русскихъ Ученыхъ и Литераторовъ. Такимъ образомъ всѣ наши Университеты, сосредоточенные управленіемъ ихъ, будутъ составлять цѣлое и по орудію мысли, безъ чего трудно итти къ одной общей цѣли. Первый опытъ въ семъ великомъ дѣлѣ очень удаченъ. Немного встрѣчается оборотовъ и выраженій въ изданной нынѣ книгѣ, по которымъ строгій Русскій судья можетъ догадываться, что она писана не-природными Русскими. Мы во второй уже разъ такъ обрадованы успѣхами юношества въ Русскомъ языкѣ, воспитывающагося въ присоединенныхъ къ Россіи провинціяхъ. Еще недавно читателямъ нашимъ мы указывали на собраніе сочиненій, написанныхъ по-Русски воспитанниками Бѣлорусскаго Учебнаго Округа. Все это доказываетъ, сколь благодѣтельны мѣры чистаго убѣжденія, которыми въ своихъ дѣйствіяхъ руководствуется Министерство Народнаго Просвѣщенія.

33. Два знаменитые смотра войскъ во Франціи. *Соч. Генералъ-Лейтенанта Хатова. Съ двумя планами. Въ 8; 77 стран.*

Первый, описанный здѣсь, смотръ произведенъ былъ Наполеономъ въ 1804 году при Булони; второй, въ 1815 году при Вертю, Императоромъ Александромъ Павловичемъ. Люди, посвятившіе себя

военному искуству, конечно съ любопытствомъ и съ большою пользою могутъ прочитать эту книжку.

34. Портреты именитыхъ мужей Россійской Церкви *съ приложеніемъ ихъ краткаго жизнеописанія. Въ* 4.

Это изданіе полезно въ томъ отношеніи, что можетъ подать мысль приготовить въ лучшемъ видѣ и съ біографіями болѣе отчетливыми и удовлетворительными портреты знаменитыхъ людей Русскихъ.

35. Рѣчи, *произнесенныя въ торжественномъ собраніи Ришельевскаго Лицея,* 20 *Іюня* 1843 *года. Въ* 4; 21 *стран.*

Первая изъ напечатанныхъ здѣсь рѣчей произнесена Профессоромъ А. Нордманомъ: *Объ ископаемыхъ остаткахъ первобытнаго міра*; вторая: *О значеніи физикоматематическихъ наукъ въ практической жизни, и причины ихъ быстраго развитія въ новѣйшія времена,* Адъюнкта В. Петровскаго; наконецъ третія: *Историческая записка о состояніи и дѣйствіяхъ Ришельевскаго Лицея съ* 20 *Іюня* 1842 *по* 20 *Іюня* 1843, *съ краткимъ обзоромъ* 25-*лѣтняго существованія Лицея.* Всѣ статьи, какъ вѣрные историческіе матеріалы движенія и успѣховъ образованности въ Россіи вообще и въ Новороссіи въ-особенности, заслуживаютъ вниманіе просвѣщенныхъ читателей. Особенно послѣдняя послужитъ нѣ-

когда хорошимъ пособіемъ для историка нашихъ общественныхъ учебныхъ заведеній.

36. Общій Отчетъ, представленный Его Императорскому Величеству по Министерству Народнаго Просвѣщенія за 1842 годъ. *Въ* 8; 142 *стран.*

Изъ сего Отчета усматривается, что дѣятельность Министерства обнимаетъ *двадцать четыре* отдѣльныя вѣдомства. Въ учебныхъ заведеніяхъ Министерства въ Имперіи (которыхъ числомъ 2,120) находится обучающагося юношества 103,243 человѣка. Присоединивъ сюда 1,264 учебныхъ заведеній и 66,708 обучающихся въ Царствѣ Польскомъ, мы видимъ, что итогъ первыхъ достигаетъ числа 3,384, а послѣднихъ 169,951. Наблюдавшіе внимательно постепенность, съ которою распространяется кругъ дѣятельности Министерства, съ изумленіемъ видятъ, какъ возрасли эти итоги, если ихъ сравнить съ тѣми, которые находились за десять лѣтъ въ Отчетѣ сего же Министерства. Между-тѣмъ это общее стремленіе къ пріобрѣтенію сокровищъ знанія совершается единственно въ слѣдствіе улучшенія способовъ, которыми они пріобрѣтаются. Извѣстно, что подобное направленіе, повсемѣстно обнаружившееся, не только не останавливается, но и получаетъ ежегодно болѣе движенія и силы. Какъ любопытно будетъ, по истече-

нія новыхъ десяти лѣтъ, сравнить тогдашніе итоги съ нынѣшними!

37. Описаніе Бухарскаго Ханства, *составленное* Н. Ханыковымъ *Въ* 8; 279 *стран.*

Главное достоинство этой книги заключается въ томъ, что собранныя въ ней извѣстія не заимствованы изъ старыхъ расказовъ, а составлены на мѣстѣ. Здѣсь много есть любопытнаго объ администраціи, просвѣщеніи, промышленности и разныхъ племенахъ Бухарскаго Ханства. Но нельзя не замѣтить, читая книгу, что авторъ не привыкъ къ литературной дѣятельности, и потому онъ пишетъ съ трудомъ и не свободно обработываетъ въ картины и группы собранные имъ матеріалы.

38. *Систематическій каталогъ книгамъ, находящимся въ* библіотекѣ ученаго Комитета Министерства Государственныхъ Имуществъ. *Въ* 4; 106 *стран.*

Въ библіотекѣ при ученомъ комитетѣ Министерства Государственныхъ Имуществъ собрано уже, не смотря на краткое время его существованія, болѣе 1200 книгъ, изъ которыхъ большая часть прямо относится къ спеціальнымъ предметамъ сего учрежденія, а меньшая обнимаетъ вспомогательныя науки, не исключая медицины, естествовѣдѣнія и математики.

39. **Князь Курбскій**, *историческій романъ изъ событій XVI вѣка. Сочиненіе* Бориса Ѳедорова. *Въ четырехъ частяхъ. Въ* 12; 135, 172, 213 и 115 *стран.*

«Дѣла давно минувшихъ дней,
«Преданья старины глубокой».

Такъ можно привѣтствовать этотъ романъ, не потому, что онъ содержитъ событія XVI вѣка, а потому, что онъ сочиненъ давно. Сожалѣемъ, что это произведеніе не вышло въ свѣтъ въ свое время. Тогда оно и разсмотрѣно было бы обстоятельнѣе, соотвѣтственно духу, господствовавшему въ Русской литературѣ. Нельзя сомнѣваться, что сочинитель много зависѣлъ отъ современныхъ идей. Онѣ оправдали бы въ произведеніи все: тонъ, краски, языкъ и другія принадлежности, столь уважаемыя въ литературныхъ созданіяхъ. Теперь довольно сказать, что книга написана благонамѣренно и даже назидательно.

40. **Опечатки.** *Въ* 8; 263 *стран.*

Неизвѣстный сочинитель сихъ стихотвореній говоритъ между прочимъ:

«Правды только, да добра
Ждетъ отъ критики писатель.»

Исполняя его желаніе, мы скажемъ, что лучше бы не издавать *Опечатокъ*, если уже и самъ онъ считалъ ихъ за опечатки дарованія и вкуса. Истинное мнѣніе о нихъ можно бы узнать проще и дешевлѣ. Хорошо еще, что духъ честолюбія не ввелъ въ искушеніе автора, и—какъ въ книгѣ же его сказано. —

»Мракомъ имя онъ покрылъ.«

41. Часы досуга. *Стихотворенія* В. Жмакина. *Въ* 8; 70 *стран.*

Это небольшое собраніе стихотвореній доказываетъ, что, и привыкнувъ писать гладкіе стихи, нельзя быть занимательнымъ стихотворцемъ безъ истины ощущеній и образованнаго вкуса.

42. *Программа* методическаго приготовительнаго курса ученія. *Въ* 4; *XVI стран.*

Тяжелое возглашеніе о приготовляемой авторомъ перемѣнѣ въ разныхъ частяхъ первоначальнаго обученія. Кажется, все останется и послѣ него въ нынѣшнемъ видѣ.

43. Достопамятности Москвы, *издаваемыя подъ покровительствомъ Князя Дмитрія Владиміровича Голицына.*

Изданіемъ Достопамятностей Москвы занимается г. Тромонинъ. По мѣрѣ приготовленія литографированныхъ рисунковъ, очерковъ или снимковъ, съ краткимъ объяснительнымъ описаніемъ ихъ, тетради будутъ выходить въ неопредѣленное время. Въ каждой предполагается помѣщать по 12 изображеній. Это изданіе принесетъ большую пользу вообще и послужитъ важнымъ пособіемъ къ изученію Русскихъ древностей и исторіи. Любители всего отечественнаго безъ сомнѣнія воспользуются нынѣ же появленіемъ первой тетради.

44. *О дѣйствіи и употребленіи* соляныхъ источниковъ въ Старой Руссѣ. *Сочиненіе доктора* О. П. Вельца. *Въ 8; 102 стран.*

Обстоятельное описаніе всего, что нужно знать желающимъ пользоваться Старорусскими минеральными водами. Сверхъ того здѣсь помѣщенъ отчетъ за шесть лѣтъ, сколько человѣкъ изъ бывшихъ на водахъ получили совершенное облегченіе, сколько неполнѣ выздоровѣло и сколько изъ нихъ умерло. Послѣднихъ показано только 22 человѣка изъ общаго числа 5380.

45. *Очеркъ* Коммерческой бухгалтеріи и терминологіи. *Составленный* И. С. Вавиловымъ. *Въ 8; V и 108 стран.*

Въ книгѣ сей ничто не забыто изъ относящагося къ главному предмету, хотя она и не щегольскимъ языкомъ изложена.

46. *Совѣтъ да привѣтъ добрымъ людямъ* изъ Москвы бѣлокаменной: И. Сабурова. *Въ* 8; 35 *стран.*

Въ Москвѣ такую же для простаго народа предпринимаютъ издавать библіотеку, какую здѣсь въ С. Петербургѣ начали нѣкоторые литераторы. Мы высказали наше мнѣніе о семъ предметѣ, упоминая о *Сельскомъ чтеніи*. Повторяемъ: все это прекрасно; нужно только постоянство въ трудѣ, изученіе предмета и безкорыстная любовь къ дѣлу. Это все надобно приложить и къ *Совѣту да привѣту изъ Москвы бѣлокаменной*.

II.

47. На сонъ грядущій. *Отрывки изъ вседневной жизни. Сочиненіе* Графа В. А. Соллогуба. Часть II. *Въ* 8; 407 *стран.*

См. XXII Т. Современ., 29 стран. *первой нумераціи*.

48. Статейки въ стихахъ. *Безъ картинокъ.* Томъ II. *Въ* 16; 40 *стран.*

49. *Энциклопедія Русской опытной городской и сельской* **хозяйки, ключницы, экономки, повар ихи, кухарки, скотницы и птичницы,** *содержащая въ себѣ: наставленія и руководства по всѣмъ отраслямъ городскаго и сельскаго хозяйства, и проч.* Борисомъ Волжинымъ. Часть IV. *Въ* 8; 283 *стран.*

НОВЫЕ ПЕРЕВОДЫ.

14. Мысли Паскаля. *Перевелъ съ Французскаго* Иванъ Бутовскій. *Въ* 12; 299 *стран.*

На подобные труды нельзя смотрѣть безъ благодарности. Они показываютъ, что въ литературѣ есть еще труженики добра и свѣта. Но мы съ большею благодарностію приняли бы переводъ не одной части, а всѣхъ твореній Паскаля, которыя обнимаютъ предметы, доступные всякому изъ образованныхъ людей. Геніальныя созданія никогда не теряютъ цѣны своей.

15. *Исторія* обществъ воздержанія въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ. *Соч.* Р. Берда. *Въ* 12; 365 *стран.*

Разсматриваемая нами книга принадлежитъ къ числу явленій, полезнѣйшихъ для человѣчества. Въ ней такъ неоспоримо, такъ убѣдительно изложены пагубныя слѣдствія употребленія спиртовыхъ напитковъ, и такъ занимательно представлено распространеніе обществъ воздержанія, что ея чтеніе въ самомъ упрямомъ умѣ, отуманенномъ предразсудками, не

можетъ не пробудить благодѣтельныхъ размышленій. Писатели, занимающіеся изданіемъ книгъ для сельскаго чтенія, изъ нея бы должны были заимствовать нѣсколько расказовъ для своихъ изданій, упростивъ ихъ до повѣствованій, понятныхъ всякому простолюдину.

16. Невѣста-лунатикъ. *Лирическая опера въ двухъ дѣйствіяхъ. Музыка Беллини. При семъ:* Побрякушки. *Въ 16; 51 и 4 стран.*

Здѣсь *Невѣста-лунатикъ* не то, что въ устахъ Рубини: здѣсь она не лучше *Побрякушекъ*, къ ней прицѣпленныхъ.

17. Гальванографія, *или способъ производить гальванически мѣдныя доски для печатанія кистью работанныхъ рисунковъ. Соч.* Франца фонъ Коббеля, *доктора философіи, профессора минералогіи и проч. Съ рисунками. Въ 8; 54 стран.*

Профессоръ Коббель дошелъ до искуства сдѣланные кистью рисунки переводить на мѣдь въ углубленномъ видѣ, такъ, чтобъ ихъ можно было размножать печатаніемъ. Германія этимъ изобрѣтеніемъ обязана открытіямъ нашего Академика Якоби. Упоминаемая нами здѣсь книжка содержитъ описаніе опытовъ, которыми г. Коббель достигнулъ до своихъ результатовъ.

НОВЫЯ ИЗДАНІЯ.

8. Священная Исторія для дѣтей, *выбранная изъ Ветхаго и Новаго Завѣта* Анною Зонтагъ. *Въ двухъ частяхъ* Изданіе третіе. *Въ* 12; 288 *и* 294 *стран.*

9. Путеводитель *по Санктпетербургу и его окрестностямъ.* Ивана Пушкарева. *Въ* 8; XVI, 468 *и* 34 *стран.*

10. Вѣдьма, *или страшныя ночи за Днѣпромъ. Русскій романъ, взятый изъ народнаго преданія. Соч.* А. Чуровскаго Изданіе второе *безъ перемѣны. Три части. Въ* 12; 150, 142 *и* 134 *стран.*

11. Повѣсти Ивана Гудошника. *Собранныя* Николаемъ Полевымъ. *Въ двухъ частяхъ.* Изданіе Штукина. *Въ* 12; 285 *и* 195 *стран.*

12. Атаманъ Буря, *или Вольница Заволжская. Русскій романъ изъ преданій старины.* Изданіе второе *Три части Въ* 8; 108, 95 *и* 93 *стран.*

13. **Жизнь сердца**, *или какъ любятъ женщины.* **Изданіе второе.** *Три части. Въ* 8; 116, 182 *и* 114 *стран.*

14. **Русскіе простонародные расказы.** *Опытъ изданія для народнаго чтенія. Сочиненіе* Ѳедора Русанова. **Изданіе второе.** *Въ* 8; 106 *стран.*

УРОКИ ЖИЗНИ *.

Mon coeur avait mon âge: il ignorait la vie;
Aucune illusion. amèrement ravie,
Jeune, ne l avait rendu vieux;
Il s'épanouissait à toute chose belle,
Et dans cette existence, encor pour lui nouvelle,
Le mal était bien, le bien mieux.
THÉOPHILE GAUTIER.

ТОМУ ДАВНО.

Дѣла давно минувшихъ дней. . . . . . .
Пушкинъ.

Тому давно .. и я была ребенкомъ
Неемыслящимъ... я на людей и жизнь,
По темному влеченью, безъ сознанья,
Безъ вѣдома, смотрѣла любопытно,
Одеждъ и лицъ значенье разбирая,
Но о душѣ, о чувствахъ, и о мысляхъ
Не думая, не зная; и тогда
Наружное одно лишь поражало
Мои глаза: но ужъ тогда во мнѣ

* Вотъ еще нѣсколько стихотвореній Графини Е. П. Ростопчиной, соединенныхъ общею идеею. Мы помѣщаемъ ихъ въ нашемъ журналѣ съ истинною благодарностію къ Поэту. Безъ сомнѣнія и читатели раздѣлятъ съ нами чувство это. Мы не считаемъ за нужное говорить о первокласныхъ красотахъ поэзіи, о глубинѣ мыслей и ощущеній. Любители и знатоки поэзіи пусть обратятъ вниманіе даже на самую форму, въ которой является идея Автора. Редак.

Вспыхало вдругъ огнемъ воображенье,
И изъ пеленъ тревожное рвалось;
И помню я: какихъ-то пѣсень звуки,
Какихъ-то словъ мнѣ неоткрытый смыслъ,
Какихъ-то лицъ живое выраженье
Ужъ глубоко умѣли волновать
Всю душу мнѣ—и въ ней, какъ въ крѣпкомъ камнѣ,
Врѣзалися... и впечатлѣнья тѣ
Еще теперь во мнѣ неизгладимы.
Пересчитать, назвать ихъ я умѣю,
Я чувствую ихъ давнее вліянье;
Они мнѣ жизнь открыли постепенно—
Какъ молнія, прорѣзавъ облака,
Среди небесъ сіянье солнца кажетъ
Бродящему въ-потемкахъ пилигриму,
Какъ молотокъ, разбивъ скалу сѣдую,
Пещеры глубь являетъ наконецъ.

ПОКИНУТАЯ НЕВѢСТА.

Morte... pitié pour elle! . . .
Vivant... pardon pour lui! . . .
M-ME DESBORDES-VALMORE. PAUVRES FLEURS.

Тому давно, помолвили невѣсту
Въ роднѣ моей—и много было толковъ,
Какъ водится, и много поздравленій,
И на нее смотрѣли съ любопытствомъ.
Она была одно изъ тѣхъ созданій
Незначущихъ, не щедро одаренныхъ,
Которыя родятся прозябать —
И нравиться могла лишь въ жизни разъ
По тайному небесъ предназначенью.
Быть можетъ, мать-старуха умолила
Пречистую; быть можетъ, Богъ надъ ней
Самъ сжалился, какъ нѣкогда надъ Ліей,
За кроткое смиреніе ея:
Но дѣло въ томъ, что ей женихъ нежданый
И счастія нечаянный привѣтъ
Казалися и были благодатью,
Посланіемъ и милостью Творца.
И вся семья торжествовала съ нею,
И велика была въ ихъ домѣ радость, .
И ожила больная мать на-время,
И собирать приданое спѣшила
Съ восторгами, съ слезами и мольбой.
И даже, помнится, сама невѣста
Отъ радости похорошѣла. . .

Вдругъ
Послышалось что свадьбѣ не бывать . . .
Что измѣнилъ, что отказалъ женихъ . . .
Какъ всѣ о ней, о бѣдной, сожалѣли! . . .
Какъ плакали прискорбно мать и сестры!
Какой ударъ обиженной семьѣ!
Она . . . Но слезъ ея мы не видали,
Но жалобы отъ ней мы не слыхали...
Она была спокойна и горда.
Но только намъ, болтливымъ, рѣзвымъ дѣтямъ,
Запрещены тогда при ней распросы,
И говорить не велѣно о свадьбахъ,
О женихахъ, и пристально смотрѣть
Не велѣно на бывшую невѣсту. . .

Вотъ годъ прошелъ. . . Она была больна,
И чахла медленно, едва примѣтно,
Безъ словъ; и все любила собирать
Вокругъ себя подругъ своихъ, ровесницъ,
И насъ дѣтей; и часто средь бесѣды
По-прежнему смѣялась беззаботно,
По прежнему, забывшись, говорила
О будущемъ, и даже о нарядахъ...
Но только вдругъ въ глазахъ ея потухшихъ
Болѣзненно лучь бѣглый загарался. . .
И яркое пунцовое пятно
Являлося на блѣдномъ полотнѣ
Ея лица, ея ланитъ безцвѣтныхъ . . .
И старшія тогда намъ говорили,
Что это страшный знакъ. . . и мы боялись. . .

Вотъ годъ еще... и нѣтъ ея на свѣтѣ! . . .
Разъ, поутру, безъ муки, какъ свѣча
Въ ней догорѣла жизнь... она скончалась!

Въ день похоронъ, у кованнаго гроба,
Стояла я, дрожала, и молилась,
И плакала. . . Мнѣ было жаль ея;
Но тайный гласъ шепталъ мнѣ въ утѣшенье,
Что лучше ей! что смерть для ней была
Пристанище, заря по долгой ночи,
Взамѣнъ зимы отрадная весна! . . .
Меня страшилъ видъ непривычной смерти,
Конецъ всего, спущенный въ землю гробъ;
Но тайный гласъ шепталъ мнѣ въ ободренье,
Что свѣтлое настанетъ воскресенье,
Что *тамъ* опять надежда расцвѣтетъ. . .

Но только въ памяти и мысли я
Печальное хранила удивленье;
И много дней потомъ въ стѣсненномъ сердцѣ
Звучалъ вопросъ: «Такъ съ-горя умираютъ? . . .
«Такъ женщины покинуты бываютъ? . . .
«Такъ обмануть ты можешь ихъ, любовь? . . .»

Въ тотъ день я поняла, что значитъ *Горе!*

(До слѣдующаго №)

ОГЛАВЛЕНІЕ XXXI ТОМА.

Конецъ тридцать-перваго тома.